

ISSN 2520-6885

ТРУДЫ БГТУ

Научный журнал

Серия 6

ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ

№ 2 (239) 2020 год

Рубрики номера:

История

Философия

Минск 2020

Учреждение образования
«Белорусский государственный
технологический университет»

ТРУДЫ БГТУ

Научный журнал

Издается с июля 1993 года

Серия 6

**ИСТОРИЯ,
ФИЛОСОФИЯ**

№ 2 (239) 2020 год

Выходит два раза в год

Минск 2020

Учредитель – учреждение образования «Белорусский государственный технологический университет»

Главный редактор журнала – Войтов Игорь Витальевич, доктор технических наук, профессор, Республика Беларусь

Редакционная коллегия журнала:

Шетько С. В., кандидат технических наук, доцент (заместитель главного редактора), Республика Беларусь;
Жарский И. М., кандидат химических наук, профессор (заместитель главного редактора), Республика Беларусь;
Черная Н. В., доктор технических наук, профессор, Республика Беларусь;
Прокопчук Н. Р., член-корреспондент НАН Беларуси, доктор химических наук, профессор, Республика Беларусь;
Водопьянов П. А., член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор, Республика Беларусь;
Новикова И. В., доктор экономических наук, профессор, Республика Беларусь;
Наркевич И. И., доктор физико-математических наук, профессор, Республика Беларусь;
Долгова Т. А., кандидат физико-математических наук, доцент, Республика Беларусь;
Торчик В. И., доктор биологических наук, Республика Беларусь;
Захарук Т., доктор педагогических наук, профессор, Республика Польша;
Пайвинен Ристо, доктор наук, профессор, Финляндская Республика;
Барчик Стэфан, доктор наук, профессор, Словацкая Республика;
Жантасов К. Т., доктор технических наук, профессор, Республика Казахстан;
Харша Ратнавира, доктор наук, профессор, Королевство Норвегия;
Рангелова Е. М., доктор педагогических наук, профессор, Республика Болгария;
Шкляр Бенцион, профессор, Государство Израиль;
Хассель Л. Г., доктор наук, профессор, Королевство Швеция;
Флорик Е. А., кандидат биологических наук, доцент (секретарь), Республика Беларусь.

Редакционная коллегия серии:

Водопьянов П. А., член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор (главный редактор серии), Республика Беларусь;
Шадурский В. Г., доктор исторических наук, профессор (заместитель главного редактора серии), Республика Беларусь;
Короткая Т. П., доктор философских наук, профессор, Республика Беларусь;
Решетников С. В., доктор политических наук, профессор, Республика Беларусь;
Черота И. А., доктор филологических наук, профессор, Республика Беларусь;
Пунченко О. П., доктор философских наук, профессор, Украина;
Шалаев В. П., доктор философских наук, профессор, Российская Федерация;
Рангелова Е. М., доктор педагогических наук, профессор, Республика Болгария;
Захарук Т., доктор педагогических наук, профессор, Республика Польша;
Снапковская С. В., доктор педагогических наук, доктор исторических наук, профессор, Республика Беларусь;
Острога В. М., кандидат исторических наук, доцент (ответственный секретарь серии), Республика Беларусь.

Адрес редакции: ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск.

Телефоны: главного редактора журнала – (+375 17) 343-94-32;

главного редактора серии – (+375 17) 282-41-95.

E-mail: root@belstu.by, <http://www.belstu.by>

Свидетельство о государственной регистрации средств массовой информации

№ 1329 от 23.04.2010, выданное Министерством информации Республики Беларусь.

Журнал включен в «Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований»

Educational institution
“Belarusian State Technological University”

PROCEEDINGS OF BSTU

Scientific Journal

Published monthly since July 1993

Issue 6

**HISTORY,
PHILOSOPHY**

No. 2 (239) 2020

Published biannually

Minsk 2020

Publisher – educational institution “Belarusian State Technological University”

Editor-in-chief – Voitau Ihar Vital’evich, DSc (Engineering), Professor, Republic of Belarus

Editorial (Journal):

Shet’ko S. V., PhD (Engineering), Associate Professor (deputy editor-in-chief), Republic of Belarus;
Zharskiy I. M., PhD (Chemistry), Professor (deputy editor-in-chief), Republic of Belarus;
Chernaya N. V., DSc (Engineering), Professor, Republic of Belarus;
Prokopchuk N. R., Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, DSc (Chemistry), Professor, Republic of Belarus;
Vodop’yanov P. A., Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, DSc (Philosophy), Professor, Republic of Belarus;
Novikova I. V., DSc (Economics), Professor, Republic of Belarus;
Narkevich I. I., DSc (Physics and Mathematics), Professor, Republic of Belarus;
Dolgoval T. A., PhD (Physics and Mathematics), Associate Professor, Republic of Belarus;
Torchik V. I., DSc (Biology), Republic of Belarus;
Zakharuk T., DSc (Pedagogics), Professor, Republic of Poland;
Paivinen Risto, DSc, Professor, Republic of Finland;
Barcik Štefan, DSc, Professor, Slovak Republic;
Zhantasov K. T., DSc (Engineering), Professor, Republic of Kazakhstan;
Harsha Ratnaweera, DSc, Professor, Kingdom of Norway;
Rangelova E. M., DSc (Pedagogics), Professor, Republic of Bulgaria;
Shklyar Benzion, Professor, State of Israel;
Hassel L. G., DSc, Professor, Kingdom of Sweden;
Flyurik E. A., PhD (Biology), Associate Professor (secretary), Republic of Belarus.

Editorial (Issue):

Vodop’yanov P. A., Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, DSc (Philosophy), Professor (managing editor), Republic of Belarus;
Shadurskiy V. G., DSc (History), Professor (sub-editor), Republic of Belarus;
Korotkaya T. P., DSc (Philosophy), Professor, Republic of Belarus;
Reshetnikov S. V., DSc (Politics), Professor, Republic of Belarus;
Cherota I. A., DSc (Philology), Professor, Republic of Belarus;
Punchenko O. P., DSc (Philosophy), Professor, Ukraine;
Shalaev V. P., DSc (Philosophy), Professor, Russian Federation;
Rangelova E. M., DSc (Pedagogics), Professor, Republic of Bulgaria;
Zakharuk T., DSc (Pedagogics), Professor, Republic of Poland;
Snapkovskaya S. V., DSc (Pedagogics), DSc (History), Professor, Republic of Belarus;
Ostroga V. M., PhD (History), Associate Professor (executive editor), Republic of Belarus.

Contact: 13a, Sverdlova str., 220006, Minsk.

Telephones: editor-in-chief (+375 17) 343-94-32;
managing editor (+375 17) 282-41-95.

E-mail: root@belstu.by, <http://www.belstu.by>

ИСТОРИЯ

УДК 321.1(476)(470):94»

П. С. Крючек

Белорусский государственный технологический университет

ПРОБЛЕМА ЭТНОГЕНЕЗА БЕЛОРУСОВ В ВЕЛИКОРУССКОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XIX – НАЧАЛА XX В.

Важнейшей составной частью исторической культуры каждого народа являются представления о его происхождении. Вопрос о происхождении белорусского народа на протяжении длительного времени был объектом пристального внимания как белорусских, так и российских историков.

В статье рассматриваются основные концепции формирования белорусского этноса, которые были сформулированы в великорусской и белорусской историографии в XIX – начале XX в. Показано, что в великорусской историографии господствовал тезис о том, что белорусы не являются самостоятельным этносом, а представляют собой неотъемлемую часть русского народа. Этот тезис был аргументировано опровергнут в трудах белорусских ученых, которые, опираясь на огромный этнографический и исторический материал, доказали самобытность белорусского этноса.

Ключевые слова: этнос, происхождение, историография, Россия, Беларусь.

P. S. Kruchek

Belarusian State Technological University

THE PROBLEM OF ETHNOGENESIS OF BELARUSIANS IN THE GREAT RUSSIAN AND DOMESTIC HISTORIOGRAPHY OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURY

The most important component of the historical culture of each nation is the idea of its origin. The issue of the origin of the Belarusian people for a long time has been the object of close attention of both Belarusian and Russian historians.

The article examines the basic concepts of the formation of the Belarusian ethnos, which were formulated in the Great Russian and Belarusian historiography in the 19th – early 20th centuries. It is shown that the thesis that the Belarusians are not an independent ethnos, but are an integral part of the Russian people, prevailed in the Great Russian historiography. This thesis was reasonably refuted in the works of Belarusian scientists, who, based on a huge ethnographic and historical material, proved the originality of the Belarusian ethnos.

Key words: ethnicity, origin, historiography, Russia, Belarus.

Введение. Вопрос о происхождении белорусского народа на протяжении длительного времени являлся объектом пристального внимания как белорусских, так и российских историков. Впервые эта проблема стала предметом научного анализа в XIX в., когда в Российском обществе проявился пристальный интерес к изучению этнографии и истории включенных в состав империи в результате разделов Речи Посполитой территорий.

В начале XIX в. еще не существовало единого названия для белорусского этноса и территории его проживания. Название «Беларусь» было закреплено только на восточных террито-

риях – Могилевская, Витебская и часть Смоленской губерний, среди населения которых было широко распространено самоназвание «белорусы». Западные регионы – Минская, Гродненская и Виленская губернии (вместе с Каунасом) назывались «Литва», а их население называли «литвинами». Польский язык преобладал в социальной и культурной жизни всего региона. В этих условиях и произошло первое знакомство Российского общества с Беларусью.

Основная часть. Пристальный интерес российских ученых к Беларуси стал проявляться еще в конце XVIII – начале XIX в. Начались ознакомительные поездки по краю,

стали появляться первые исследования по истории так называемой «Западной Руси». Особая задача в этом плане ставилась перед исторической наукой, которая должна была обосновать законность разделов Речи Посполитой и правомерность включения белорусских и украинских земель (как земель «исконно русских») в состав России.

Правительственная точка зрения на этот вопрос нашла свое отражение уже в 1780 г. в официальном путеводителе, который был приурочен к путешествию Екатерины II по Беларуси. В нем, в частности, утверждалось, что «некогда эта земля принадлежала великим русским князьям. Потом она была расхищена на части, но русские государи, начиная с Ивана III, стремились присоединить оторванные части». И лишь в 1772 г. произошло восстановление исторической справедливости и «потерянное приобщено и утверждено под державу Екатерины» [1, с. 42–43].

В целом в XIX в. изучение Беларуси и белорусов развивалось по восходящей линии. Возникли первые научные центры, занимавшиеся историческими исследованиями (прежде всего Виленский университет и Полоцкая иезуитская академия), расширилась источниковая база, возникли первые концепции исторического развития Беларуси. В этот же период появились первые исследования, посвященные проблеме происхождения и этнической истории белорусов.

Следует отметить, что белорусское население в XIX в. было расколото по конфессиональному признаку. Социальные верхи общества являлись в основном католиками и относили себя к полякам. В то же время православное население Беларуси, основную массу которого составляли крестьяне, считалось русским. Такая ситуация, которую активно поддерживали и православное, и католическое духовенство, не способствовала консолидации белорусского этноса и отрицательно сказывалась на этническом самосознании белорусского народа. Следствием этого стало возникновение двух псевдонаучных концепций этногенеза белорусов – «великорусской» и «польской». Общим для этих концепций было отрицание самого факта существования белорусского народа. Не прибегая к глубокому изучению и анализу этнографии и истории белорусов, представители этих концепций объявили их составной частью соответственно либо русского, либо польского народа.

Как уже отмечалось выше, изучение Беларуси в великорусской историографии было вызвано прежде всего политическими мотивами и носило ярко выраженный тенденциозный характер. Показательными в этом плане являются

работы Н. Устрялова. В них Беларусь не являлась самостоятельным объектом исследования. Историк был уверен в существовании единого восточнославянского этноса и именно в этом контексте рассматривал разделы Речи Посполитой и включение белорусских земель в состав Российской империи [2, 3]. Такая точка зрения стала идеологическим указанием для последующих российских историков вплоть до начала XX в. и являлась господствующей в великорусской историографии.

Особенно активно данные идеи пропагандировали представители консервативного направления «западноруссизма», которые объединились вокруг журнала «Вестник Западной России», издаваемого в Вильносе под редакцией К. Говорского. Главной целью журнала редакция объявила борьбу против сепаратизма, за единую русскую народность. При этом все публикации носили ярко выраженный тенденциозный характер. К. Говорский и его сторонники доказывали, что существует единый русский народ, а все этнические особенности белорусов объясняли результатом польско-католической экспансии.

Однако окончательное оформление теории «западноруссизма» получила после подавления восстания 1863–1864 гг. В этой идеологии российские власти увидели эффективное средство для борьбы с польским влиянием.

Согласно идеологии «западноруссизма», Беларусь объявлялась культурной и государственной частью России, а белорусы, соответственно, западной ветвью русского этноса. Историк Михаил Коялович в своих работах утверждал, что Украина, Беларусь и Литва исторически являлись единой и неотъемлемой частью России как территориально, так и этнически. Этнографические особенности Беларуси объяснялись польским влиянием и подлежали ликвидации [4, с. 76].

Укрепление «западноруссизма», по мнению властей, должны были поспособствовать многочисленные исследования народной культуры, быта и этнографии белорусов, которые широко развернулись в 60–70-е гг. XIX в. Однако этнографические исследования И. Носовича, М. Дмитриева, Ю. Крачковского, А. Семеновского и других ученых только подтвердили существование самостоятельного белорусского этноса.

Одним из первых о самобытности белорусского этноса заявил А. Киркор. В 1882 г. в третьем томе многотомного издания «Живописная Россия» была опубликована работа А. Киркора «Литовское и Белорусское Полесье», которая за пять лет до этого была издана небольшим тиражом в Кракове под названием «Белоруссия и

Литва в исторических, географических и археологических отношениях». В работе, опираясь на этнографический и археологический материал, предпринята попытка доказать историческую самобытность белорусского народа, его истории и культуры. По мнению автора, белорусы – это не какое-то ответвление великорусского или польского народов и в исторической перспективе должны занять равноправное место рядом с доминирующими соседними народами [5, с. 376].

В конце 70-х и начале 80-х г. XIX в. к проблеме этногенеза белорусов обратились представители народных организаций. В своих изданиях – «Письма о Беларуси. Письмо первое» Данилы Боровика, «Послание землякам-белорусам» от «Искреннего белоруса», два номера журнала «Гомон» и др. – белорусские народники утверждали, что у белорусов есть свои оригинальные черты, которые позволяют считать их самостоятельным славянским племенем со своей историей, этнографическими и климатическими особенностями, отличными от соседей – поляков, украинцев и русских. Особенно подчеркивалась самобытность белорусского языка.

Народники утверждали, что белорусский народ всегда чувствовал свое органическое единство и отличал свои интересы от польских и великорусских, что свидетельствует о существовании самостоятельного белорусского этноса [6, с. 76]. Однако эти публикации, как известно, являлись подпольными и какого-либо распространения в обществе не имели. В конце XIX – начале XX в. в Российской историографии по-прежнему преобладала точка зрения о том, что возникновение в IX в. единого русского государства создало необходимые условия для создания единого русского народа, заселявшего территорию от Ладоги до Черного моря и от Карпат до верховьев Волги [7, с. 13].

Наиболее последовательную научную концепцию этногенеза белорусов предложили в конце XIX – начале XX в. видные белорусские ученые Карский Е. и Довнар-Запольский М.

Обстоятельные историко-филологические исследования позволили Е. Карскому обратиться к решению проблемы этногенеза белорусского народа. Особое место в этом смысле занимает фундаментальное исследование ученого по истории белорусского языка и литературы «Белорусы». Данная работа базировалась на большом количестве письменных и этнографических источников, что дало ученому возможность точно определить территориальные границы распространения белорусского языка, а это, в свою очередь, позволило составить точную карту расселения белорусского этноса.

В первом томе своей работы Е. Карский приходит к выводу, что уже к XIII в. на основе древнерусских племен кривичей, дреговичей и радимичей сформировалась белорусская народность, а белорусский язык является не диалектом русского или польского языков, а самостоятельным славянским языком со своими фонетическими и грамматическими особенностями [8, с.112]. При том ученый подчеркивал, что в формировании белорусов приняли участие частично северяне, вятичи, древляне, а также некоторые неславянские народы, в частности балты [8, с. 138].

Е. Карский применял несколько понятий для обозначений белорусского этноса и белорусского языка. В различных местах он употребляет такие понятия, как белорусский народ, белорусское племя, белорусский язык, белорусское наречие, западнорусский язык, западнорусское наречие и даже иногда русский язык и русское наречие. Скорее всего, это была дань традиции, которая сложилась в Российской публицистике в XIX в.

Ученый не отрицал генетическую общность белорусского и русского языков. Согласно с его взглядами, первоначально существовала общеславянская языковая общность. На определенном этапе из нее выделился древнерусский, или общерусский, язык, в котором существовали различные местные диалекты, и на основе их в XIV в. сложились современные русский, белорусский и украинский языки [9, с. 261]. Именно особенности языка Е. Карский и считал главным признаком этноса

Проблема этногенеза белорусов занимала значительное место в трудах выдающегося ученого Митрофана Викторовича Довнар-Запольского.

Первые исторические публикации М. Довнар-Запольского под общим названием «Белорусское прошлое» появились в 1888 г. в газете «Минский листок». В своих статьях ученый подчеркивал, что белорусы являются самостоятельным славянским народом со своей самобытной историей. Поэтому этот народ, который не утратил свою самобытность, должен снова выйти на арену политической и культурной жизни [10, с. 36].

Главную проблему М. Довнар-Запольский видел в том, что в то время, когда соседние народы уже стали на путь национального возрождения и выдвинули целый ряд известных деятелей, обосновавших их права на самостоятельное существование, история и этнография Беларуси оставались почти не изученными. Этот факт привел к такой ситуации, что в 80-е гг. XX в. поляки считали Беларусь Польшей, русские Россией и даже украинцы в некоторых

своих работах «признали белорусов почти малорусами», поэтому М. Довнар-Запольский призывал в своих статьях создать в Беларуси научное общество и широко изучать все стороны культуры и быта белорусского народа. В первую очередь было необходимо организовать специальное издание, посвященное Беларуси. Таким изданием стал «Календарь Северо-Западного края», который выходил в 1889 и 1890 гг. под редакцией М. Довнар-Запольского. Главная цель издания – распространять в обществе истинные сведения о Беларуси на основе науки. Поэтому в «Календаре» печатались статьи по истории, этнографии, статистике и экономике Беларуси. Беларусь в этих работах рассматривалась как край, совершенно отличающийся от соседней и в историческом, и в этнографическом плане.

В первом выпуске «Календаря» была напечатана работа М. Довнар-Запольского «Краткий географический очерк Древней Белоруссии», в которой автор попытался определить этнографические границы Беларуси. Он отмечал, что эта территория должна совпадать в основном с территорией расселения трех восточнославянских племен – кривичей, дреговичей и радимичей. При этом ученый утверждал, что данные племена уже в древности имели общие этнографические черты, отличающие их от других славянских племен. В качестве доказательства своего тезиса он привел пример с радимичами, которые никогда не жили самостоятельной политической жизнью. Тем не менее они не ассимилировались с северянами, вместе с которыми входили в состав Черниговского княжества, а примкнули к кривичам и дреговичам, вместе с которыми создали особую этнографическую группу [11, с. 108].

Главным доказательством того, что беларусы являются самобытным славянским этносом, М. Довнар-Запольский считал существование самостоятельного белорусского языка. Изучению грамматики и фонетики белорусского языка он посвятил несколько своих этнографических работ. На основе анализа огромного этнографического материала ученый выделил основные особенности белорусского языка. Правда, отдавая дань традиции, а может и желая избежать противодействия цензуры, он называет

белорусский язык самостоятельным наречием русского языка, как и наречие великорусское и малорусское [10, с. 419]. Таким образом, мы видим, что термин «русский» он употреблял здесь как синоним термина «восточнославянский». Поэтому и белорусский язык является, по его мнению, самостоятельным восточнославянским языком, как и русский, и украинский.

Еще раз к проблеме этногенеза белорусов М. Довнар-Запольский обратился в своем труде «История Беларуси», который впервые был опубликован только в 1994 г. В этой работе ученый утверждал, что территория бассейна Припяти и до верховьев Днепра вместе с бассейном Вислы и Одера являлась прародиной славян, которые впоследствии распались на множество племен. В результате племена кривичей, дреговичей и радимичей стали основой для формирования белорусской народности. Более того, ссылаясь на филологические исследования А. Шахматова, М. Довнар-Запольский пришел к мысли, что эти племена по своим языковым особенностям ближе к западным славянам. Данные племена уже в древности имели свои этнографические особенности, которые отличали их от других восточнославянских племен, разговаривали на общем языке, который впоследствии и стал основой для белорусского языка [12, с. 26]. Более того, М. Довнар-Запольский считал, что племена кривичей, дреговичей и радимичей на протяжении своей истории не испытывали какого-либо значительного влияния со стороны других народов. Поэтому беларусы, наряду с поляками, являются наиболее чистым славянским народом [12, с. 28].

Заключение. Таким образом, в великорусской историографии господствовал тезис о том, что беларусы не являются самостоятельным этносом, а представляют собой неотъемлемую часть русского народа. Этот тезис был аргументировано опровергнут в трудах белорусских ученых, которые, опираясь на огромный этнографический и исторический материал, доказали самобытность белорусского этноса.

Статья выполнена при поддержке БРФФИ в рамках совместного белорусско-российского проекта «Историческая культура белорусов и россиян: формирование представлений о национальном и общем прошлом».

Список литературы

1. Топографические примечания на знатнейшие места путешествия ее императорского величества в Белорусские наместничества. СПб.: СПб. Импер. академия наук, 1780. 138 с.
2. Устрялов Н. Г. О системе прагматической русской истории. СПб.: Тип. Л. Снигерева и К; 1836. 90 с.
3. Устрялов Н. Г. О литовском княжестве. Исследование вопроса, какое место в Русской истории должно занимать Великое княжество Литовское. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1839. 42 с.
4. Коялович М. О. Чтения по истории Западной России. СПб.: Тип. Суворина, 1884. XIII, 349 с.

5. Киркор А. Литовское и Белорусское Полесье // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении: в 19 т. / под ред. П. П. Семенова. СПб.: Тип. М. О. Вольф, 1882. Т. 2. 490 с.
6. Публицистика белорусских народников: нелегальные издания белорусских народников (1881–1884). Минск: Издательство БГУ им. В. И. Ленина, 1983. 132 с.
7. Самоквасов Д. Я. Происхождение русского народа. М.: Синодальная типография, 1908. 16 с.
8. Карский Е. Ф. Белорусы. Введение в изучение языка и народной словесности: в 3 т. Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1903. Т. 1. 324 с.
9. Карский Е. Ф. Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М.: Изд. АН СССР, 1962. 712 с.
10. Довнар-Запольский М. В. Исследования и статьи. Киев: Тип. А. Сапунова, 1909. 486 с.
11. Довнар-Запольский М. В. Краткий географический очерк древней Белоруссии (XI–XII вв.) // Календарь Северо-Западного края на 1889 год. М., 1889. С. 107–113.
12. Доўнар-Запольскі М. В. Гісторыя Беларусі. Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 1994. 512 с.

References

1. *Topograficheskiye primechaniya na znatneyshiyе mesta puteshestviya yeye imperatorskogo velichestva v Belorusskiye namestnichestva* [Topographic notes on the most notable places of the journey of Her Imperial Majesty to the Belarusian governorships]. St. Petersburg, SPb. Imperatorskaya Akademiya nauk Publ., 1780. 138 p.
2. Ustryalov N. G. *O sisteme pragmaticheskoy russkoy istorii* [On the system of pragmatic Russian history]. St. Petersburg, Tip. L. Snigereva i K. Publ., 1836. 90 p.
3. Ustryalov N. G. *O litovskom knyazhestve. Issledovaniye voprosa, kakoye mesto v Russkoy istorii dolzhno zanimat' Velikoye knyazhestvo Litovskoye* [About the Lithuanian principality. Research into the question of what place in Russian history should be occupied by the Grand Duchy of Lithuania]. St. Petersburg, Ekspeditsiya zagotovleniya gosudarstvennykh bumag Publ., 1839. 42 p.
4. Koyalovich M. O. *Chteniya po istorii Zapadnoy Rossii* [Readings on the history of Western Russia]. St. Petersburg, Tip. Suvorina Publ., 1884. XIII, 349 p.
5. Kirkor A. Lithuanian and Belarusian Polesie. *Zhivopisnaya Rossiya. Otechestvo nashe v yego zemel'nom, istoricheskom, plemennom, ekonomicheskom i bytovom znachenii* [Picturesque Russia. Our Fatherland in its land, historical, tribal, economic and everyday meaning] / ed. by P. P. Semenov. St. Petersburg, 1882. 490 p. (In Russian).
6. *Publitsistika belorusskikh narodnikov: nelegal'nyye izdaniya belorusskikh narodnikov (1881–1884)*. [Journalism of Belarusian populists: illegal publications of Belarusian populists (1881–1884)]. Minsk, BGU im. V. I. Lenina Publ., 1983. 132 p.
7. Samokvasov D. Ya. *Proiskhozhdeniye russkogo naroda* [The origin of the Russian people]. Moscow, Sinodal'naya tipografiya Publ., 1908. 16 p.
8. Karskiy Ye. F. *Belorusy. Vvedeniye v izucheniye yazyka i narodnoy slovesnosti* [Belarusians. Introduction to the study of language and folk literature]. Warshawa, Tip. Varshavskogo uchebnogo okruga Publ., 1903. Vol. 1. 324 p.
9. Karskiy Ye. F. *Trudy po belorusskomu i drugim slavyanskim yazykam* [Works on Belarusian and other Slavic languages]. Moscow, AN SSSR Publ., 1962. 712 p.
10. Dovnar-Zapol'skiy M. V. *Issledovaniya i stat'i* [Research and articles]. Kiyev, Tip A. Sapunova Publ., 1909. 307 p.
11. Dovnar-Zapolsky M. V. Brief geographical sketch of ancient Belarus (XI–XII century). *Kalendar' Severo-Zapadnogo kraya na 1889 god* [Northwest Territory Calendar 1889]. Moscow, 1889, pp. 107–113 (In Russian).
12. Dovnar-Zapolskiy M. V. *Gistoryya Belarusi* [History Of Belarus]. Minsk, Belaruskaya Entsiklopediya Publ., 1994. 512 p.

Информация об авторе

Крючек Петр Степанович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: kruchek@belstu.by

Information about the author

Kruchek Peter Stepanovich – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian state Technological university (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: kruchek@belstu.by

Поступила 15.09.2020

Труды БГТУ Серия 6 № 2 2020

УДК. 94(470)(476):323.1

А. А. Райченко

Белорусский государственный технологический университет

**ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
В ИСТОРИОГРАФИИ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ XX в.**

В данной статье исследуется проблема изменений отражения исторической памяти в ходе трансформации общества на примере историографии белорусской государственности XX в. Очерчивается круг проблем, с которыми приходится сталкиваться историкам при изучении такого феномена, как историческая память, а также взаимного влияния исторической памяти и историографии. Дается обзор основных направлений в историографии белорусской государственности, которые появились в результате трансформации постсоветского общества и возникновения белорусского независимого государства. Рассматриваются новые направления исследования в белорусской исторической науке в связи с происходящими изменениями в массовом сознании и попытках поиска новой идентичности. Отмечается, что наиболее приоритетными становятся исследования, охватывающие период первой трети XX в., и в особенности 1917–1922 г. Делается вывод о том, что трансформация общества в рамках национального необходимым образом приводит к смене идентичности, что, в свою очередь, находит отражение в историографии и как следствие – закрепляется в новой исторической памяти.

Ключевые слова: историография, историческая память, историческая наука, государственность, парадигма, нация.

A. A. Raichonak

Belarusian State Technological University

**REFLECTION OF HISTORICAL MEMORY IN THE HISTORIOGRAPHY
OF THE BELARUSIAN STATEHOOD OF THE XX CENTURY**

This article examines the problem of changes in the reflection of historical memory during the transformation of society, using the example of the historiography of the Belarusian statehood of the 20th century. The article outlines the range of problems that historians face in the study of such a phenomenon as historical memory, as well as the mutual influence of historical memory and historiography. An overview of the main directions in the historiography of the Belarusian statehood, which arose as a result of the transformation of the post-Soviet society and the emergence of the Belarusian independent state, is given. New directions of research in the Belarusian historical science in connection with the ongoing changes in mass consciousness and attempts to search for a new identity are considered. It is noted that studies covering the period of the first third of the twentieth centuries are becoming the highest priority, and especially 1917–1922. It is concluded that the transformation of society within the framework of the national in the necessary ways leads to a change in identity, which in turn is reflected in historiography and, as a result, is fixed in the new historical memory.

Key words: historiography, historical memory, historical science, statehood, paradigm, nation.

Введение. Изучение феномена исторической памяти в последнее время стало одним из приоритетных направлений не только собственно исторической науки, но и представителей других гуманитарных отраслей знаний, что делает данное направление по сути междисциплинарным. Но все же следует признать, что именно на историков возлагается основная нагрузка в деле разработки этого относительно нового направления.

В ходе исследований ученым приходится сталкиваться с целым рядом трудностей, связанных с тем, что историческая память является дифференцированным и изменчивым явлением, она постоянно обновляется, воспроизводится, проверяется, трансформируется, поэтому она

нуждается в определенной фиксации. Решить данную проблему можно с помощью инструментария различных исторических дисциплин, в том числе историографии.

Проблему взаимосвязи профессиональной историографии и исторической памяти можно увязать и с определенным типом исторической культуры общества. Профессиональное знание влияет на коллективные представления о прошлом, но, в свою очередь, оно существует в каком-то культурном контексте, испытывает воздействие определенного типа исторической культуры, массовых стереотипов и предрассудков.

Сегодня профессиональная историография сталкивается и с другой проблемой, а именно с резким сокращением временного промежутка

между моментом совершения события и началом его изучения. В условиях, когда живы свидетели событий, а также их непосредственные потомки, воспринявшие информацию о событиях из первых рук, влияние историографии на память затрудняется, сталкиваясь с альтернативными версиями прошлого. В результате образуются места усиления исторической преемственности и, наоборот, места их разрывов, забвений, умолчаний [1].

Особое место в жизни каждого народа занимает историческая память об этапах развития его государственности. Именно она фиксируется как в учебниках по истории, так и в общих представлениях граждан об историческом прошлом как основы национальной консолидации. Закрепление данных тенденций происходит, как правило, в отечественной историографии, однако стоит иметь в виду, что это обоюдно зависимый процесс: часто академическая историография предлагает, а иногда и навязывает обществу свои представления об основных этапах развития государственности и тенденциях ее развития, выступая в некоторой степени в роли транслятора государственной идеологии. Данная статья будет посвящена историографии белорусской государственности XX в. и ее влиянию на историческую память.

Основная часть. Если не принимать во внимание краткий промежуток времени начала XX в., то начиная с 1920-х гг. по мере установления коммунистической идеологии и вплоть до конца 80-х гг. в советской историографии господствовал принцип партийности, согласно которому могла существовать только официальная трактовка исторических событий, а альтернативные взгляды рассматривались как инакомыслие, с которым необходимо было бороться.

На протяжении практически семидесятилетнего периода господствующей точкой зрения на историю белорусской государственности был нехитрый тезис о том, что до 1919 г. белорусский народ был угнетенной, безгосударственной нацией и только с установлением советской власти он наконец получил свою государственность в виде БССР, которая в полной мере и реализовала на практике все национальные потребности белорусов. Данный тезис, с небольшими вариациями, в зависимости от той или иной политической конъюнктуры неизменно транслировался населению, однако во второй половине 80-х гг. XX в., ситуация начинает меняться коренным образом.

Характеризуя состояние историографии белорусской государственности XX в., можно отметить, что она пережила два серьезных «всплеска». Первый произошел во второй половине 1980-х гг. и был вызван перестройкой.

Второй произошел в начале 1990-х гг. и был основан на провозглашении независимости БССР и образовании Республики Беларусь.

В период перестройки основные темы исследования – переосмысление некоторых сюжетов из истории КПСС и возвращение к истории неоправданно репрессированных личностей. Популярными становятся «круглые столы» историков, материалы которых публиковались в периодических изданиях или сборниках статей. В них показаны первые попытки переосмысления таких важных вопросов в истории Беларуси, как развитие национального движения в Беларуси в начале XX века; создание БНР и БССР; идеологическая борьба за пути решения проблемы белорусской государственности и др. В научный оборот вводятся новые архивные источники, ранее недоступные для историков.

Появились работы, в которых сделана попытка по-новому ответить на вопросы, ранее задаваемые историками, а также работы, в которых предлагаются новые подходы к эволюции белорусской государственности. Хотя следует отметить, что, несмотря на изменения в отечественной историографии, большинство работ все же осталось в русле прежней исторической парадигмы

Историческая наука в это время разрабатывала новую методологию. Историкам нужно было переосмыслить многое из написанного, выработать соответствующие подходы к явлениям и процессам, которые ранее не занимали должного места в исторических исследованиях. Конечно, эта трудная задача была делом не одного дня.

Но настоящий взрыв интереса к истории белорусской государственности, не утихающий и по сей день, начинается после провозглашения независимости Республики Беларусь в 1990 г. С тех пор вышли сотни публикаций по той или иной теме истории белорусской национальной государственности. Появляются новые имена, продолжают работать уже известные исследователи.

Так, в 1992 г. вышел в свет монографический труд И. М. Игнатенко «Октябрьская революция и самоопределение Беларуси», в котором процесс становления БССР освещен на основе новых документальных источников: процесс формирования белорусской государственности не был линейным и иногда декларируемые ценности не совпадали с политической реальностью [2].

Новые подходы наблюдаются и в изучении партийной жизни и партийных идеологий начала XX в. В этих исследованиях анализируется, как действия и программные требования, в первую очередь белорусских политических

партий, повлияли на процесс формирования белорусской государственности.

Если охарактеризовать основные направления научной деятельности последних десятилетий, то можно выделить прямые исследования национальной государственности Беларуси, которые, по сути, можно разделить на три потока. Первый из них – это работы белорусских историков, в центре внимания которых находится широкое общественное движение в Беларуси после революции, одним из проявлений его стал процесс создания белорусской государственности. Здесь можно упомянуть работы М. Бича, П. Бригадина, Я. Мирановича, В. Ладесева, Р. Платонова, М. Сташкевича. Данное направление характеризуется широким кругом вопросов, в частности рассмотрением влияния политических партий и групп на формирование государственности.

Оно непосредственно примыкает к исследованиям по истории государства и права. Здесь основное внимание уделяется процессу государственного строительства, формированию государственных институтов, созданию системы власти в центре и на местах и т. д. (работы исследователей Вишневецкого А., Круталевича В., Юхо И.). Особо следует отметить книгу В. А. Круталевича, «История Беларуси: становление национальной государственности (1917–1922)», изданную в 1999 г., [3] являвшуюся продолжением ранее опубликованных монографий. Исследование основано на обширных архивных и других документальных материалах, хорошо прослеживается процесс оптимизации государственного управления. Рассматривается комплекс вопросов, связанных с формированием белорусской государственности на данный момент.

Были и исследования общего характера, но с упором на идеологическую составляющую, в частности работы М. Костюка, В. Михнюка, Р. Платонова, Т. Протько. Они исследуют влияние коммунистической идеологии на государственную жизнь Беларуси. Показано, что все остальные политические идеологии были фактически обречены на уничтожение правящей идеологией, которая постепенно расширяла свое влияние не только на политическую, но и на все другие сферы общества.

Важную роль в изучении становления национальной государственности играет изучение национального движения, потому что это фундамент, на котором строится национальное государство, и именно он обеспечивает его жизнеспособность, хотя развитие белорусского национального движения еще требует детального изучения.

Проблема ближайших предпосылок создания белорусской национальной государственности освещалась и в исторической литературе. Здесь можно вспомнить работы В. Козлякова, С. Рудовича, М. Сташкевича, М. Семенчика. Они исследуют широкое общественное движение, развернувшееся после Февральской революции в Беларуси, показывают, как постепенно кристаллизовалась идея белорусской государственности.

Проблема влияния международной обстановки и международных отношений на этот процесс занимает значительное место в исследовании становления белорусской государственности. Фактически до начала 1990-х гг. данная проблема не рассматривалась в отечественной историографии. В наше время от этой схемы постепенно начинают отказываться.

Из последних публикаций, посвященных белорусско-российским отношениям, можно вспомнить книгу П. Чигринова «Белорусско-российские отношения» [4], в которой рассматриваемому периоду посвящен отдельный раздел. На основе новых документов автор стремится переосмыслить характер этих отношений, избавиться от их заведомо пафосного описания.

Изучение становления государства невозможно без изучения процесса становления его территории. Более того, в случае с Беларусью этот процесс тесно связан с решением политических вопросов как в межпартийной, так и внутрипартийной борьбе в ВКП (б). Публикации по формированию государственной территории Беларуси представляют очевидный интерес для исследователей. В нашем случае наибольший интерес в них вызывает исследование взаимосвязи изменения политического курса ВКП (б) и расширения БССР.

Вывод. Подводя итоги исследования изменения парадигмы в изучении истории становления белорусской государственности, можно сделать следующие выводы:

1. Процесс трансформации в изучении процесса становления белорусской государственности начался в конце 80-х гг. XX в. и заметно ускорился после 1991 г., что было, безусловно, вызвано социально-политическими процессами, происходившими в СССР в ходе его распада и становления новой формы белорусской государственности в виде независимой Республики Беларусь. Данный переход был не одномоментным и фактически занял около десятилетия, окончательно завершившись на рубеже XX–XXI вв.

2. Его пик пришелся на 1999–2001 гг., когда были окончательно сформированы основные направления в исследовании процесса становления и развития белорусской государственности. В это время завершается переход от советской парадигмы объяснения государственно-

тельных процессов к его новой интерпретации в условиях существования независимого белорусского государства, хотя влияние старой школы сохранялось еще длительное время. Основным содержанием данного перехода было изменение в отношении к роли белорусской нации в данном процессе. Из исторического объекта, которому в некотором смысле государственность была дарована, он превращается в исторический субъект, благодаря чьей воле и была создана национальная государственность в начале XX в.

3. Данный процесс шел одновременно с трансформацией исторической памяти белорусов, в то же время стимулируя их. В центре осмысления становятся проблемы возникнове-

ния и направления развития белорусского национального движения, цели и формы конкретного воплощения белорусской государственности, а также влияния на этот процесс идеологического компонента, основные достижения и неудачи государственного строительства Беларуси в XX в. Таким образом, мы можем зафиксировать, что изменения в историографии и исторической памяти являются единым процессом, отражающим новые социально-политические реалии.

Статья выполнена при поддержке БРФФИ в рамках совместного белорусско-российского проекта «Историческая культура белорусов и россиян: формирование представлений о национальном и общем прошлом».

Список литературы

1. Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2001. Вып. 7. С. 8–26.
2. Игнатенко Н. М. Октябрьская революция и самоопределение Белоруссии. Минск: Навука і тэхніка, 1992. 254 с.
3. Круталевич В. А. История Беларуси: становление национальной державности (1917–1922). Минск: Право и экономика, 1999. 388 с.
4. Чигринов П. Г. Белорусско-российские отношения: история и современность. Минск: Акад. МВД, 1999. 606 с.

References

1. Ryuzen Y. Losing the sequence of history (some aspects of historical science at the crossroads of modernism, postmodernism and the discussion about memory). *Dialog so vremenem: al'manakh intelektual'noy istorii* [Dialogue with time: almanac of intellectual history], 2001, vol. 7, pp. 8–26 (In Russian).
2. Ignatenko I. M. *Oktyabr'skaya revolyutsiya i samoopredeleniye Belorussii* [October Revolution and Self-determination of Belarus]. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1992. 254 p.
3. Krutalevich V. A. *Istoriya Belarusi. Stanovleniye natsional'noy derzhavnosti (1917–1922 gg.)* [Belarusian history. Formation of national power (1917–1922)]. Minsk, Pravo i ekonomika Publ., 1999. 388 p.
4. Chigrinov P. G. *Belorussko-rossiyskiye otnosheniya: istoriya i sovremennost'* [Belarusian-Russian Relations: History and Modernity]. Minsk, Akad. MVD Publ., 1999. 606 p.

Информация об авторе

Райченко Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: raichonak@belstu.by

Information about the author

Raichonak Aliaksandr Aliaksandravich – PhD (History), Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: raichonak@belstu.by

Поступила 15.09.2020

УДК [94(420)«1485/1558»]

Д. В. Мазарчук

Институт подготовки научных кадров Национальной академии наук Беларуси

**ПРИНЦИПЫ ИЛИ ПРИОРИТЕТЫ:
К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИЯХ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
ПЕРВЫХ ТЮДОРОВ**

В статье поставлена проблема существования осмысленной рациональной стратегии внешнеполитической деятельности в Англии периода правления первых Тюдоров. В рамках подходов «новой дипломатической истории» автор рассмотрел факторы, оказывавшие влияние на курс внешней политики. Осуществлена попытка проследить связь между формирующимися характерными особенностями государства раннего Нового времени (на английском материале) и внешнеполитической активностью королей из династии Тюдоров. Последовательно рассмотрены влияние особенностей общественного строя Англии и роль субъективных факторов, в том числе связанных с ментальными особенностями и стереотипами. Дана оценка налогово-фискальной системы как канала связи между сувереном и народом. Отдельно рассмотрены вопросы, связанные с зарождением в Англии периода первых Тюдоров общественного мнения и значением последнего в осуществлении политического курса страны. Сделан вывод об отсутствии принципиальных (теоретических) оснований внешнеполитической активности Англии раннего Нового времени.

Ключевые слова: Тюдоры, Генрих VIII, внешняя политика, международные отношения, «новая дипломатическая история».

D. V. Mazarchuk

Graduate School of the National Academy of Sciences of Belarus

**PRINCIPLES OR PRIORITIES:
EARLY TUDOR'S FOREIGN POLICY FOUNDATIONS RECONSIDERED**

The article poses the problem of the existence of a meaningful rational strategy of foreign policy in England during the reign of the early Tudors. Within the framework of the approaches of the «new diplomatic history», the author considered the factors that influenced the course of foreign policy. An attempt was made to trace the connection between the emerging characteristics of the state of the early Modern period (on the English material) and the foreign policy activity of the kings of the Tudor dynasty. The influence of the peculiarities of the social structure of England and the role of subjective factors, including those associated with mental characteristics and stereotypes, are consistently considered. There's given an assessment of the fiscal system as a channel of communication between the sovereign and the people. Separately considered issues related to the origin of the period of the first Tudors of public opinion in England and the significance of the latter in the implementation of the state political course. It is concluded that there were none fundamental (theoretical) grounds for the foreign policy activity of England in the early Modern period.

Key words: Tudors, Henry VIII, foreign policy, international relations, “New diplomatic history”.

Введение. При изучении политической истории любого государства особый интерес и особую трудность представляют вопросы, связанные с такими «неизмеряемыми» факторами, как индивидуальное сознание, интенции и осознаваемые интересы активных субъектов политического действия. Между тем во многих случаях именно они являются ключевыми для понимания обусловленности и динамики изгибов политической линии в тот или иной исторический отрезок времени. По этой причине ответ на вопрос, чем руководствовались лица, определявшие политику государства, приобретает особую значимость. Действовали они под влиянием субъективных факторов либо же объективно

осознаваемых внешних условий? Если последнее верно, то насколько четко осознавались актуальные для страны задачи и выражались ли они в понятии «государственных интересов»?

Основная часть. При попытке ответить на вопрос, чем определялись решения, принятые относительно внешней политики Англии в период правления первых Тюдоров (до Елизаветы I), следует учитывать два важнейших обстоятельства.

Первое из них – особенности устройства общества конца XV – первой половины XVI в. Английский социум этого времени был организационно моноцентричным. Во главе его находился монарх (король), единолично осуществ-

влявший верховную власть при опоре на советников и зарождающийся аппарат. При этом следует учитывать качественное отличие монарха от всех прочих членов общества. В чем-то король сходен со священнослужителями, подобно им будучи более тесно связан с Богом.

Вероятно, убеждение в особой роли монарха имеет своим началом представления о сакральной природе княжеской власти у варварских народов. В Средние века в Западной Европе эти представления выражались в идее «ангелического характера» (*character angelicus*) короля. В Позднее Средневековье и раннее Новое время на ее основе сложилась концепция двух тел короля. По мнению Э. Канторовича, именно ко времени правления Тюдоров относится «первое ясное проявление того мистического языка, при помощи которого юристы английской короны выстраивали и оттачивали свои дефиниции власти и королевских прерогатив» [1, с. 74].

Насколько догматы политической теологии находили понимание в общественном сознании, можно проследить по практике принятия решений в вопросах внешней политики. Существует множество примеров того, как воля одного лица, монарха, находила выражение в радикальных и неоднозначных для будущего страны решениях. Особенно хорошо это наблюдается в правление Генриха VIII, яркий и волевой характер которого не раз отражался в изгибах английской политики.

Ставший королем в возрасте 17 лет, Генрих был воспитан на примерах боевой славы и воинских успехов Плантагенетов. С самого начала своего правления он выказывал воинственные намерения в отношении Франции (титул короля которой английские монархи носили с 1340 г.). Не случайно уже в первых дипломатических донесениях о новом правителе сообщалось, что Генрих – «враг Франции», он «покалялся немедленно после коронации вступить в войну с Францией», «является большим врагом французов», «может выступить против Франции» [2, с. 183, 213, 281, 311; 3, № 5, 7, 17]. Воспоминания о победах в Столетней войне бередили душу Генриха VIII, любимым героем которого был «его предок» Генрих V – победитель французов при Азенкуре, завоевавший значительную часть Северной Франции.

Результатом таких настроений стала война с Францией 1512–1514 гг., которая не принесла стране существенных выгод, но позволила монарху добыть для себя лично воинскую славу (впрочем, весьма относительную). Примечательно, что война началась несмотря на явный саботаж королевских советников, стремившихся сохранять с Францией мир [4, с. 26].

Другим примером неожиданного изменения курса является Великое дело короля (*Great Matter*) – попытка Генриха VIII развестись с Катериной Арагонской и заключить новый брак. Как известно, Великое дело привело не только к политическому, но и к догматическому разрыву с римской курией (существующему по сей день). Многолетний союз с Испанией прервался и английская внешняя политика более чем на десятилетие стала определяться необходимостью союза с Францией.

В период правления сына Генриха VIII принцип личной предрасположенности в политике находит еще одно яркое подтверждение. Последовательное правление при малолетнем короле Эдуарде VI герцогов Сомерсета и Нортумберленда обусловило резкие повороты во внешней политике страны. Так, при Сомерсете все ресурсы государства служили реализации курса на подчинение Шотландии и создание на ее территории английского Пэйла. После свержения лорда-протектора и прихода к власти Нортумберленда был взят курс на сближение с Францией, включая возможность династического брака.

Сменившая Эдуарда на троне Мария I, как известно, вернула английскую церковь в подчинение папы, отказавшись от королевской супрематии и ряда протестантских догматов. В целом правление королевы Марии демонстрирует пример попытки резкого разворота в ключевых вопросах устройства общества и внешнеполитического курса страны. В последнем случае это проявилось в возобновлении традиционного для Англии союза с Испанией (и династическом браке с Габсбургами) и началом новой войны с Францией.

В конечном итоге внешняя политика Марии потерпела крах и Англия утратила в 1558 г. последний оплот на континенте – Кале. Проявления «кризиса средних Тюдоров» (*mid-Tudor crisis*) показывают, насколько неустойчивой и непоследовательной могла быть внешняя политика Англии, обусловленная в правление Эдуарда VI и Марии I множеством факторов, включая личные предпочтения монарха и высших должностных лиц, а также зарождающееся общественное мнение (см. далее).

В свете этих и множества других примеров становится обоснованным вопрос, насколько воля одного лица могла повернуть ресурсы страны на достижение той или иной задачи в противовес интересам самих англичан? Для ответа на него прежде всего обратимся ко второму субъекту предложенной формулы взаимодействия – обществу. Несмотря на то, что для тюдоровской Англии рано говорить о существовании четко выраженного общественного

мнения, в интересующий нас период существовал действенный и формально разработанный канал связи между сувереном и его народом. Речь идет об английской системе налогообложения, которая включала два элемента: парламентский и непарламентский.

Следует учесть, что начиная с XIV в. фискальные полномочия Парламента постоянно возрастали. К началу XVI в. сложилась система строгого парламентского контроля за всеми средствами, поступающими в казначейство. При этом «основным направлением использования государственных финансов в Англии было ведение войн» [5, с. 55]. Соответственно, реализация прерогативы монарха в области внешней политики в значительной степени зависела от Парламента. Несмотря на попытки Генрихов VII и VIII увеличить долю неподконтрольных источников дохода, в конечном итоге финансовая самостоятельность Тюдоров была весьма ограниченной.

Практика сбора займов и беневоленций (доходов, вытекающих из королевской прерогативы) являет множество случаев саботажа или даже активного сопротивления (вплоть до вооруженного). Последнее в принципе являлось одной из черт периода правления первых Тюдоров [6, с. 399]. Характерным примером налога, вызвавшего мятеж, является Дружественный дар (*Amicable Grant*) 1525 г., введенный с целью финансирования войны на континенте. Столкнувшись с массовым сопротивлением со стороны местного дворянства и духовенства во многих графствах, а также с открытым вооруженным мятежом в графстве Суффолк, правительство было вынуждено этот «дар» отменить. Примечательно, что лидеры мятежа в городке Левенем были оправданы судом, а канцлер кардинал Уолси был вынужден публично признать свою неправоту [4, с. 135–139].

Таким образом, у подданных английского короля был легальный способ выражать свое недовольство действиями верховной власти. С учетом того, что вотируемые Парламентом налоги предназначались в первую очередь для финансирования внешнеполитических акций (в частности, оплату наемникам), степень зависимости внешней политики от настроений подданных была крайне высокой. Эта зависимость и частые созывы Парламента для вотирования налогов обусловили на протяжении первой половины XVI в. постепенное формирование того, что можно определить как общественное мнение.

Слабость преемников Генриха VIII – юного Эдуарда и женщины Марии – обусловила экспоненциальный рост в 1540–1550-х гг. неинституциональных проявлений гражданского

общества в форме неофициальных «советов» по актуальным вопросам внутренней и внешней политики. Поводом для оживления этого жанра были неудачи внешней политики, в особенности, в правление Марии I, поддерживаемый ею союз с Испанией и «испанский брак» королевы с Филиппом II Габсбургом. Своеобразным ответом на общественные обсуждения было издание с 1550-х гг. королевских прокламаций, разъяснявших подданным политику государства [7, с. 188; 8, с. 122–127].

Подобную общественную полемику следует считать характерным признаком современного государства и общества. Свободно выражаемое общественное мнение, в устной и в печатной формах, и фактический обмен мнениями между обществом и государством являются одним из проявлений гражданского общества. Хотя зарождение последнего в Англии, безусловно, вписывается в общую картину значительных общественных трансформаций, во многом оно было связано с субъективным фактором правления слабых монархов.

Вторым важным ограничивающим обстоятельством, которое следует учитывать при анализе влияний на внешнюю политику Англии, была обусловленность информации о своей стране и окружающем мире знаниями эпохи. Современный исследователь может судить о прошлом государства Тюдоров исходя из знакомства с основными событиями последующей истории Англии, Великобритании, Соединенного королевства. Между тем наши знания об английской морской мощи, колониальной экспансии, политике «блестящей изоляции» и т. д. не должны влиять на оценку внешней политики страны в период раннего Нового времени.

Современные подходы к изучению политической истории и истории внешней политики тюдоровской Англии предполагают, в числе прочего, отказ от телеологического объяснения поступков людей прошлого [9, с. 1–4]. Ни Генрих VIII, ни Елизавета I не имели представлений о будущей роли Англии (Великобритании) в геополитическом раскладе. Вопрос, насколько их деятельность обусловила последующую британскую «талассократию», к примеру, не имеет отношения к обусловленности их действий как таковых. Английские суверены этого периода, их советники, прелаты и все население страны не имели представления о том, по какому пути будет развиваться английское общество и государство в дальнейшем. Иными словами, не существовало никакой устойчивой долговременной стратегии внешнеполитической деятельности; последняя была обусловлена лишь тактическими факторами и субъективными обстоятельствами.

Единственными, стоявшими перед правящей государственной элитой объективными задачами были охрана границ, забота о наследовании трона, забота о неумалении власти суверена. По сути все эти задачи имеют традиционный характер, вытекающая из средневековых представлений о сеньориальной и патерналистской природе власти. Характерным проявлением таких представлений являются династические размены территориями, примеры которых можно найти в истории Западной Европы еще в XVIII и XIX вв.

Итак, первое, что побуждало названных монархов действовать в публичном поле тем или иным образом, – это конкретные проблемы. Политика всегда представляет собой ответ на определенный вызов. Это касается в том числе и внешней политики. Соответственно, объективные причины всегда являются основным стимулом для любых политических действий. Задачи, стоявшие перед акторами внешней политики (лицами, осуществлявшими внешнюю политику государства), возникали под воздействием разных причин и были разнообразными по природе. Отсюда ситуативность и то, что в историографии нередко отмечается как крайнее непостоянство внешней политики Тюдоров, прежде всего Генриха VIII.

Вторая группа факторов, определявших внешнюю политику монархов-Тюдоров, это некоторые стереотипы или же субъективные склонности и интенции. Сюда можно отнести представления о чести или религиозные предпочтения, о которых частично упоминалось выше. Безусловно, это и семейные связи (включая династические союзы с другими правящими домами). Как нетрудно заметить, названные факторы обычно попадают в разряд «средневековых». Однако ничего устаревшего или реакционного в их перечне нет. Монархи-Тюдоры действовали как живые люди, обуреваемые страстями, хотя и осознающими свое отличие от простого народа и свою ответственность перед ним.

«Ничто не может внушить к государю такого почтения, как военные предприятия и необычайные поступки» [10, с. 365], писал Н. Макиавелли в своем знаменитом трактате. Почтение или честь были неотъемлемым элементом не только личной репутации ренессансного правителя, но и характеристики возглавляемой им страны. Более того, иногда представления о чести и персональное соперничество между королями оказывали решающее воздействие на внешнюю политику Английского королевства.

Как показал С. Ганн, понятие персональной чести играло значительную роль в англо-французских взаимоотношениях в правление

Генриха VIII [11]. Ярким примером является грандиозный «спектакль» на Поле Золотой парчи под Гином (май 1520 г.). Франциск I и Генрих VIII буквально соревновались в демонстрации роскоши и даже устроили между собой борцовский поединок, поражение в котором не признал ни один из молодых королей. Эта встреча обошлась английской казне больше, чем какой-либо другой праздник в долгое царствование Генриха VIII [12, с. 64].

Вопрос непоследовательности внешнеполитической линии в правление королей-Тюдоров был по-новому осмыслен Сьюзен Доран, которая постулировала, что «дисконтинуитеты ... являются центральной характеристикой внешней политики, следствием самой природы принятия политических решений» [9, с. 4]. В свете этого, «чехарду» союзов в 30-е гг. XVI в. и две последние войны Генриха VIII с Францией (1522 г., 1544–1546 гг.), вызванные союзническими обязательствами, а не прозрачным континентальным наследством Плантагенетов, следует оценивать с позиции геополитической ситуации в Западной Европе. Балансирование между двумя «великими державами» своего времени (империей Габсбургов и Францией) в условиях ведущейся между ними борьбы за раздел сфер влияния являлось единственно верной стратегией для небольшого островного королевства. Таким образом, оппортунизм внешнеполитической линии можно назвать гибкостью, которая являла собой осознанно избранную стратегию.

Итак, отсутствие представлений о постоянных интересах внешней политики Англии в рассматриваемый период не являлось недостатком, а вытекало из бытовавших представлений об устройстве общества, месте в нем монарха и его ответственности перед высшими силами.

Анализ внешнеполитической активности первых Тюдоров позволяет вывести ряд долговременных трендов внешней политики Англии. Например, если говорить о 37 годах правления Генриха VIII, то можно выделить лишь две четко сформулированные политические линии, которые не были обусловлены сиюминутной международной конъюнктурой. Первая – идея всеобщего мира (средневековая по своему генезису). Сугубо фантастичная при практической реализации, эта идея могла послужить прежде всего возвеличиванию предложившего ее монарха, идеологическим средством повышения престижа правителя небольшой периферийной страны. Вторая линия – стремление к разводу и разрешению на повторный брак короля. Нетрудно заметить, что она также имела субъективный характер и была связана с персональными интересами суверена, а не с представлениями об общей пользе английской нации.

Заключение. Таким образом, можно говорить об отсутствии принципиальных (теоретических) оснований внешнеполитической активности Англии раннего Нового времени. Скорее можно вести речь не о принципах, на которые опирались акторы внешней политики, а о приори-

ритетах, которыми они руководствовались в тех или иных обстоятельствах. Выбор политического курса страны зависел от множества факторов, среди которых не последнее место занимали личностные предпочтения или субъективные обстоятельства.

Список литературы

1. Канторович Э. Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 752 с.
2. Sanuto M. I Diarii. Per cura di N. Barozzi. Venezia: a spese degli ed., 1882. Vol. 8. 688 p.
3. Letters and Papers, Foreign and Domestic, of the Reign of Henry VIII, 1509–1547 / ed. by J. S. Brewer. 2nd ed. L.: R. H. Brodie, 1920. Vol. 1. 1509–1514. 1557 p.
4. Scarisbrick J. J. Henry VIII. Los Angeles: University of California Press, 1968. 561 p.
5. Царева Ю. И. Финансовая политика Тюдоров (1485–1603). М.: Московский педагогический государственный университет, 2017. 291 с.
6. Bush M. Tax Reform and Rebellion in Early Tudor England // *History*. 1991. Vol. 248. P. 379–400.
7. Potter D. Britain and the Wider World // *Companion to Tudor Britain* / ed. by R. Tittler, N. Jones. Malden, MA: Blackwell Publishing, 2004. P. 182–200.
8. Potter D. Mid-Tudor Foreign Policy and Diplomacy: 1547–1563 // *Tudor England and Its Neighbours* / ed. by S. Doran, G. Richardson. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2005. P. 106–138.
9. Doran S. *England and Europe in Sixteenth Century*. L.: Macmillan Press, 1999. 145 p.
10. Макиавелли Н. Государь // *Избранные сочинения*. 1982. С. 301–378.
11. Gunn S. J. The French Wars of Henry VIII // *Origins of War in Early Modern Europe* / ed. by J. Black. Edinburgh: John Donald, 1987. P. 28–51.
12. Loades D. *Henry VIII*. Stroud: Amberley Publishing, 2011. 448 p.

References

1. Kantorovich E. Kh. *Dva tela korolya. Issledovaniye po srednevekovoy politicheskoy teologii* [Two King's Bodies. Study in Medieval Political Theology]. Moscow, Izd-vo Instituta Gaydara Publ., 2014. 752 p.
2. Sanuto M. I Diarii. Per cura di N. Barozzi. Venezia, a spese degli ed., 1882, vol. 8. 688 p.
3. *Letters and Papers, Foreign and Domestic, of the Reign of Henry VIII, 1509–1547* / ed. by J. S. Brewer. 2nd ed. L.: R. H. Brodie, 1920, vol. 1. 1509–1514. 1557 p.
4. Scarisbrick J. J. *Henry VIII*. Los Angeles, University of California Press, Publ., 1968. 561 p.
5. Tsarova Yu. I. *Finansovaya politika Tudorov (1485–1603)* [Financial Policy of the Tudors (1485–1603)]. Moscow, Moskovskiy pedagogicheskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2017. 291 p.
6. Bush M. Tax Reform and Rebellion in Early Tudor England. *History*, 1991, no. 248, pp. 379–400.
7. Potter D. Britain and the Wider World. *Companion to Tudor Britain* / ed. by R. Tittler, N. Jones. Malden, MA: Blackwell Publ., 2004, pp. 182–200.
8. Potter D. Mid-Tudor Foreign Policy and Diplomacy: 1547–1563. *Tudor England and Its Neighbours* / ed. by S. Doran, G. Richardson. N. Y., Palgrave Macmillan Publ., 2005, pp. 106–138.
9. Doran S. *England and Europe in Sixteenth Century*. L., Macmillan Press, Publ., 1999. 145 p.
10. Makiavelli N. Prince. *Izbrannyye sochineniya* [Selected works], 1982, pp. 301–378 (In Russian).
11. Gunn S. J. The French Wars of Henry VIII. *Origins of War in Early Modern Europe* / ed. by J. Black. Edinburgh: John Donald, 1987, pp. 28–51.
12. Loades D. *Henry VIII*. Stroud, Amberley Publ., 2011. 448 p.

Информация об авторе

Мазарчук Дмитрий Валерьевич – проректор по научной и методической работе. ГУО «Институт подготовки научных кадров Национальной академии наук Беларуси» (220049, г. Минск, ул. Кнорина, 1, Республика Беларусь). E-mail: bande_nere@mail.ru

Information about the author

Mazarchuk Dmitry Valerievich – Vice-rector. Graduate School of the National Academy of Sciences of Belarus (1, Knorina str., 220049, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: bande_nere@mail.ru

Поступила 10.09.2020

УДК 973:2

П. Г. Космач

Белорусский государственный университет

**РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В США ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.**

В статье анализируются важнейшие аспекты государственно-конфессиональных отношений в Соединенных Штатах Америки второй половины XIX в. Подчеркивается сложность исторического опыта взаимодействия американского государства и религиозных организаций. Решение Верховного суда США по делу «Рейнольдс против Соединенных Штатов» (1879) показало, что федеральные власти отделяли индивидуальные убеждения от действий по соображениям личной веры, на которые могли накладываться те или иные ограничения. Констатируется глубокая взаимосвязь между протестантским христианством и правовой культурой США того времени, в частности, на примере дела «Церковь Святой Троицы против Соединенных Штатов» (1892). Сделан вывод, что американское государство руководствовалось в отдельных вопросах внутренней политики нормами той религиозной традиции, которой придерживалось абсолютное большинство населения страны.

Приведенный материал отражает глубокое своеобразие государственно-конфессиональных отношений в США, где секуляризационные процессы развивались медленнее, чем в некоторых других странах Запада XIX – начала XX в.

Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения, религиозный фактор, свобода вероисповедания, право и религия, история США.

P. G. Kosmach

Belarusian State University

**THE DEVELOPMENT OF CHURCH-STATE RELATIONS
IN THE USA DURING THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY**

The article analyzes main aspects of church-state relations in the United States during the second half of the nineteenth century. The author emphasizes the complexity of the interaction between the American state and religious organizations. The decision of the US Supreme Court in the “Reynolds v. United States” case (1879) showed that federal authorities separated individual beliefs from religious action because the latter could be subjected to certain restrictions. A deep relationship between Protestant Christianity and the legal culture of the United States of that time is ascertained (as an example: the case “Church of the Holy Trinity v. United States” (1892). It is concluded that the American state was guided in some questions of domestic politics by the norms of the majority’s religious tradition.

The article reflects the specific features of church-state relations in the United States, where secularization processes developed more slowly than in some other countries of the west in the 19th and early 20th centuries.

Key words: Church-State Relations, Religious Factor, Religious Freedom, Law and Religion, History of USA.

Введение. Правовая основа взаимодействия религиозных организаций и американского государства была заложена соответствующими статьями Конституции США (1787) и Билля о правах (1789). В соответствии с ними на федеральном уровне гарантировалась широкая свобода вероисповедания. Это подразумевало запрет как на введение общенациональной церкви, так и на исключительную государственную помощь какой-либо конфессии. Следует отметить, что данные положения Конституции США и Билля о правах длительное время не распространялись на законодательство штатов. Однако появление и развитие новой религиозной организации – «Церкви Иисуса Христа свя-

тых последних дней» – с течением времени поставило перед американским обществом и государством целый ряд новых вопросов и задач, которые так или иначе были связаны с необходимостью регулирования конфессиональной сферы.

Как известно, уже деятельность основателя мормонизма Дж. Смита (1805–1844), объявившего себя пророком, и его последователей вызвала многочисленные локальные конфликты в Огайо, Миссури и Иллинойсе [1, р. 505–506]. Во второй половине 1840-х гг. мормоны начали переселение на запад, оседая в долине Солт-лейк и близлежащих территориях. Данная инициатива первоначально нашла поддержку со

стороны федерального правительства. При этом колонизация новых земель открыла дорогу «Церкви Иисуса Христа святых последних дней», лидеры которой исповедовали теократические убеждения, к реальной власти. Так, уже к 1849 г. на новых землях оказалось более 7000 поселенцев и в 1850 г. была создана т. н. «территория Юта», во главе которой был поставлен новый лидер мормонов Б. Янг (1801–1877), не желавший делить власть с назначаемыми из Вашингтона должностными лицами.

Основная часть. Президент США Дж. Бьюкенен, столкнувшись с сопротивлением мормонов, в 1857 г. пошел на решение данного вопроса военным путем. Так, он открыто объявил Юту в состоянии мятежа, при этом заранее амнистировав тех, кто изъявит готовность подчиниться центральной власти [2, р. 91]. Атмосфера начавшегося противостояния стала прологом к печально известной резне в Маунтин Мидоуз, когда мормонами была уничтожена группа поселенцев, направлявшихся в Калифорнию [3, с. 96]. Точное число убитых неизвестно и колеблется в диапазоне от 120 до 140 человек. Резня в Маунтин Мидоуз еще более ухудшила репутацию «Церкви Иисуса Христа святых последних дней» в глазах американского общества. Экспедиционные силы США заняли Солт-Лейк-Сити в июне 1858 г., а Б. Янг и его сторонники были вынуждены пойти на уступки официальному Вашингтону, не желавшему продолжения войны.

С этого времени и до 1893 г. на федеральные государственные должности территории Юта назначались лишь те, кто не принадлежал к «Церкви Иисуса Христа святых последних дней». И все же мормоны продолжали сохранять господствующее положение, вызывавшее возмущение широких кругов американского общества. В частности, этой проблемы коснулся известный американский писатель М. Твен (1835–1910). Так, он писал: «Соединенным Штатам пришлось прогнать трехтысячное войско через пустыню, чтобы водворить своих чиновников на предназначенные для них посты. Однако, когда сии джентльмены были водворены, толку от них было не больше, чем от каменных идолов. Они издавали законы, на которые никто не обращал внимание и которые не могли быть проведены в жизнь» [4, с. 457]. В связи с данными обстоятельствами Юта длительное время не принималась в состав США на правах штата, а федеральное правительство дало согласие на включение частей ее территории в состав Невады, Небраски, Колорадо и Вайоминга.

Всеобщее возмущение в США вызывал тот факт, что доктрина «Церкви Иисуса Христа

святых последних дней» под предлогом религиозных убеждений узаконила полигамию. С 1860-х гг. начинают приниматься законодательные акты, направленные на запрещение многожества и наказывающие за соответствующую практику [5, р. 127]. Границы свободы вероисповедания были уточнены в решении Верховного суда США по делу «Рейнольдс против Соединенных Штатов» (1879). Главный судья М. Уэйт, выразивший единогласное мнение, заявил: «Итак, общественный закон на территории под властью Соединенных Штатов установил, что множественные браки запрещены. Может ли человек поступать иначе по причине своих религиозных убеждений? Разрешить это означало бы поставить исповедуемые доктрины религиозной веры выше территориального закона и, как следствие, разрешить каждому гражданину быть самим для себя законом. В таких обстоятельствах государство может существовать лишь номинально...» [6, р. 78].

Решение Верховного суда было поддержано и президентом США Дж. Гарфилдом, резко выступившем в своем инаугурационном обращении (1881) против обычаев, принятых в «Церкви Иисуса Христа святых последних дней». Настаивая на соблюдении основного закона США и гарантий свободы вероисповедания, он подчеркнул: «Мормонская Церковь не только оскорбляет нравственные чувства мужского населения страны, разрешая многоженство, но и препятствует отправлению правосудия посредством обычных правовых инструментов... Конгресс обязан в пределах своих полномочий налагать запрет на все преступные действия, и особенно те, которые нарушают семейные отношения...» [7, с. 257]. Действительно, в дальнейшем были приняты законодательные акты, направленные на искоренение полигамии у мормонов [8, р. 151–185].

В 1890 г. последовало решение Верховного суда США по делу «Дэвис против Бисона», которое признало соответствующим Конституции закон федеральной территории Айдахо, лишивший мормонов права голоса. Верховный суд подчеркнул, что правительство не может отменять меры, направленные на борьбу с деяниями, которые «по общему согласию христианского мира» запрещены, ибо в таком случае «принципы религиозной секты, поощряющей преступление, могли быть выполнены без препятствования» [9, р. 101]. Руководство «Церкви Иисуса Христа святых последних дней» пошло на изменение своей позиции, приняв в 1890 г. официальное решение приостановить практику многоженства, позднее отмененную окончательно. Это улучшило отношения с федеральным центром и Юту приняли в состав США на

правах штата в 1896 г. Однако на протяжении многих лет репутация мормонов была далека от благонадежной [8, р. 235]. Американский историк С. Грин отметил: «Хотя преследование полигамии может рассматриваться в качестве продвижения светских государственных интересов, не вызывает сомнения то, что правительство США боролось с мормонизмом и его обычаями по причине их несовместимости со статусом Америки как христианской нации» [10, р. 343].

Для понимания специфики государственно-конфессиональных отношений и в целом американской правовой культуры XIX в. особое значение имеет решение Верховного суда по делу «Церковь Святой Троицы против Соединенных Штатов» (1892). Так, одна из христианских церквей Нью-Йорка заключила трудовой контракт с пастором, являвшимся жителем Англии. Власти посчитали данное соглашение с иностранцем не соответствующим закону 1885 г., который запрещал подобную практику. Однако Верховный суд вынес единогласное решение в пользу церкви Святой Троицы. Судья Д. Брюер составил подробное обоснование судебного вердикта. Он особо подчеркнул, что в намерения законодателей просто не могло входить действие, ущемляющее интересы христианства, указав на религиозные аспекты колонизации Нового света, апелляции к Богу в колониальных хартиях и Декларации независимости США, а также основных законах штатов. В данном решении Верховного суда цитировались соответствующие отрывки из конституций Иллинойса (1870), Индианы (1816), Мэриленда (1867), Массачусетса (1780), Миссисипи (1832), Делавэра (1776). Д. Брюер обратил внимание и на решения судов, провозглашавших христианство частью общего права, а также огромную роль религиозных организаций в жизни американского общества. Все это, как считал он, свидетельствовало, что американцы являлись «христианской нацией» и, соответственно, Конгресс не мог действовать вопреки интересам всего американского народа [11, р. 88].

Решение Верховного суда по делу «Церковь Святой Троицы против Соединенных Штатов» (1892) не представляло собой некую юридическую аномалию. В судебных инстанциях различного уровня действительно было принято рассматривать христианскую религию как часть «общего права» страны. Поэтому законодательство штатов карало за богохульство и также содержало положения, запрещающие труд по воскресеньям. Федеральное правительство также оплачивало труд армейских и военно-морских капелланов, а также капелланов Конгресса, равно как и работу миссионеров среди индейских племен. В 1854 г. юридиче-

ский комитет Палаты представителей Конгресса составил подробное заключение, в котором указывалось на соответствии основному закону страны подобной практики [12, р. 1]. Составители заключения рассмотрели исторические прецеденты: службы в Конгрессе проводились еще с 1774 г. и первый федеральный Конгресс в 1789 г. продолжил данную практику; должности армейских капелланов устанавливались актами 1777, 1791, 1812, 1838 г. Специально указывалось, что разделение церкви и государства не подразумевало разделения государства и религии: «Во время принятия конституции и поправок общим мнением было то, что христианство должно поддерживаться, но не какая-либо отдельная секта» [12, р. 6].

Данный подход, поддерживавшийся абсолютным большинством населения страны, обеспечивал возможность взаимодействия федеральных властей и различных конфессий в тех сферах, в которых их интересы совпадали. При этом, как правило, подчеркивалось социально-политическое значение религии. Так, преамбула к решению Палаты представителей о проведении молитв перед началом заседаний указывала на «великий жизненный и консервативный элемент нашей системы – веру нашего народа в чистые доктрины и божественные истины Евангелия Иисуса Христа» [13, р. 354]. Соответственно, Конгресс после завершения Гражданской войны проводил законодательную политику т. н. «моральной Реконструкции». Она включала борьбу против полигамии на территории Юты, запрещение непристойной информации и товаров, которые могли быть применены для контроля за рождаемостью или осуществлением аборт, а также специальные меры, направленные на ограничение разводов и проституции [14, р. 6]. Президент США Р. Хейс в своем инаугурационном обращении (1877) выражал характерную для того времени надежду на «руководство той Божественной Длани, которая вершит судьбами народов и отдельных людей...» [15, с. 247].

Становление индустриального общества и стремительная урбанизация способствовали постепенному развитию секуляризационных процессов. В частности, не были поддержаны попытки закрепить особый статус христианства на уровне основного закона США [16, р. 148]. Отметим, что с принятием в 1868 г. четырнадцатой поправки к Конституции США возник правовой базис для непосредственного вмешательства федерального центра в религиозные дела штатов. Однако на протяжении второй половины XIX в. новые веяния еще не приобрели доминирующего значения. Так, еще в 1898 г. П. Олдрич, судья Верховного суда Массачусетса,

мог утверждать: «положение, что христианство есть часть общего права, поддерживается самыми высокими судебными властями как в Англии, так и в этой стране» [17, р. 32].

Заключение. Государственно-конфессиональные отношения в США XIX в. показали, что идея правительственного нейтралитета по отношению к религии, выдвигавшаяся некоторыми деятелями Американской революции XVIII в., оказалась нереализуемой на практике. В итоге федеральное правительство отделяло индивидуальные убеждения от действий по религиозным соображениям, на которые могли накладываться те или иные ограничения.

При этом американское государство руководствовалось в некоторых вопросах внутренней политики нормами той религиозной традиции, которой придерживалось абсолютное большинство населения. Символическим признанием роли протестантского христианства в жизни государства стало возведение Национального кафедрального собора (г. Вашингтон), санкционированное Конгрессом США в 1893 г. Позднее именно там стали проводиться особые богослужения в связи с важнейшими событиями общественно-политической жизни страны.

Список литературы

1. Ahlstrom S. E. *A Religious History of the American People*. New Haven and London: Yale University Press, 1975. 1158 p.
2. Proclamation on the Rebellion in Utah // *Religious Intolerance in America: A Documentary History* / ed. by J. Corrigan and L. S. Neal. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2010. P. 90–91.
3. Кислова А. А. Религия и церковь в общественно-политической жизни США первой половины XIX в. М.: Наука, 1989. 240 с.
4. Твен М. Краткий очерк истории мормонов // *Собрание сочинений: в 12 т.* М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. Т. 2. С. 454–458.
5. Witte J., Nichols J. *Religion and the American Constitutional Experiment*. New York: Oxford University Press, 2016. 403 p.
6. Document 31: Reynolds v. United States (1879) // *Constitutional Debates on Freedom of Religion: A Documentary History* / ed. by J. J. Patrick and G. P. Long. Westport (Connecticut), London: Greenwood Press, 1999. P. 77–78.
7. Гарфилд Дж. А. Инаугурационная речь 4 марта 1881 г. // *Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша (1789–2001 гг.) с историческим комментарием / общ. ред. и комментарий Э. А. Иваняна.* М.: Издательский дом «Стратегия», 2001. С. 250–258.
8. Gordon S. B. *The Mormon Question: Polygamy and Constitutional Conflict in Nineteenth Century America*. Chapel Hill and London: The University of North Carolina Press, 2002. 337 p.
9. Davis v. Beason – 133 U.S. 333 (1890) // Flowers R., Rogers M., Green S. *Religious Freedom and the Supreme Court*. Waco: Baylor University Press, 2008. P. 100–101.
10. Green S. K. *The Second Disestablishment*. New York: Oxford University Press, 2010. 462 p.
11. Church of the Holy Trinity vs. United States (1892): Supreme Court Record. In: Brewer D. J. *The United States: A Christian Nation*. Smyrna (Georgia): American Vision, 1996. P. 75–89.
12. 33d Congress. 1st Session. House of Representatives. Rep. No. 124: *Chaplains in Congress and in the Army and Navy* // *Reports of the Committees of the House of Representatives, made during the first session of the thirty-third Congress. In three volumes.* Washington: A.O.P. Nicholson, Printer, 1854. Vol. 2. P. 1–10.
13. *Journal of the House of Representatives of the United States: Being the First Session of the Thirty-Fourth Congress*. Washington: Cornelius Wendell, Printer, 1855. 928 p.
14. Foster G. M. *Moral Reconstruction: Christian Lobbyists and the Federal legislation of Morality, 1865–1920*. Chapel Hill and London: The University of North Carolina Press, 2002. 318 p.
15. Хейс Р. Инаугурационная речь 5 марта 1877 г. // *Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша (1789–2001 гг.) с историческим комментарием / общ. ред. и комментарий Э. А. Иваняна.* М.: Издательский дом «Стратегия», 2001. С. 240–247.
16. Kramnick I., Moore L. *The Godless Constitution: The Case Against Religious Correctness*. New York: London: W.W. Norton & Company, 1997. 191 p.
17. Banner S. When Christianity Was Part of the Common Law // *Law and History Review*. 1998. Vol. 16. No. 1. P. 27–62.

References

1. Ahlstrom S. E. *A Religious History of the American People*. New Haven and London, Yale University Press, 1975. 1158 p.
2. Proclamation on the Rebellion in Utah. *Religious Intolerance in America: A Documentary History* / ed. by J. Corrigan and L. S. Neal. Chapel Hill, The University of North Carolina Press, 2010, pp. 90–91.

3. Kislova A. A. *Religiya i tserkov' v obshchestvenno-politicheskoy zhizni SShA pervoy poloviny XIX v.* [Religion and church in the socio-political life of the United States in the first half of the 19th century]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 240 p.

4. Twain M. Short essay on Mormon history. *Sobraniye sochineniy: v 12 tomakh* [Collected works in 12 vol.]. Moscow, Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1959, vol. 2, pp. 454–458 (In Russian).

5. Witte J., Nichols J. *Religion and the American Constitutional Experiment*. New York, Oxford University Press, 2016. 403 p.

6. Document 31: Reynolds v. United States (1879). *Constitutional Debates on Freedom of Religion: A Documentary History* / ed. by J. J. Patrick and G. P. Long. Westport (Connecticut), London, Greenwood Press, 1999, pp. 77–78.

7. Garfield J. A. Inaugural speech. March 4, 1881. *Inauguratsionnyye rechi prezidentov SShA ot Dzhordzha Vashingtona do Dzhordzha Busha (1789–2001 g.) s istoricheskim kommentariyem* [Inaugural speeches by US Presidents from George Washington to George W. Bush (1789–2001) with historical commentary] / ed. and commentary by E. A. Ivanyan. Moscow, Izdatel'skiy dom "Strategiya" Publ., 2001, pp. 250–258 (In Russian).

8. Gordon S. B. *The Mormon Question: Polygamy and Constitutional Conflict in Nineteenth Century America*. Chapel Hill and London, The University of North Carolina Press, 2002. 337 p.

9. Davis v. Beason – 133 U.S. 333 (1890). Flowers R., Rogers M., Green S. *Religious Freedom and the Supreme Court*. Waco, Baylor University Press, 2008, pp. 100–101.

10. Green S. K. *The Second Disestablishment*. New York, Oxford University Press, 2010. 462 p.

11. Church of the Holy Trinity vs. United States (1892): Supreme Court Record. In: Brewer D. J. *The United States: A Christian Nation*. Smyrna (Georgia), American Vision, 1996, pp. 75–89.

12. 33d Congress. 1st Session. House of Representatives. Rep. No. 124: Chaplains in Congress and in the Army and Navy. In: *Reports of the Committees of the House of Representatives, made during the first session of the thirty-third Congress*. In three volumes. Washington, A. O. P. Nicholson, Printer, 1854, vol. 2, pp. 1–10.

13. *Journal of the House of Representatives of the United States: Being the First Session of the Thirty-Fourth Congress*. Washington, Cornelius Wendell, Printer, 1855. 928 p.

14. Foster G. M. *Moral Reconstruction: Christian Lobbyists and the Federal Legislation of Morality, 1865–1920*. Chapel Hill and London, The University of North Carolina Press, 2002. 318 p.

15. Hayes R. Inaugural speech. March 5, 1877. *Inauguratsionnyye rechi prezidentov SShA ot Dzhordzha Vashingtona do Dzhordzha Busha (1789–2001 gg.) s istoricheskim kommentariyem* [Inaugural speeches by US Presidents from George Washington to George W. Bush (1789–2001) with historical commentary] / ed. and commentary by E. A. Ivanyan. Moscow, Izdatel'skiy dom "Strategiya" Publ., 2001, pp. 240–247 (In Russian).

16. Kramnick I., Moore L. *The Godless Constitution: The Case Against Religious Correctness*. New York: London, W.W. Norton & Company, 1997. 191 p.

17. Banner S. When Christianity Was Part of the Common Law. *Law and History Review*, 1998, vol. 16, no. 1, pp. 27–62.

Информация об авторе

Космач Павел Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории нового и новейшего времени. Белорусский государственный университет (220030, г. Минск, пр. Независимости, 4, Республика Беларусь). E-mail: hist2014@yandex.by

Information about the author

Kosmach Pavel Gennadievich – PhD (History), Assistant Professor, the Department of Modern and Contemporary History. Belarusian State University (220030, Minsk, 4, Nezavisimosti Ave., Republic of Belarus). E-mail: hist2014@yandex.by

Поступила 10.09.2020

УДК 37.018(476)«18/19»

В. М. Острога

Белорусский государственный технологический университет

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА
В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ БЕЛАРУСИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.
(ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА)**

В статье рассматривается проблема обеспечения учебно-воспитательного процесса в начальной школе Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. необходимыми пособиями. Основное внимание уделяется подготовке и изданию учебной и специально-педагогической литературы, знакомство с которой повышало теоретический и методический уровень учителей начальной школы. Приведены конкретные примеры изданий, оценен вклад передовых авторов в сокровищницу педагогической литературы.

Ключевые слова: учебно-воспитательный процесс, учебное заведение, учитель, педагогическая литература, учебник, учебное пособие, журнал.

V. M. Ostroga

Belarusian State Technological University

**PROVIDING THE EDUCATIONAL PROCESS
IN THE ELEMENTARY SCHOOL OF BELARUS
IN THE SECOND HALF OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURY
(PEDAGOGICAL LITERATURE)**

The article deals with the problem of providing the educational process in primary schools in Belarus in the second half of the XIX – early XX centuries with the necessary manuals. The main attention is paid to the preparation and publication of educational and special-pedagogical literature, familiarity with which increased the theoretical and methodological level of primary school teachers. Specific examples of publications are given, and the contribution of leading authors to the Treasury of pedagogical literature is evaluated.

Key words: educational process, educational institution, teacher, pedagogical literature, textbook, textbook, magazine.

Введение. Новые социально-политические и экономические отношения в условиях становления буржуазного общества требовали подготовки квалифицированных рабочих кадров. Существующая во второй половине XIX в. система народного просвещения вступала в противоречие с возникшими запросами и вызовами времени. Несмотря на определенные прогрессивные сдвиги в сфере народного образования, численность учебных заведений росла медленно, а следовательно, уровень грамотности населения Беларуси оставался низким. Под влиянием развернувшегося общественно-педагогического движения поднимался вопрос о модернизации существующей системы образования, включая совершенствование учебно-воспитательного процесса. В этой связи вставала проблема обеспечения школ профессионально подготовленными учительскими кадрами: обеспечение высокого общетеоретического и профессионального уровней их подготовки в специально созданных педагогических учебных заведениях, повышение квалификации через обращение к науч-

но-педагогическому наследию, знакомство с передовыми методиками преподавания, практиковавшимися прогрессивными «учащими» стран Запада и Российской империи.

Основная часть. Организация учебно-воспитательной работы в учебных заведениях белорусских губерний была такая же, как и в центральной России. В первой половине XIX в. появились методические и дидактические сочинения, которые знакомили учителей с новейшими способами обучения, постепенно сменявшими прежние механические и схоластические приемы. Среди педагогических работ особого внимания заслуживало составленное Ф. И. Янковичем «Руководство учителям первого и второго класса народных училищ Российской империи», в котором излагались требования, необходимые для эффективного ведения школьного дела. Педагогическая литература пополнялась учебниками и руководствами, которые соответствовали правилам дидактики и способствовали «должному и легкому» обучению и развитию учащихся.

Для начальных школ вплоть до 1871 г. не было учебных программ. «Временные правила» 1863 г. устанавливали только перечень учебных предметов без указания продолжительности обучения и количества отведенных часов. Фактически, как указывал попечитель Виленского учебного округа Корнилов И. П., в них, «кроме закона божия и арифметики, никаких других предметов отдельно не преподавалось», и только на уроках русского чтения учащиеся знакомились с отечественной историей и географией и приобретали «полезные для себя сведения и нравственные правила». В церковных школах учили молитвам, русскому и славянскому чтению, письму и арифметике. Учебниками служили преимущественно часословы и псалтыри. С середины 1860-х гг. вся учебная литература рецензировалась и допускалась в библиотеки учебных заведений только непосредственно министерством народного просвещения. Для начальных училищ в качестве основного учебника использовалась «Книга для чтения в народных училищах Виленского учебного округа» (1863 г.). В ней «преобладал материал религиозного характера, подобранный в соответствии с задачами русификации края в духе православия, самодержавия и официальной народности» [1, с. 408].

В своей профессиональной деятельности учитель должен был руководствоваться специально изданной «Инструкцией народным учителям Виленского учебного округа» 1863 г., которая определяла организацию учебно-воспитательного процесса и методы обучения. В 1860-е гг. педагоги использовали традиционные методы обучения. С 1870-х гг. все шире при обучении чтению применялся звуковой метод, а в преподавании арифметики – метод Грубе (начальное обучение счету на предметах). Набирали популярность руководства к обучению известных русских педагогов Паульсона И. И. и Золотова В. А., которые распространялись по каналам педагогической прессы: метод объяснительного чтения, буквослагательный, письменные задания и упражнения на счетах, разговорная практика. Пропагандировались принципы доступности и наглядности обучения.

Одними из первых изданий, увидевших свет после школьной реформы, были учебник Ушинского К. Д. «Родное слово» и книга для чтения Н. А. Корфа «Наш друг». Эти пособия были подготовлены на высоком методическом уровне, со знанием детской психологии и с учетом возрастных особенностей обучаемых. Богатое и интересное наполнение материала, который содержал, в том числе, и полезные практические сведения для сельского населе-

ния, способствовало развитию мышления и речи учащихся, мотивировало любовь к учению. Достаточно распространенными в сельской школе были учебники и книги для чтения Н. Ф. Бунакова («Азбука и уроки для чтения»), «Живое слово», «В школе и дома») и учебные книги Л. Н. Толстого под общим названием «Азбука», в которых была удачно представлена целостная система естественнонаучных и гуманитарных знаний. К лучшим учебникам того времени принадлежал и «Букварь» Д. И. Тихомирова [2].

Значительное влияние на содержание и методы работы сельской школы оказали «Букварь для письма и чтения» В. П. Вахтерова и книга для чтения «Мир в рассказах для детей» В. П. и О. Э. Вахтеровых, продолжавшие традиции лучших учебников для народной школы. В «Букваре» и методическом руководстве к нему закреплялось обучение детей чтению звуковым методом. Книга для чтения знакомила учащихся с лучшими образцами русской классической литературы: баснями И. А. Крылова, поэзией А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова, произведениями Л. Н. Толстого и И. С. Тургенева. Большое внимание в ней уделялось естественно-географическим сведениям. «Мир в рассказах для детей» высоко ценился учителями за удачно подобранный дидактический материал, понятную и образную форму изложения, за меткие примеры и сравнения, облегчавшие усвоение знаний [3, с. 20–22].

Учебники и руководства, подготовленные прогрессивными педагогами и деятелями народного образования, оказывали позитивное влияние на повышение качества общеобразовательной подготовки детей, на их развитие и воспитание. К. Д. Ушинский подчеркивал, что «педагогическая литература вводит учителя в благородный круг мыслителей, посвятивших всю жизнь делу воспитания». Учитель также имел возможность популяризировать собственные достижения на педагогическом поприще и «не ограничиваться тесным кругом своей плодотворной деятельности. Его опыт, его мысль, которую он выработал в своей практике, новый вопрос, родившийся в его голове, – все это не останется в пределах его школы или, что еще хуже, не умрет в нем самом, но, появившись на литературном поприще, облетит все концы России, заглянет во все захолустья, где только есть школа, и вызовет сочувствие или спор в сотне его товарищей... может приобрести защитников и перейти в действительность не в тесных пределах одного класса или одной школы, но в обширных пределах общественного образования целого государства» [4, с. 36].

Вся самая необходимая учебная и педагогическая литература хранились в первую очередь

в библиотеках начальных народных училищ. В конце XIX – начале XX в. во всех губернских и некоторых уездных городах стали открываться центральные учительские библиотеки. Такая библиотека была создана при 1-м Могилевском приходском училище (хранилось 70 экз. книг). Из отчета заведующего можно узнать, что учительницы в основном интересовались книгами педагогического характера и брали почитать «Великую дидактику» Каменского, «Методику русского языка» Стахова, «Методические указания» Зелинского, а учителя – преимущественно книги по естествознанию, истории, сельскому хозяйству: «Гигиена» Енько, «История Петра Великого» Полевого, «Русский огород» Шредера [5, л. 70].

С начала XX в. открываются педагогические музеи наглядных пособий. Первый такой музей появился при Управлении Виленского учебного округа 19 января 1903 г. Он состоял из двух главных отделов: собрания учебных пособий и коллекций для наглядного преподавания всех предметов курса низшей и средней школы и библиотеки, содержащей в себе издания периодической литературы, научные сочинения, руководства и учебники по предметам среднего и начального обучения. На 1 января 1915 г. в библиотеке музея были учебные пособия по Закону Божию, русскому языку, арифметике, геометрии, космографии, ботанике, зоологии, минералогии, химии, физике, анатомии, истории, географии, этнографии, геодезии, психологии, гигиене, иностранному языку, чистописанию, рисованию, ручному труду, а также картины и фотоснимки на сумму 8960 руб. 30 коп. Такие музеи были созданы при учительских семинариях и в губернских городах при Дирекциях народных училищ [6, с. 15].

Хранящиеся в музеях пособия использовались как преподавателями во время классных занятий с учениками, так и воспитателями семинарий, наставниками-руководителями педагогических курсов и самими курсистами. Особый интерес у будущих учителей проявлялся к картинам и репродукциям, пригодным для бесед на разных предметных уроках. Спросом и популярностью пользовались «Картины по Священной истории» Ракочия и Компа, «Картины времен года» Семенова, «Картины из русской жизни и природы» Флена и Компа, «Отечественная история в картинах» Рождественского, «Наглядное обучение» Золотова и др. Фонды музеев, кроме выписки экспонатов за счет имеющихся в управлении округа средств, могли пополняться и иными способами. Например, руководитель педагогических курсов при Полоцкой учительской семинарии Митрошенко И. Я. часто объяснял будущим

учителям способы домашнего изготовления несложных наглядных пособий (счетные палочки, разрезная азбука, гербарии и др.) [7, л. 11].

Первые учебные пособия на белорусском языке были изданы яркими представителями национальной интеллигенции и явились значительным событием в национальной педагогике. Их авторы были хорошо знакомы с наследием уже названных русских педагогов и активно использовали наработанный опыт при составлении собственных книг для чтения и букварей. В первую очередь следует назвать такие издания начала XX в., как «Беларускі лемантар, або першая навука чытання» В. Ивановского, «Беларуская граматыка» К. Каганца, «Першае чытанне для дзетак беларусаў» Тетки (А. Пашкевич), «Другое чытанне для дзяцей беларусаў» Я. Коласа, «Першая чытанка, кніжыца для беларускіх дзетак дзеля навуки чытання» В. Ластовского и др. Их усилиями был создан «мощный фундамент для становления белорусской педагогической системы и детской литературы... Им характерен реальный показ жизни народа, раннее включение в большой и сложный мир взрослых людей через трудовую деятельность, пробуждение национальных чувств, опора на народно-педагогическое наследие» [8, с. 127].

Научно-методические материалы в рассматриваемый период активно публиковались в российских педагогических журналах, таких как «Русская школа», «Русский начальный учитель», «Педагогический вестник», «Народный учитель», «Для народного учителя», «Учитель и школа» и др. Управлением Виленского учебного округа издавались «Циркуляр по Виленскому учебному округу» и приложение «Народное образование в Виленском учебном округе» (ежемесячное издание). Издательское дело стало важным направлением деятельности созданных в конце XIX – начале XX в. педагогических обществ взаимопомощи Беларуси (журналы «Педагогическое дело», «Педагогические записки», «Голос учителя», «Белорусский учительский вестник», «Белорусский учитель»). На страницах этих изданий печатались научные и методические статьи Ф. А. Кудринского, К. И. Тихомирова, К. В. Ельницкого, Д. А. Степуры и др. Один из педагогов того времени писал, что для «бедных тружеников на тернистой ниве народного просвещения» книги были «также необходимы, как и пища; никто так не нуждается в самообразовании и саморазвитии, как сельские учителя, и к тому же для многих из них книга служит единственным развлечением, единственным собеседником» [9, с. 83].

Заключение. Таким образом, в течение рассматриваемого периода передовая педагогическая общественность вела борьбу за введение

всеобщего обучения детей, совершенствование педагогического руководства учебным процессом и повышение качества и эффективности учебно-воспитательной работы. На страницах педагогических изданий широко популяризировалось наследие прогрессивных педагогов. Их учебники и методические руководства яв-

лялись актуальными и востребованными для начальной народной школы. Благодаря педагогической литературе повышался образовательный и профессиональный уровень сельских учителей, совершенствовалась их методика преподавания, создавались возможности для обновления содержания обучения и воспитания.

Список литературы

1. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. / отв. ред. А. И. Пискунов. М.: Педагогика, 1976. 600 с.
2. Тихомиров Д. И. Букварь для совместного обучения чтению и письму с картинками и статьями для первоначальных упражнений в объяснительном чтении для народных школ. М.: Тип.-лит. И. Н. Кушнерев и К., 1902. 104 с.
3. Жильцов П. А., Величкина В. М. Учитель сельской школы. М.: Просвещение, 1985. 160 с.
4. Анастасиев Н. И. Народная школа. Руководство для учителей и учительниц. М.: Изд-во А. Д. Ступина, 1913. 570 с.
5. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 2254. Оп. 2. Д. 281.
6. Отчет о состоянии учебных заведений и учреждений Виленского учебного округа за 1914 год. Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1915. 67 с.
7. НИАБ. Ф. 458. Оп. 1. Д. 116.
8. Snapkoўская С. В. Адукацыйная палітыка і школа на Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX ст. Мінск: НІА, 1998. 192 с.
9. Кушнерев А. Сельский учитель // Педагогический вестник. 1912. № 2. С. 81–85.

References

1. *Ocherki istorii shkoly i pedagogicheskoy mysli narodov SSSR. Vtoraya polovina XIX v.* [Essays on the history of schools and pedagogical thought of the peoples of the USSR. Second half of the XIX century] / ed. A. I. Piskunov. Moscow, Pedagogika Publ., 1976. 600 p.
2. Tikhomirov D. I. *Bukvar' dlya sovместnogo obucheniya chteniyu i pis'mu s kartinkami i stat'yami dlya pervonachal'nykh upravneniy v ob'yasnitel'nom chtenii dlya narodnykh shkol* [A primer for co-educational reading and writing with pictures and articles for initial exercises in explanatory reading for public schools]. Moscow, Tip.-lit I. N. Kushnerev i K. Publ., 1902. 104 p.
3. Zhil'tsov P. A., Velichkina V. M. *Uchitel' sel'skoy shkoly* [The teacher of rural school]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1985. 160 p.
4. Anastasiyev N. I. *Narodnaya shkola. Rukovodstvo dlya uchiteley i uchitel'nits* [Folk high school. Guide for teachers and female teachers]. Moscow, Izd-vo A. D. Stupina Publ., 1913. 570 p.
5. National Historical Archives of Belarus (NHAB). Fund 2254. I. 2. F. 281.
6. *Otchet o sostoyanii uchebnykh zavedeniy i uchrezhdeniy Vilenskogo uchebnogo okruga za 1914 god* [Report on the state of educational institutions and institutions of the Vilnius educational district for 1914]. Wil'no, Tip. A. G. Syrkin Publ., 1915. 67 p.
7. NHAB. Fund 458. I. 1. F. 116.
8. Snapkouskaya S. V. *Shlyakhi razvitsiya shkoly na Belarusi u kantsy XIX – pachatku XX st.* [Way school development in Belarus in the late XIX – early XX century]. Minsk, NIA Publ., 1997. 41 p.
9. Kushnerev A. The rural teacher. *Pedagogicheskiy vestnik* [Pedagogical Bulletin], 2012, no. 2, pp. 81–85 (In Russian).

Информация об авторе

Острога Валентина Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: ostroha@belstu.by

Information about the author

Ostroga Valentina Mikhailovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: ostroha@belstu.by

Поступила 15.09.2020

УДК 323.323.2(476)

Н. Е. Семенчик

Белорусский государственный технологический университет

**СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ БЕЛАРУСИ
НА ИЗЛОМЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

В статье показано положение сельского хозяйства и промышленности Беларуси на этапе завершения Первой мировой войны. Обращено внимание на перемены в экономике, которые произошли после свержения Временного правительства. Отмечены ход и последствия осуществления декрета о земле и рабочего контроля над производством. Уточнены направления и результаты германской экономической политики в оккупированной Беларуси. Освещены мероприятия большевиков Западной области (Коммуны) в сельскохозяйственной и промышленной сферах. Определено влияние военного фактора на экономику Беларуси с лета 1917 по зиму 1918 года.

Ключевые слова: сельское хозяйство, промышленность, Беларусь, Первая мировая война, большевики, германская оккупация, реквизиция, хлебная монополия, национализация.

N. Ye. Semenchyk

Belarusian State Technological University

**AGRICULTURE AND INDUSTRY OF BELARUS
AT THE CHANGING POINT OF WORLD WAR I**

The article dwells upon the state of agriculture and industry in Belarus at the final stage of the First World War. Major focus is put on the changes in the economy that occurred after the overthrow of the Provisional Government. The course and consequences of the implementation of the Decree on Land and workers' control over production are described. The strands and outcome of Germans' economic policy in occupied Belarus are elaborated. The author gives an account of the activity of the Western Region (Commune) Bolsheviks in the agricultural and industrial fields. The military factor's impact on the economy of Belarus during the period from the summer of 1917 to the winter of 1918 is defined.

Key words: agriculture, industry, Belarus, World War I, Bolsheviks, german occupation, requisition, bread monopoly, nationalization.

Введение. Основное внимание исследователей проблем Первой мировой войны сконцентрировано на деятельности большевиков по подготовке Октябрьской революции и борьбе за мир. Значительно реже в трудах отечественных историков освещались экономические аспекты, без которых трудно осмыслить реальную роль ленинской партии в решении важнейших житейских вопросов белорусского народа на сложных этапах его истории. Но и те немногочисленные труды по причине их идеологической зашоренности уже не могут соответствовать запросам современных исследователей.

Основная часть. Четвертый год участия России в мировой войне усилил необходимость модернизации ее экономики. Что касается сельского хозяйства, то царское, а затем и Временное правительства в лице Министерства земледелия, не стали откладывать ее «до лучших времен». В Беларуси, как и повсюду в стране, продолжалось кредитование хуторских хозяйств, внедрение пунктов проката орудий труда, распространение элитных сортов семян и породистых животных. В штатах губернских и уездных органов правления состояли агрономы, ве-

теринары и другие специалисты, которые работали в тесном контакте с земскими коллегами. Их услугами пользовались не только помещики, но и крестьяне. Так, в Минской губ. первым принадлежало 5 257 000 дес. земли, вторым – 1 946 000 дес. [1]. В Могилевской губ., соответственно, 1 006 700 и 2 228 700 дес. [2]. При этом существовали хозяйства, в которых было мало земли или не было совсем. В Минской губ. таковых, к примеру, насчитывалось 1900 дворов [1].

Несмотря на наличие в Беларуси до 300 тыс. батраков, спрос на рабочую силу превышал предложение.

После реквизиции на нужды фронта собранных культур для внутреннего потребления до нового урожая не всегда хватало, поэтому ежегодный подвоз в каждую губернию Беларуси составлял 3–4 млн пудов муки и зерна [3].

Собранный летом – осенью 1917 г. урожай не вызывал у властей Могилевщины особой тревоги. Хотя урожайность ржи и пшеницы была ниже средней, зато хорошо уродились картофель и гречиха, и это позволяло надеяться, что большинство сельских жителей могли прожить

до нового урожая на собственном хлебе [4]. Достаточно благоприятная в этом отношении картина сложилась и на Минщине [5]. Но в Витебской губ. излишки продуктов имелись только в Лепельском уезде [6], поэтому все надежды возлагались на привозной хлеб.

Интендантские службы Западного и частично Северного фронтов рассчитывали на заготовку в Беларуси не менее 6 млн пуд. картофеля, 150 тыс. пуд. свеклы, 100 тыс. пуд. капусты, по 50 тыс. пуд. моркови, редьки и репы [7]. Кроме того, ежемесячно на фронты поступали сотни тысяч пудов говядины. Так, летом 1917 г. с Витебщины ожидалась поставка 67 тыс. голов крупнорогатого скота [8], с 5 уездов Минщины – 35 тыс. [9].

Здесь же животноводство было представлено крупнорогатым скотом, свиньями и овцами. В Витебской губернии работали два контрольных союза, занимавшихся подбором молочных коров для экономий [10, с. 430]. Как правило, у крупных землевладельцев коровы были ангельской, симментальской и швицкой пород, а свиньи – йоркширской. Крестьянский скот являлся беспородным. Коневодство в Беларуси осуществлялось в основном для нужд сельского хозяйства. Хоть и реже, но можно было приобрести лошадей и для верховой езды. Так, для этих целей при Горецкой ферме имелся завод с 5 жеребцами и 26 кобылами норвежско-арденской породы. Кроме того, уездным земством были открыты 3 случных пункта с жеребцами рысистой породы [11].

Отношение властей к изъятию лошадей для нужд фронта было достаточно взвешенным. В итоге на Могилевщине было реквизировано до 6% лошадей, что соответствовало общероссийскому показателю. Из мобилизованных в стране 1500 тыс. лошадей [12] треть была задействована на Западном фронте.

Осенью 1917 г. в Витебской губ. насчитывалось 186 тыс. лошадей, 462 тыс. голов крупнорогатого скота, 734 тыс. овец, 1,7 тыс. коз, 386 тыс. свиней, всего более 1 млн 772 тыс. животных; в Могилевской губ. (соответственно) 465 тыс., 748 тыс., 1001 тыс., 3,9 тыс. и 979 тыс.; всего более 3 млн 198 тыс. животных. По данным 1916 г., в Минской губ. общее поголовье животных составило около 1 млн 938 тыс. животных. По этим показателям белорусские губернии занимали средние места по стране [13, с. 10–55] [14, с. 211].

Заготовка сена для животных осуществлялась из муражных, заливных, суходольных, болотных, лесных и сеяных трав. Значительная часть местного фуража предназначалась для прокорма фронтовых лошадей.

Гражданская и военная власть старались влиять на доступность сельскохозяйственных

продуктов для населения, а также на равномерность его распределения. В этих целях было издано постановление о хлебной монополии и твердых ценах на хлеб, были введены нормы потребления для едоков и домашних животных, установлены цены на рабочую силу и др. Но усиление в армии антивоенных настроений, обостренных провалом летнего наступления и упадком воинской дисциплины, помимо прочего, ослабило заботу о снабжении фронтовиков.

Вследствие недальновидной политики Временного правительства хлебная монополия, по сути, была сорвана и крестьянство переставало продавать свои продукты. Сельское хозяйство все сильнее вовлекалось в сферу подготовки к аграрной реформе.

В 1917 г. основными видами промышленности неоккупированной части Беларуси оставались деревообрабатывающая, кожевенная, обувная, льнопрядильная, бумажная, пищевкусовая. По своей принадлежности основная масса мастерских, заводов, фабрик, пекарен являлась собственностью местных буржуа. Несколькими крупными заводами оборонного значения работали в Витебске, Минске, Гомеле, Бобруйске и др. Большинство предприятий принадлежали Западнофронтовым комитетам Всероссийского земского союза (ВЗС), Всероссийского союза городов (ВСГ) и др. Табачные и махорочные фабрики Витебска, Могилева были призваны удовлетворять запросы солдат и гражданского населения.

К середине осени 1917 г. доминировавшая с начала революции идея достижения демократического мира военным путем была окончательно дискредитирована. Польша, часть Прибалтики и Беларуси по-прежнему оставались оккупированными противником. Но нежелание солдат воевать, усиливаемое разлагающей пропагандой большевиков, переставало выглядеть аморальным как на передовой, так и среди населения прифронтовой Беларуси. В то же время упадок военной дисциплины и иллюзия близкого окончания войны подрывали благотворительное движение в пользу армии. Становилось массовым такое явление, когда поставки крестьянами сельскохозяйственных продуктов на нужды армии переставали рассматриваться как обязательные. В результате в октябре 1917 г. продовольственное и фуражное обеспечение фронтовиков резко ухудшилось.

В сложившихся условиях перспектива продолжения Россией военных действий выглядела губительной не только для армии, но и для всей страны. Основная масса российской общественности, в том числе белорусской ее части, связывала выход из кризисного положения с выборами всенародного парламента.

Но 25 октября 1917 г. в обстановке всеобщего ожидания перемен большевики отдали предпочтение силовому варианту решения всех проблем – через вооруженное восстание и захват власти. Обнародованные 26 октября 1917 г. В. Лениным декреты о мире и о земле прежде всего были обращены к солдатам России. В своей массе будучи призванными из деревни последние не желали воевать и ожидали передела помещичьей земли, поэтому их действия в поддержку большевиков были наиболее действенными.

Новое «временное рабоче-крестьянское правительство» предприняло шаги к началу переговоров с австро-германским блоком о мире и выходу России из войны. Тем самым в стране создавались предпосылки к осуществлению кардинальных преобразований, в том числе – в сфере экономики. Так, в принятом декрете о земле большевики объявляли о конфискации помещичьих, удельных, монастырских и церковных земель и о их переходе вместе со всем живым и мертвым инвентарем, постройками в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов.

Большевики объединяли крестьянских депутатов в единые с рабочими, солдатскими и батрацкими депутатами Советами и включали в земельные отделы. Функции земельных комитетов передавались тем же земельным отделам. Борьба большевиков за доминирование в них оставляла без внимания начавшееся погромное движение солдат, оставшихся без снабжения. Развал фронта, помимо прочего, вел к тому, что лошади стали погибать от бескормицы [15].

Основная масса экономий располагала запасами хлеба урожая 1917 г. Молочный скот, особенно элитных пород, также оставался здесь. Первыми, кто мог претендовать на это имущество, были коммунары, члены товариществ по обработке земли, бедняцкие и батрацкие семьи или отдельные лица. Общие правила распределения земель были выработаны с принятием 27 января 1918 г. III Всероссийским съездом Советов «Основного закона о социализации земли». Однако его широкой реализации так и не произошло. Как переговоры о мире, так и упомянутый закон использовались как средства упрочения большевистской власти.

После Октябрьского переворота промышленность Беларуси оказалась в условиях, еще более неблагоприятных, нежели осенью 1915 г. Развал Западного фронта сделал ненужными обслуживавшие его организации. В результате в городах возникла безработица, усиливаемая притоком демобилизованных и бежавших с фронта солдат. Созданные новой властью органы управления народным хозяйством, в том

числе промышленностью, не пользовались авторитетом у рабочих. Декларируемая Советской властью национализация предприятий широкого распространения не имела и носила скорее репрессивный характер.

По принципиальным соображениям организованный рабочий класс не выдвигал требований о коренных преобразованиях в промышленности вплоть до окончания войны. Между тем в соответствии с обнародованным положением «О рабочем контроле» от 14 ноября 1917 г. трудящимся предлагалось брать в свои руки предприятия и организовывать производство в интересах всего народа. Но рабочий класс, возглавляемый профсоюзами, отказался признавать новую власть и ее постановления. Только часть рабочих и отдельных профсоюзов пошла на сотрудничество с Советской властью.

17 декабря 1917 г. СНК Западной области и фронта по политическим соображениям принял постановление о закрытии учреждений ВЗС и приспособлении их к гражданским нуждам. По приказу А. Мясникова все военно-технические учреждения передавались в ведение Комиссариата народного хозяйства [16].

Созванный в декабре 1917 г. Витебский губернский съезд Советов признал необходимым создание отдела промышленности и труда, национализации городской недвижимости, оживление закрытых предприятий, но в самом городе ситуация с промышленностью ухудшалась: закрывались кирпичные заводы, мастерские кожевенного и швейного производства.

Совет Народных Комиссаров Западной области и фронта также призывал к осуществлению контроля над производством, восстановлению неработавших предприятий и повышению производительности труда. Но возобладало общее мнение взять на учет те предприятия, работа которых полезна для всех, и оставить их в руках прежних владельцев. А в числе национализированных объектов преобладали аптеки, рестораны, киоски.

Развал фронта пагубно сказался на положении промышленности. С закрытием предприятий по обслуживанию фронта и прекращением финансирования не сразу удавался их перевод на выпуск «мирной» продукции. Приток в города демобилизованных и дезертировавших с фронта солдат усилил безработицу. Из-за транспортных проблем ухудшилось поступление сырья и других компонентов, необходимых для производства. Экономические вопросы с малой долей успеха решали соответствующие секции (отделы) Советов. Общее руководство экономикой было возложено на Комиссариат народного хозяйства Западной области и фронта

до его роспуска 17 февраля 1918 г. В целом рабочий класс пока не увидел преимуществ Советской власти перед прежним строем, поэтому встал к ней в оппозицию.

После вступления в силу Брестского договора от 3 марта 1918 г. под оккупацией кайзеровских войск оказалось $\frac{3}{4}$ территории Беларуси. Сепаратный мир предоставил им здесь полную свободу действий. Основное направление политики оккупантов по отношению к захваченной территории, ее населению и природным богатствам выразилось в виде спланированной системы использования местных материальных ценностей в своих интересах. Кайзеровские войска давали себе отчет в том, что для продолжения войны против Антанты необходимо пополнять свои истощившиеся экономические ресурсы как за счет военных трофеев, так и эксплуатации захваченных земель. В этом плане оккупированные уезды Витебской, Минской Могилевской губерний представляли значительный интерес и прежде всего в продовольственном плане. В отличие от «освоенных» уже уездов Гродненской и Виленской губерний, вновь захваченные германцами земли Беларуси имели значительный потенциал в виде запасов хлеба и фуража, поголовья животных, посевных материалов, а также трудовых ресурсов.

Созданный здесь политический режим нацеливался на максимальную и бесперебойную отправку продовольствия, сырья и прочей местной продукции на нужды рейхсвера и в кладовые Германии. Эти функции осуществлялись отделом Обер-Ост, созданным в Управлении штаба главнокомандующего Восточным фронтом [17, с. 250]. Весь его аппарат стремился направить взаимоотношения с местным населением в русло обозначенного оккупантами правового поля. В числе первых шагов завоевателей в этом направлении на вновь захваченной территории стала отмена в марте 1918 г. всех большевистских распоряжений и органов власти и возвращение к прежнему, преимущественно царскому законодательству. Имена, предприятия, иная национализированная собственность возвращались прежним владельцам [10, с. 47].

Вместе с тем несмотря на то, что городские и земские самоуправления были для оккупантов связующим звеном с местным населением, захватчики осуществляли свои планы самостоятельно, не апеллируя к гражданским «властям». Даже созданное в рамках Белорусской Народной Республики Министерство земледелия не принималось оккупантами во внимание и фактически не имело существенного влияния на развитие сельского хозяйства.

В «бесхозных» помещичьих экономиях изымались запасы зерна и картофеля, скот, домашнее имущество. В большинстве же имений, куда вернулись помещики, завоеватели помогали им вернуть расхищенный живой и мертвый инвентарь [10, с. 74] и силами крестьян осуществить весенний сев. В дальнейшем же крестьян обязали (за плату или без нее) выполнять в тех имениях разного рода полевые работы. Под надзором помещиков происходил сбор налогов в пользу оккупантов.

Все пустующие земли сельскохозяйственного значения, вне их зависимости от принадлежности, должны были быть засеяны и обработаны [10, с. 75]. Волостным управам вменялось в обязанность осуществление в деревнях учета всего скота, зерна, картофеля и т. п., а также равномерное распределение семян [10, с. 76]. Учет крестьянской и помещичьей продукции давал оккупантам дополнительную возможность изъятия той ее части, которая выходила за установленные законом нормы потребления.

Не меньшее внимание оккупационными властями уделялось положению дел на крестьянских подворьях. В этих видах местная гражданская администрация обязывалась осуществлять точную и подробную опись имущества крестьян, состава их семей, количества и ассортимента потребляемых продуктов. Вслед за подачей требуемых сведений главы семейств уведомлялись о необходимости уплаты податей и выполнении иных трудовых повинностей.

По сводке Народного комиссариата по военным делам, в оккупированной Беларуси все лица мужского пола 11–60 лет были обязаны платить 9 марок в год, за каждую лошадь их хозяевам полагалось платить 75 марок, за корову – 35 марок и 1 фунт масла в неделю, за курицу – 3 марки и 2 яйца в неделю [10, с. 96]. Неуплата налогов каралась штрафами, тюремным заключением, иными санкциями.

Вся отрасль белорусского животноводства (лошади, крупнорогатый скот, овцы, свиньи) и птицеводства (куры, гуси), а также производство мясных продуктов и торговля ими находилась под жестким контролем оккупантов. Летом 1918 г. здесь начались усиленные реквизиции животных. Так, 10 июля только со станции Шклов на запад было отправлено 40 эшелонов лошадей. Подобные грузы отправлялись и из других районов Беларуси [10, с. 171].

Оккупанты вменили в обязанность крестьянам только им продавать скот и птицу. Исключение делалось для мелких владельцев тяглой силы, когда хозяину позволялось иметь необходимый минимум лошадей для обработки пашни [18]. Соответственно, только немецким интендантам позволялась реквизиция кож, щетины,

конского волоса. Каких-то особенных мер, направленных на улучшение сельского хозяйства, оккупантами не предпринималось, разве что в целях извлечения максимальной прибыли.

Пик изъятия сельскохозяйственной продукции в форме реквизиций совпадал со времени созревания трав, зерновых, картофеля, откорма скота и птицы и т. д. Характерно также, что по деревням распространялись объявления, «воспрещающие жителям без разрешения германских властей приступить к покосам, сбору овощей и картофеля» [10, с. 171].

В соответствии с Добавочным русско-германским договором от 27 августа 1918 г., оккупанты обязались освободить занятые ими территории, в том числе Беларусь, по мере получения денежных обязательств в сумме 6 млрд марок [19].

По сообщению газеты «Новости дня», 14 ноября 1918 г. немцы, получив указания из Берлина, ликвидировали свои оккупационные учреждения в Беларуси и передали гражданское руководство городским и земским управам, а затем заявили об отмене поставок и реквизиций. Однако оккупанты оговорили себе право на вывоз имущества и материальных ценностей в виде станков, машин, сырья и др.

Как известно, помимо богатых трюфеев, доставшихся оккупантам после бегства Красной армии, в их руки попали громадные материальные, природные и людские ресурсы Беларуси, которые были использованы прежде всего в военных целях. По сравнению с сельским хозяйством, промышленность не привлекала аналогичного внимания новых властей. Из важнейших ее отраслей ими была быстро освоена заготовка и обработка древесины. Так, в мае 1918 г. в Беловежской пуще действовало около 300 лесопилок, продукция с которых отправлялась в Германию [10, с. 95–96]. Интересам оккупантов отвечало изготовление бумаги, переработка пищевых продуктов (овощи, фрукты, молоко, мясо и др.), производство спирта и табачных изделий, добыча торфа и фосфатов. Кроме прочего, оккупантам досталось оборудование остановленных фабрик и заводов, запасы сырья, детали из цветных металлов, что также активно вывозилось в Германию. Так, 10 июля со станции Шклов немцы вывезли 32 вагона льна, 22 вагона тряпья, 38 вагонов бумаги со шкловской бумагоделательной фабрики [10, с. 171].

Участие оккупантов в налаживании того или иного производства зависело от рода продукции, которая могла быть полезной их армии или государству. В любом случае они обеспечивали правовую базу для предприятий и создавали зависящие от них условия для дальнейшего взаимодействия с местным населением. Как и в остальных сферах его жизнедеятельности,

в промышленности были восстановлены существовавшие до революции формы собственности и правила внутреннего распорядка. Восстановив капиталистический рынок, оккупанты тем не менее оговорили приоритетные для себя в нем сферы, к примеру монополию на производство и продажу алкогольных и табачных изделий.

Производство и реализация всех товаров должны были стабилизироваться с упорядочением денежной системы. Так, вместе с русским рублем имели хождение ост-марка и ост-рубль, в отношении 1 : 2. В целях борьбы со спекуляцией устанавливались максимальные цены на отдельные товары, а также нормы их покупки.

С началом эвакуации германских войск из Сенненского, Лепельского и других уездов и до полного ими оставления территории Беларуси на всех железных дорогах и близлежащих к ним местностях происходила погрузка, по сути, награбленного ими имущества. Так, 4 октября 1918 г. в районе Полоцка продолжалась вырубка и сплав лучшего строевого леса [10, с. 261]. Сообщалось о подготовке к вывозу из Могилева станков, динамо-машин, рельсов, «до старых болтов включительно» [20]. Уходя, немцы угнали сотни паровозов, вагонов и платформ, груженных всем, что могло им пригодиться. Характерно, что все ненужное либо не подлежащее перевозке (к примеру, оборудование железнодорожных станций), продавалось крестьянам из окрестных сел. По сообщению члена Реввоенсовета Алибегова И., 24 ноября перед своим отъездом на линии Загатье – Сковка – Полоцк – Молодечно «немцы распродали железнодорожные сооружения местным крестьянам, когда пришли наши части, разгром был остановлен» [10, с. 330]. В этой связи политкомиссар всех освобожденных от оккупации областей Западного края Мануильский Д. категорически запретил «частным лицам покупать у германских войск какое бы то ни было имущество, в особенности железнодорожное» [21].

Таким образом, для содержания своих войск, а также поддержания экономического потенциала своей страны германские оккупанты на завоеванной территории Беларуси смогли наладить действенную систему производства, купли-продажи, реквизиции, изъятия (в виде налогов, наценок, обменного курса ост-марки и ост-рубля, лицензий, штрафов и т. д.) материальных ценностей главным образом в виде сельскохозяйственной, промышленной и сырьевой продукции. По сообщению берлинской прессы, стоимость вывезенных ими из Беларуси ценностей превышала 5 млрд марок.

Большевики советской части Беларуси выражали беспокойство за сохранность имущества и продовольствия у жителей, в скором вре-

мени долженствовавших избавиться от германской оккупации.

Как известно, еще в апреле 1918 г. оставшиеся свободными от оккупантов уезды Витебской и Могилевской губерний были объединены со Смоленской губ. в Западную область РСФСР. В ее границах и продолжились революционные, в том числе экономические мероприятия большевиков, эвакуировавшихся сюда из Минска. Что касается декрета о земле, то его благоприятных последствий на сельское хозяйство замечено не было. Весной 1918 г. главным объектом деятельности новой власти стали помещичьи имения, а целью – поиск продовольствия и семян для посевной кампании.

К этому времени население деревень стало возрастать за счет солдат, возвратившихся с фронтов, беженцев и крестьян, по причине безработицы вернувшихся из городов. Местные власти, решая судьбу бывших имений, стремились в первую очередь удовлетворить запросы не отдельных лиц, а групп трудящихся, высказавших желание объединиться в сельскохозяйственные товарищества.

В зависимости от размеров или доходности оставшейся в сохранности экономики здесь могло быть организовано одно или несколько коллективных хозяйств, а «лишние» земля, скот или инвентарь – переданы бедным (малоземельным, безлошадным, бескоровным и т. д.) крестьянам.

Весной – летом 1918 г. в рамках каждой волости под руководством земельного отдела Совета депутатов начало осуществляться наделение земли тех, кто выказал желание ее обрабатывать. В большинстве случаев за единицу меры надела бралось количество едоков в семье наделеемого. Что касалось распределения сенокосов, то в одной местности наделения происходило по количеству скота, а в другой, опять-таки, по количеству едоков. Все, кто получал землю, был обязан ее засеять. Семена для неимущих, как правило, изыскивались в имениях или конфисковались у зажиточных крестьян, по большевистской терминологии – «кулаков». Уцелевший от разграбления имений инвентарь передавался в прокатные пункты. Там, где они отсутствовали, инвентарь передавался (продавался) в беднейшие хозяйства.

19 июля 1918 г. декретом СНК РСФСР племенной скот из бывших имений был объявлен общенародной собственностью [10, с. 201] и разделу не подлежал.

Для увеличения производства и поступления хлеба из деревни в город заметных мероприятий сельскохозяйственного характера не предпринималось. Вместо них 20 мая 1918 г. председатель ВЦИК РСФСР Свердлов Я. поставил задачу силами беднейших крестьян и ба-

траков разжечь гражданскую войну в деревне, установить продовольственную диктатуру, осуществить хлебную монополию, подорвать экономическое господство кулаков и тем довершить социалистическую революцию [22, с. 104]. В этих целях 11 июня 1918 г. ВЦИК РСФСР принял декрет «Об организации комитетов деревенской бедноты и снабжении ее хлебом, предметами первой необходимости и сельскохозяйственными орудиями». Со своей стороны комбеды оказывали первоочередную помощь своим избирателям – батракам и деревенской бедноте в виде передачи земельных наделов, продуктов, скота, инвентаря. Все остальные деревенские жители имели возможность купли-продажи хозяйственных принадлежностей, скота, кормов и т. д. только с их разрешения.

Комбеды устанавливали норму содержания домашних животных в индивидуальном хозяйстве. Все, что превышало их количество, распределялось между коммунарами и нуждавшимися [22, с. 231]. За критерий нормы наделения лугами ими бралось не число имевшихся в хозяйстве животных, а количество душ в каждой семье [10, с. 245]. В результате зажиточные хозяева были вынуждены распродавать свою живность по бросовым ценам. Так, в Смоленской губернии количество безлошадных хозяйств уменьшилось на 1,4%, а их число с одной лошадей увеличилось на 11%. Одновременно количество дворов с 3–5 лошадьми [22, с. 231] сократилось почти на 50%.

Важнейшим направлением деятельности комбедов летом – осенью 1918 г. явилось создание коммун, сельскохозяйственных артелей, товариществ по совместной обработке земли и советских хозяйств. В своем большинстве коммуны организовывались в бывших имениях, в которых еще сохранялось прежнее имущество, скот, инвентарь [10, с. 276]. И хотя потребительская функция коммун намного превышала производственную, их организаторы видели в них свою политическую опору и зачатки нового, социалистического строя.

Первый советский урожай в колхозах и на бедняцких полях оказался невысоким. Чтобы засеять свои поля озимыми, нуждавшимся не хватило посевного материала, поэтому властям пришлось изымать его у кулаков и хуторян [23, с. 176]. Кроме того, пережитый зимой 1917–1918 г. голод заставил население Витебщины расширить озимые поля на 15 тыс. десятин, или на 8%, больше прошлогодней площади.

В целях успешного сева озимой ржи власти уделили большое внимание поиску семян, обеспечению сева сельхозтехникой, укреплению материальной базы прокатных пунктов [10, с. 201, 206].

Осенью 1918 г. оставалась нерешенной проблема кадров в службах земледелия, садоводства и молочного животноводства. Продолжавшаяся перераспределительная и конфискационная деятельность комбедов в ущерб экономической целесообразности подрывала крепкие крестьянские хозяйства и разжигала гражданскую войну. Учет имений не был закончен до глубокой осени 1918 г.

С подписанием Брестского мира промышленность Западной области базировалась на выпуске продукции, предназначенной для мирных нужд. Запасы металла и «иное демобилизованное имущество», оставшиеся после закрытия обслуживавших фронт предприятий, были использованы для изготовления сельскохозяйственных машин и иных орудий труда. Так, в Витебске только на заводе Берлина было сделано 1270 плугов [10, с. 206]. Вступили в строй механическая мастерская в Костюковичах, проволочно-гвоздильный завод в Орше. На предприятиях «Двина», «Дубровенская мануфактура», стекольный завод «Новка» был введен рабочий контроль, а в соответствии с декретом СНК от 28 июня 1918 г. произведена национализация. 5 июля 1918 г. Малый совет Облисползапа издал декрет о национализации и передаче маслодельных и сыроваренных предприятий в ведение земотдела [10, с. 130].

Летом 1918 г. прошла перепись предприятий во всех губерниях РСФСР. К этому времени доля основных видов промышленного производства в Западной области в общем объеме Советской России составляла: по добыче глины для изготовления кирпича в Витебской губ. – 0,6%, Могилевской – 0,2%, Смоленской – 2,3%; обработке металла, соответственно 0,3%, 0,5% и 0,1%; производству машин и инструментов: 0,2%, 0,1% и 0,2%; обработке дерева – 0,9%, 1,4% и 2,3%; переработке продуктов – 0,4%, 0,3% и 0,8%; обработке шерсти – 0,0%, 0,1% и 0,0%; обработке льна – 1,4%, 0,0% и 0,2%, пошиву одежды – 4,6%, 0,6% и 1,9%, производству бумаги – 0,6%, 2,6% и 0,1% и др. [24, с. 7].

По сводной ведомости из 10 114 предприятий Советской России в Витебской губ. насчитывалось 231, Могилевской – 315, Смоленской – 355 [24, с. 2, 3]. Однако далеко не все они были задействованы. Так, в Витебской губ. полностью работали 38 предприятий, а частично – 59; в Могилевской (соответственно) 28 и 53, в Смоленской – 54 и 60 [24, с. 7].

По мере улучшения экономического положения в стране промышленное производство

также набирало обороты. Лучше всего обстояли дела на мелких предприятиях, которые по-прежнему принадлежали частным предпринимателям. Значительную часть продукции (одежда, обувь, мебель и т. д.) по-прежнему выпускали кустари и ремесленники.

Экономической целесообразности в национализации не было. Ее проведения требовала большевистская доктрина, нацеленная на всестороннее подавление эксплуататорских классов города и деревни.

Укрепление позиций большевистской власти в промышленном секторе осуществлялось через советы народного хозяйства. Первый совнархоз был организован в Климовичах в марте 1918 г. [10, с. 275]. Их создание в других уездах и губернских центрах продолжалось до конца года, уже после их освобождения от оккупантов. Проблемами промышленности занимались фабрично-заводские отделы совнархозов совместно с профсоюзами.

Промышленность Западной области имела определенные перспективы к восстановлению довоенного потенциала. Благотворными к тому факторами служили значительное число предприятий, в том числе пока закрытых, а также наличие сырья для изготовления продукции из металла, глины, песка, полотна, дерева, смолы. Определенным подспорьем в обеспечении промышленности сырьем (картофель, лен, молоко, мясо, кожа и др.) могло послужить местное сельское хозяйство

Заключение. Таким образом, 1917 год стал для белорусской экономики периодом дальнейших испытаний, приведших к ее очередному после лета – осени 1915 г. значительному снижению выпуска продукции и ухудшению жизненного уровня населения. Время и условия, когда сельское хозяйство и промышленность Беларуси могло оказывать существенную поддержку русской армии, были утрачены летом – осенью 1917 г. в результате бездарной политики Временного правительства. Октябрьский переворот и сепаратный мир, подписанный большевиками, вывели Россию из мировой войны, но ввергли Беларусь в жесткие условия германской оккупации. Крупной помехой на пути экономических новаций в советской части Беларуси служило то, что, несмотря на «передышку», они происходили, по сути, в условиях гражданской войны. Поэтому на всем протяжении существования Западной области (Коммуны) политические завоевания местных большевиков опережали их экономические достижения.

Список литературы

1. Социалист-революционер. 1917. 21 нояб.
2. Могилевская жизнь. 1917. 9 авг.

3. Могилевская жизнь. 1917. 1 августа; Новое варшавское утро. 1917. 28 июля.
4. Могилевская жизнь. 1917. 20 сент.
5. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 60. Оп. 3. Ед. хр. 242. Л. 116.
6. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 60. Оп. 3. Ед. хр. 242. Л. 169.
7. НИАБ. Инвентарный № 15299. Приказы Минского военного округа на театре военных действий.
8. Витебский листок. 1917. 14 июня.
9. Минский голос. 1917. 1 июня.
10. Борьба за Советскую власть в Белоруссии 1918–1920 гг. // Сборник документов и материалов : в 2 т. Т. 1 (февраль 1918 г. – 1919 г.). Минск: Издательство «Беларусь», 1968. 604 с.
11. НИАБ. Ф. 2086. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 325.
12. Данилов Н. А. Влияние Великой мировой войны на экономическое положение России. Пг. ГИЗ, 1922. 95 с.
13. Труды ЦСУ. Т. 5. Вып. 2. Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 52 губерниям и областям. М.: Госиздательство, 1921. 87 с.
14. Сельское хозяйство России в 20 в. // Сборник статистикоэкономических сведений за 1901–1922 гг., 1923. 340 с.
15. НИАБ. Ф. 2696. Оп. 1. Ед. хр. 96. Л. 73.
16. Советская правда. 1918. 26 янв.
17. Гофман М. Записки и дневники: 1914–1918: пер. с нем. Л.: Красная газета, 1929. 262 с.
18. НИАБ. Фонд. 325. Оп. 1. Ед. хр. 1142. Л. 32; НАГБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 8593, л. 406–424.
19. Звезда. 1918. 5 сент.
20. Звезда. 1918. 30 окт.
21. Звезда. 1918. 19 дек.
22. Осипова Т. В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М.: ООО Издательство «Стрелец», 2001. 400 с.
23. Фих Б. М. Аграрная революция в Белоруссии (1917–1920 гг.). Минск: Высш. шк. 1966. 416 с.
24. Предварительная сводка данных. М.: Госсовнархоз, 1920. 37 с.

References

1. *Sotsialist-revolutsioner* [Socialist-revolutionary]. 1917. November, 21.
2. *Mogilyovskaya zhizn'* [Mogilyov life]. 1917. August, 9.
3. *Mogilyovskaya zhizn'* [Mogilyov life]. 1917. August, 1. *Novoye varshavskoye utro* [New Warsaw morning], 1917. July, 28.
4. *Mogilevskaya zhizn'* [Mogilyov life]. 1917. September, 20.
5. National Archives of Republic of Belarus (NARB). Fund. 60. I. 3. F. 242. L. 116.
6. NARB. Fund. 60. I. 3. F. 242. L. 169.
7. National Historical Archives of Belarus (NHAB). Inventory number 15299. *Priказы Minskogo voyennogo okruga na teatre voyennykh deystviy* [Orders of the Minsk Military District in the theater of operations].
8. *Vitebskiy listok* [Vitebsk leaf]. 1917. June, 14.
9. *Minskiy golos* [Minsk voice]. 1917. June, 1.
10. Struggle for Soviet power in Belarus 1918–1920. *Sbornik dokumentov i materialov* [Collection of documents and materials]. Minsk, Izdatel'stvo "Belarus" Publ., 1968. 604 p. (In Russian).
11. NHAB. Fund 2086. I. 1. Ed. F. L. 325.
12. Danilov N. A. *Vliyaniye Velikoy mirovoy voyny na ekonomicheskoye polozheniye Rossii* [Impact of the Great World War on the economic situation in Russia]. Petrograd, GIZ Publ., 1922. 95 p.
13. Regional results of the All-Russian agricultural and land census of 1917 for 52 provinces and regions. *Trudy TsSU* [Proceedings of the CSB], 1921, vol. 5, issue 2. 87 p. (In Russian).
14. Agriculture of Russia in 20 volumes. *Sbornik statistiko-ekonomicheskikh svedeniy za 1901–1922 gg.* [Collection of statistical and economic information for 1901–1922], 1923. 340 p. (In Russian).
15. NHAB. Fund 2696. I. 1. F. L. 73.
16. *Sovetskaya pravda* [Soviet truth]. 1918. January, 26.
17. Gofman M. *Zapiski i dnevniki: 1914–1918* [Notes and diaries: 1914–1918]. Leningrad, Krasnaya gazeta Publ., 1929. 262 p.
18. NHAB. Fund 325. I. 1. F. 1142. L. 32; NARB. Fund 295. I. 1. F. 8593. L. 406–424.
19. *Zvezda* [Star]. 1918. September, 5.
20. *Zvezda* [Star]. 1918. Oktober, 30.
21. *Zvezda* [Star]. 1918. December, 19.

22. Osipova T. V. *Rossiyskoye krest'yanstvo v revolyutsii i grazhdanskoy voyne* [Russian peasantry in the revolution and civil war]. Moscow, ООО Izdatel'stvo "Strelets" Publ., 2001. 400 p.

23. Fih B. M. *Agrarnaya revolyutsiya v Belorussii (1917–1920 gg.)* [Agrarian revolution in Belarus (1917–1920)]. Minsk, Vysshaya shkola Publ., 1966. 416 p.

24. *Predvaritel'naya svodka dannykh* [Preliminary data summary]. Moscow, Gossovnarkhoz Publ., 1920. 37 p.

Информация об авторе

Семенчик Николай Ефимович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: polity@bk.ru

Information about the author

Semenchik Nikolai Yefimovich – DSc (History), Professor, Head of the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: polity@bk.ru

Поступила 21.09.2020

УДК 327(476)''1909/1933

В. В. Ляховский

Белорусский государственный университет

**ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ
БЕЛОРУССКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ
НАКАНУНЕ И ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

В статье на основе новых исторических источников рассмотрены концепции белорусских национальных деятелей по межгосударственному обустройству Восточной Европы накануне и после Первой мировой войны, а также определения места и роли в новой геополитической конфигурации Беларуси. Проанализирована инициатива белорусских, литовских и польских деятелей по возрождению Великого Княжества Литовского в 1915 г., которая позже трансформировалась в идею литовско-белорусской межгосударственной унии. Дана оценка альтернативному проекту В. Ластовского по созданию белорусско-украинской федерации в 1918 г. Также проанализированы причины провала идеи белорусских, российских и украинских эмигрантов, объединившихся вокруг Социалистической лиги Нового Востока по мирной трансформации Советского Союза в «свободный союз народов» в конце 1920-х – начале 1930-х гг.

Ключевые слова: Беларусь, Восточная Европа накануне и после Первой мировой войны, Советский Союз, геополитические концепции межгосударственного обустройства новых субъектов международного права, Конфедерация Великого Княжества Литовского, белорусско-литовские и белорусско-украинские отношения, антисоветская эмиграция, Социалистическая лига Нового Востока.

U. V. Lakhouski

Belarusian State University

**GEOPOLITICAL CONCEPTS
OF BELARUSIAN NATIONAL LEADERS
BEFORE AND AFTER THE FIRST WORLD WAR**

The article is devoted to the new sources research of Belarusian national leaders' concepts of the interstate development of Eastern Europe before and after the First world war and the place and role of Belarus in the new geopolitical regional configuration. The initiative of Belarusian, Lithuanian and Polish leaders to revive the Grand Duchy of Lithuania in 1915, which later transformed into the idea of a Lithuanian-Belarusian interstate union, is analyzed. An assessment of V. Lastovsky's alternative project for the creation of the Belarusian-Ukrainian Federation in 1918 is given. The reasons for the failure of the idea of Belarusian, Russian and Ukrainian emigrants who united around the Socialist League of the New East in order to peacefully transform the Soviet Union into a «free union of peoples» in the late 1920s and the early 1930s are analyzed.

Key words: Belarus, Eastern Europe on the eve and after World War I, the Soviet Union, geopolitical concepts of the interstate structure of new subjects of international law, the Confederation of the Grand Duchy of Lithuania, Belarusian-Lithuanian and Belarusian-Ukrainian relations, anti-Soviet emigration, the Socialist League of the New East.

Введение. Первая мировая война вызвала серьезные тектонические сдвиги в политическом ландшафте так называемого Межморья (Центральной и Восточной Европы). Крах Российской, Германской и Австро-Венгерской империй привел к созданию новых государственных образований. Но в изменившихся геополитических условиях вопрос о национальном самоопределении наций в межвоенный период до конца так и не был решен. Большинство возникших новых субъектов международного права, за исключением Финляндии и стран Балтии, представляли из себя полиэтнические образования, в которых доминирующие «государственные» нации, патрони-

руя «несуверенные» народы, не имевшие своей государственности, зачастую ущемляли их законные права и интересы, препятствовали свободному национальному развитию последних. Украинцы и белорусы и вовсе оказались в наиболее неблагоприятных условиях: по итогам Рижского 1921 г. они были разделены границами между Польшей и СССР. Надежды на то, что Советский Союз в процессе своей эволюции перерастет в свободную федерацию народов бывшей Российской империи не оправдались и окончательно рухнули в конце 1920-х гг. с установлением централизованной тоталитарной диктатуры под управлением И. Сталина.

В этих неблагоприятных условиях белорусские национальные деятели, борющиеся за политическую независимость своей страны, объективно учитывавшие слабость своих позиций, строили собственные геополитические концепции в деле достижения своей главной цели в расчете на создание внешнеполитических альянсов с наиболее приемлемыми союзниками в Литве, Украине и России.

Основная часть. Концепция возрождения белорусско-литовского государства возникла в среде так называемых белорусских «краёвцев» еще до начала Первой мировой войны. Одной из первых попыток консолидировать представителей белорусской и литовской политических элит, поддержанных отдельными представителями местной филии еврейских народников («фолькистов»), была связана с выборами в IV Государственную Думу России в 1912 г. Речь идет о попытке создать единый избирательный блок сторонников краевого единства Беларуси и Литвы [1, оп. 1, д. 131, л. 15]. Попробуем ответить на следующие вопросы: 1. Была ли эта инициатива стратегической целью договаривающихся сторон по построению конфедерации (федерации) народов Беларуси и Литвы? 2. Если это так, то на какой экономической и культурной основе можно было бы построить данный союз?

Главными генераторами идеи возрождения Великого Княжества Литовского являлись тогдашние лидеры белорусского национального движения братья Иван и Антон Луцкевичи. Последние считали, что этот проект может быть реализован только в случае ликвидации самодержавия в России, после чего должен произойти процесс децентрализации всей системы политической власти в стране и реализации идеи федерализма. Братья Луцкевичи полагали, что белорусско-литовский политический союз выгоден Беларуси по ряду причин. Во-первых, Литва и Беларусь находились тогда примерно на одинаковом уровне экономического и социального развития, а учитываемые еще и демографический фактор, белорусские лидеры полагали, что литовский национализм не сможет доминировать над белорусским в рамках этого союза. Во-вторых, предполагаемая белорусско-литовская федерация (конфедерация) даст возможность сохранить традиционные экономические связи между двумя близкими народами и предоставит белорусам выход к Балтийскому морю. В-третьих, что также немаловажно, белорусско-литовская политическая уния позволит белорусам сохранить свой главный культурный, исторический и экономический центр – Вильнюс. Последняя, по мнению братьев Луцкевичей, должна объединять белорусов и литовцев, а не быть «яблоком раздора» и очагом

напряженности по взаимным территориальным притязаниям [2, оп. 1, д. 22, л. 12].

Не отвергалась также идея восстановления на новых конфедеративных основах Речи Посполитой. Но братья Луцкевичи, понимая очевидный геополитический риск такого объединения, допускали этот сценарий для Беларуси только после формирования устойчивого фундамента ее суверенитета [3, оп. 1, д. 22, л. 13].

В геополитическом проекте братьев Луцкевичей по восстановлению ВКЛ на первом месте стояли национальные приоритеты: идея федерации или конфедерации была лишь тем шагом, посредством которого создавались более благоприятные условия для социально-экономического и культурного развития собственно белорусского национального проекта.

Великая война 1914–1918 гг. стала поворотным моментом в истории белорусского национального движения. Несмотря на ее разрушительные последствия для страны, она послужила катализатором этнокультурных процессов и ускорила консолидацию белорусской политической элиты вокруг идей независимости Беларуси, а также реанимировала идею возрождения ВКЛ на новой политической основе. В декабре 1915 г. в Вильне был издан манифест Конфедерации ВКЛ, которую подписали белорусские, литовские и польские социалисты, а также ряд умеренных еврейских политических деятелей. В это же время была озвучена идея восточноевропейских «соединенных штатов» народов Беларуси, Литвы и Украины: от Балтийского до Черного морей.

Указанные геополитические проекты можно охарактеризовать в целом как нереалистичские, навеянные политическим романтизмом и к тому же продекларированные в условиях германской оккупации Литвы и западной части Беларуси (Обер-Ост). Тем не менее эти проекты не являлись продуктом кайзеровской пропаганды. Они отстаивали краевою политическую независимость как от царской России, так и от Второго Рейха. А. Луцкевич позднее писал: «Мы допускали другой исход войны: Германия победит Россию, но западные державы в конечном итоге победят Германию. <...> Мы решили использовать все возможности, приложить все силы в этом направлении, чтобы поставить мир перед совершенным фактом восстановления ВКЛ» [4, с. 231].

Работа над документом велась в узком кругу виленских масонов: братьев Луцкевичей, литовцев Шаулиса Ю., Кайриса С., поляка Заштовта А., еврейских «фолькистов» Шабада Ц. и Гершона А. Данная инициатива не нашла поддержки в первую очередь у местных польских консерваторов и народных демократов [4, с. 231].

Для популяризации идеи возрождения ВКЛ братья Луцкевичи использовали также идеологическую площадку Лиги защиты прав инородцев в России – организации, созданной по инициативе Германии и Австро-Венгрии в 1915 г. в пропагандистских целях по дискредитации российского правительства в глазах международной общественности. В 1916 г. на очередном таком «конгрессе угнетенных народов» в Лозанне И. Луцкевич озвучил план создания нового межгосударственного объединения на оккупированных немцами и австро-венграми белорусских, литовских и украинских землях – так называемых «соединенных штатов» Восточной Европы – от Балтики до Черного моря. При этом инициаторами проекта подчеркивалось, что его реализация возможна только при «полном упадке государственного строя в России» [4, с. 231].

Идея И. Луцкевича не нашла широкого отклика у потенциальных союзников, ко всему «лозанский конгресс» обострил и без того неблагоприятные белорусско-польские и белорусско-литовские отношения на региональном уровне. Виленские поляки, как правые, так и левые, отказались от каких-либо унионистических концепций и твердо держали курс на реализацию собственных национальных проектов. Они вообще не воспринимали виленских белорусов всерьез как равноправных партнеров. При этом иронизировали над последними, заявляя, что всех белорусов Вильню можно разместить на одной кушетке [5, с. 37]. Большинство литовских политиков в свою очередь также отвергли идею белорусско-литовского союза. При лояльном отношении Германии они начали строить свое собственное национальное государство со столицей в Вильне (Вильнюсе). Их по-прежнему беспокоила опасность «славянизации» Виленского края, к тому же литовцы понимали, что Россия вряд ли так просто допустит отторжения от себя белорусских территорий при очевидной слабости «сепаратистских устремлений» самих белорусов. Литовцы опасались, что из-за мощного российского влияния на политическую, экономическую и культурную жизнь Беларуси, последняя в союзе с Литвой может стать своеобразным «троянским конем», а это затруднит самой Литве путь к национальной независимости.

Вскоре после «лозанского конгресса» 1916 г. В. Ластовский провозгласил создание альтернативного Конфедерации ВКЛ «Объединения (Связи) независимости и неделимости Беларуси». В пике устремлений братьев Луцкевичей к созданию белорусско-литовского союза он выдвинул идею белорусско-украинской федерации. В апреле 1918 г. по-

следний заявил, что «белорусская политическая мысль не должна останавливаться на одной формулировке своих государственных, политических идеалов в форме независимости и неделимости страны. По его словам, для укрепления своих позиций белорусская политическая элита должна искать надежных союзников, но только с теми, кто искренне симпатизирует Беларуси и не посягает на ее независимость. Таким союзником, по мнению Ластовского, следует считать в первую очередь Украину. Исходя из этого посыла политик начал активно пропагандировать идею создания белорусско-украинской федерации [6, с. 8].

Неожиданно негативно к идее белорусско-украинской федерации отнесся известный белорусский ученый и общественный деятель Довнар-Запольский М., который большую часть своей жизни провел в Украине. «Украинско-белорусское сближение, – заявил профессор, – принесет нам мало пользы, а вреда от него может быть немало» [7, с. 122]. Довнар-Запольский предупреждал, что тесная интеграция Беларуси с Украиной при наличии значительной асимметрии у сторон в демографических, военных, экономических, сырьевых и других сравнительных экономических, социальных и культурных показателях, помноженных на экспансионистские аппетиты части украинской элиты забрать у белорусов их Полесский регион, может стать серьезной угрозой для белорусской государственности. М. Довнар-Запольский в принципе в тех условиях не одобрял вступление Беларуси в тесные политические и экономические союзы (в форме федерации, таможенного союза и т. д.) со странами, которые намного превосходят ее по важнейшим экономическим, демографическим, военным и другим индикаторам. По его мнению, это может нести большие риски к возможной потере политической независимости и подчинению чужим интересам. Его подход основывался на необходимости заключения в первую очередь двусторонних и многосторонних внешнеторговых соглашений в формате таможенных преференций или зоны свободной торговли. Это позволило бы Беларуси, с одной стороны, активно развивать взаимовыгодную внешнюю торговлю со своими партнерами, а с другой – сохранять за собой основные рычаги управления и регулирования национальной экономики, не рискуя отдать в руки неким наднациональным органам, тем самым лишиться себя возможности эффективно защищать свои экономические интересы и оберегать наиболее чувствительные отрасли народного хозяйства от недобросовестной иностранной конкуренции [8, с. 514–519].

Рассматривая взаимоотношения сторонников белорусской независимости со своими политическими партнерами из соседних стран в исследуемый период, мы можем констатировать факт, что последним так и не удалось воплотить в жизнь идею белорусско-литовской или белорусско-украинской федераций. Наиболее реальным такой геополитический пасьянс мог состояться с Литвой. В ноябре 1918 г. при поддержке германских оккупационных властей к Литовской Республике должна была отойти почти вся бывшая Гродненская губерния. По договоренности с правительством БНР литовская администрация согласилась назначить руководителями местных уездных и волостных администраций представителей местных белорусских национальных организаций. Была договоренность с литовским руководством о том, что территории с компактным проживанием белорусов получат широкое самоуправление [9, л. 146–152]. Однако спешная эвакуация германских кайзеровских войск с Гродненщины в марте – апреле 1919 г. и скорый приход сюда польской военной и гражданской администрации, опирающейся на штыки вооруженных легионеров, разбила все надежды на белорусско-литовское региональное сотрудничество в этом регионе. В октябре 1920 г. Ковенская Литва признала правительство БНР в изгнании и до 1923 г. оказывала ему существенную организационную, финансовую и даже военную помощь, используя белорусский фактор в борьбе с Польшей за контроль над Вильней и Виленским краем. Хотя ни в 1920 г., ни позднее литовской стороной правительство БНР никогда не воспринималось в качестве равноправного партнера или стратегического союзника. После того как Лига Наций легитимизировала право Польши на Вильню и Виленщину в 1923 г., поддержка официальным Каунасом эмиграционного правительства БНР и других белорусских политических групп в Литве постепенно сошла на нет. Бывшая дружба и сотрудничество с этого момента переросло в неприязнь [10, л. 95–97].

После «самоликвидации» правительства БНР в изгнании в 1925 г. белорусская политическая эмиграция в дальнейшем не отказалась от участия в интеграционных проектах, альтернативных СССР. Наиболее интересным, с нашей точки зрения, представляется конфедеративный проект Социалистической лиги Нового Востока (СЛНВ) – международной политической организации, созданной в Праге в 1927 г. представителями заграничных групп белорусских, российских и украинских социалистов-революционеров, а также отдельных членов левого крыла армянской партии

«Дашнакцутюн». Главная цель этой новообразованной интернациональной организации – координация действий по «решению национального вопроса в Восточной Европе». В рамках СЛНВ обсуждались вопросы координации совместных действий социалистических сил по идеологическому противостоянию мировому большевизму и фашизму [11, с. 47–49].

Учредительное собрание и дальнейшая институализация СЛНВ происходила летом 1927 г. За несколько месяцев был окончательно согласован устав новой организации и разработаны ее основные программные положения. Согласно своему уставу, Лига провозглашалась «персоналистским» объединением представителей социалистических партий, целью которого является «создание моральной и политической атмосферы, необходимой для решения национального вопроса в Восточной Европе» [12, л. 9–9об]. Устав организации не предусматривал коллективного членства в своих рядах политических партий и организаций. Отдельным абзацем в Уставе СЛНВ указано, что членами Лиги могут быть не только представители тех народов, «которые в силу исторических обстоятельств входили в состав Советского Союза, но и тех, которые граничили с СССР» (Финляндия, Польша, страны Балтии), а также народы, «культурная и экономическая жизнь которых относится к аграрному Востоку» [13, с. 4–7]. По предложению украинского эсера и лидера белорусских эсеров Гриб Т., СЛНВ должна была выступить в качестве «защитника завоеваний национальных революций и союза социалистических партий». Предложение российских эсеров, которое, кстати, поддержал председатель Рады БНР Кречевский П., присоединиться к организации «различных демократических элементов, в том числе несоциалистических», было отвергнуто большинством [12, л. 134–135]. Основой политической платформы СЛНВ, разработанной специально сформированной комиссией, стал постулат о том, что реальным условием решения национального вопроса в Восточной Европе является признание равенства всех наций, их неотъемлемого права на полную политическую независимость и демократизацию международных отношений. Были также разработаны положения о государственной независимости и защите национальных меньшинств, политической сущности социалистического интернационализма, правовых механизмах организации плебисцита для мирного достижения суверенитета, о пропорциональном погашении долгов в случае раздела бывшей государственной собственности, разрешении спорных международных и межнациональных конфликтов [12, л. 130–131].

Важным пунктом политической программы Лиги было провозглашение идеи создания в будущем вместо СССР «свободного союза» новых национальных государств («рабочих республик») на основе следующих принципов: 1) солидарность и консолидированная международная политика; 2) взаимная гарантия суверенитета субъектов нового союза путем подписания совместной военной конвенции; 3) взаимная гарантия прав национальных меньшинств путем подписания межправительственного закона, определяющего правовой статус последних; 4) тесное экономическое («хозяйственное») и финансовое сотрудничество; 5) создание таможенного союза; 6) решение внутренних и внешнеполитических проблем в большинстве случаев самостоятельно; 7) создание союзного трибунала для разрешения межгосударственных и международных споров [12, л. 134–135].

По мнению членов СЛНУ, основными условиями реализации поставленных задач должны были стать пробуждение политической активности социалистических антибольшевистских сил как в эмиграции, так и в самом СССР; создание единого социалистического фронта; разоблачение сущности «белого» и «красного» империализма, великодержавности и шовинизма. Было предложено также создать международную комиссию из представителей европейских социалистических партий по морально-правовой экспертизе Рижского мирного договора 1921 г., который был охарактеризован как «постыдный акт, нарушающий целостность экономической и национально-культурной жизни белорусского и украинского народов» [13, с. 48]. Вместе с комиссией по разработке программных положений члены Лиги создали инициативную группу, которая летом 1927 г. подготовила декларацию «Трудящимся всех национальностей». В ней проанализирована международная ситуация в Европе того времени. В отношении к Советскому Союзу позиция Лиги определялась в понимании того, что большевистский режим может быть свергнут только под бременем внутренних проблем, а не в результате иностранного военного вмешательства. Поэтому руководство СЛНВ призывало «рабочую демократию Восточной Европы» в этих условиях морально и организационно подготовиться к «социальному подъему народа» [11, с. 55–56].

За политической поддержкой члены СЛНВ обратились к руководству Рабочего социалистического интернационала (РСИ) и других международных социалистических объединений. Но правое крыло российских социали-

стов-революционеров (А. Керенский, В. Сухамлин и др.) в 1928–1930 гг. организовало активную информационную контрпропаганду против СЛНВ, охарактеризовав ее раскольнической и националистической [14, л. 1–4; 15, с. 24–27].

Попытка Лиги созвать международную социалистическую конференцию из представителей народов Восточной Европы в Праге или Париже не увенчалась успехом. Участие в группе украинских эсеров СЛНВ «Шаповалов» снизило ее авторитет и политический вес среди украинской эмиграции. В. Чернову и его сторонникам также грозила потеря лидирующих позиций в эмиграции партийного руководства.

Заключение. Размышляя сегодня с чисто теоретических позиций о перспективах межгосударственного объединения «Нового Востока», о создании которого мечтали лидеры СЛНВ, сразу можем отметить те сложно преодолимые пороги на пути такой интеграции. С чисто экономической точки зрения такое объединение в тех условиях не способствовало экономическому росту указанных стран, специализировавшихся на производстве конкурирующих товаров (продуктов сельского хозяйства, топливно-сырьевых ресурсов и т. д.). Такие страны не были заинтересованы в развитии взаимной торговли и поэтому искали иные внешнеторговые выходы для реализации произведенной продукции в более развитые промышленные страны Западной Европы и Северной Америки, где за них можно будет купить качественные промышленные товары, оборудование и технологии, необходимые для модернизации собственной индустрии. В результате может сложиться такая ситуация, что союзники, защищая свой рынок от импорта соседей по объединению, в конце-концов будут вынуждены закрывать свои рынки от союзников таможенными и другими административными барьерами. Рыночные механизмы в рамках такого объединения (например, таможенного союза) будут буксовать, а не работать. Наиболее эффективной формой межгосударственного сотрудничества в данных условиях могло бы быть подписание многостороннего соглашения о зоне свободной торговли. Поэтапная модернизация этих стран, подготовка высокопрофессиональных специалистов и рабочих, умеющих работать на новых станках и машинах, внедрение новых форм управления производством, развитие производственной кооперации позволило со временем наладить рыночные отношения на межгосударственном уровне и в перспективе стать эффективным рыночным сообществом, успешно конкурирующим с развитыми странами мира.

Нужно добавить еще один негативный аспект, связанный с указанной гипотетической региональной конфигурацией, – восточноевропейский проект СЛНВ. Это огромная асимметрия экономических, демографических и военных индикаторов «большого брата» (России) в сравнение с другими национальными образованиями (республиками). История доказывает, что для успешности любой экономической интеграции необходимо относительное геоэкономическое равновесие его субъектов. Идея на политический союз с Россией, Беларусь, Украина, Грузия, Азербайджан, Армения, а также центральноазиатские страны рисковали попасть в экономическую и, соответственно, политическую зависимость от такого партнера. Эти риски многократно увеличиваются при воз-

никновении кризисных ситуаций в такой доминирующей стране, как Россия, где не привита рыночная экономика, отсутствуют устоявшиеся демократические традиции, сильны шовинистические и великодержавные настроения. 1930-е гг. подтвердили эти опасения: Советский Союз при переходе к авторитарно-тоталитарному режиму фактически упразднил все элементы самостоятельности данных национальных республик. Изучение таких геополитических проектов 90-летней давности, как идея Социалистической лиги Нового Востока о создании равновного Восточноевропейского союза, безусловно, интересно сегодня не только историкам, но и исследователям в других областях всем, анализирующим перспективы евразийской интеграции.

Список литературы

1. Белорусский государственный архив литературы и искусства (БГАЛИ). Ф. 3. Оп. 1. Д. 131.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 325. Оп. 1. Д. 22.
3. НАРБ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 22. Л. 13
4. Луцкевіч А. Да гісторыі беларускага руху / укладанне, прадмова, каментары, анатаваны індэкс імёнаў А. Сідарэвіча. Выд. 3-е. Смаленск, 2015. 346 с.
5. Lietuvos centrinis valstybės archyvas (LCVA). Fund. 281. Ap. 2. B. 28. T. 1.
6. Departamentas rankraščių ir retų knygų Lietuvos Mokslų Akademijos Biblioteka. Fund. 21. Sign. 871.
7. Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі / укладанне, прадмова і каментары С. Шупы. Вільня: Нью-Ёрк: Менск: Прага, 1998. Т. 1. Кн. 1. 850 с.
8. Доўнар-Запольскі М. Выбраннае / укладанне, прадмова і каментары В. Лебедзевай. Мінск, 2017. 668 с.
9. БГАЛИ. Фонд 3. Оп. 1. Д. 56.
10. Ляхоўскі У. Беларуская і ўкраінская «карты» ў палітыцы ковенскага ўраду Літвы ў 1920-я гг. // Спадчына. 2002. № 5–6. С. 92–100.
11. Ляхоўскі У. В., Селяменеў В. Д. Праграмныя дакументы Сацыялістычнай Лігі Новага Усходу // Беларускі гістарычны часопіс. 2004. № 7.
12. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5910. Оп. 1. Д. 88.
13. Гуревич В. Я. Наши исходные позиции и основные задачи // Вестник Социалистической Лиги Нового Востока=Message de la Ligue Socifliste du Nouvel Orient. 1928. № 1. С. 2–7.
14. ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 183.
15. Гольдельман С. Великодержавный социализм // Вестник Социалистической Лиги Нового Востока=Message de la Ligue Socifliste du Nouvel Orient. 1929. № 2. С. 24–31.

References

1. The Belarusian State Archives of Literature and Art (BGALI). Fund. 3. Inv. 1. File 131.
2. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund. 325. Inv. 1. File 22.
3. NARB. Fund 325. Inv. 1. File. 22.
4. Lutskevich A. *Da gistoryi belaruskaga rukhu* [To the history of the Belarusian movement] / Incl., premd. and S. Shupa's comments. Vilnius: New York: Minsk: Prague, 1998. Vol. 1. Book. 1. 850 p. [In Belarusian, Russian and others].
5. Lietuvos centrinis valstybės archyvas (LCVA). Fund. 281. Ap. 2. B. 28. Vol. 1.
6. Departamentas rankraščių ir retų knygų Lietuvos Mokslų Akademijos Biblioteka. Fund. 21. Sign. 871.
7. *Arkhivy Belaruskay Narodnay Respubliki* [Archives of the Belarusian People's Republic] / incl., premd. and S. Shupa's comments. Vilnius: New York: Minsk: Prague, 1998. Vol. 1. Book. 1. 850 s. [In Belarusian, Russian and others].
8. Dounar-Zapol'ski Mitrafan. *Vybranaye* [Selected] / incl., premd. and items V. Lebedzevai. Minsk, 2017. 668 p.
9. BGALI). Fund. 3. Inv. 1. File 131.

10. Liakhouski U. Belarusian and Ukrainian maps in the politics of Lituania's Kano Urad in the 1920s. *Spadchyna* [Heritage], 2002, no. 5–6, pp. 92–100 (In Russian).

11. Liakhouski U., Selyameneu V. Policy documents of the Socialist League of the New East. *Bielaruski gistorychny chasopis* [Belarusian historical journal], 2004, no. 7.

12. State Archives of the Russian Federation (SARF). Fund. 5910. Inv. 1. File 88.

13. Gurevich, V. Our starting positions and main tasks. *Vestnik Sotsialisticheskoy Ligi Novogo Vostoka* [Messenger of the Ligue Socifliste du Nouvel Orient], 1928, no. 1, pp. 2–7 (In Russian).

14. SAMR. Fund. 5847. Inv. 1. File 183.

15. Gol'del'man S. Great power socialism. *Vestnik Sotsialisticheskoy Ligi Novogo Vostoka* [Messenger de la Ligue Socifliste du Nouvel Orient], 1929, no. 2, pp. 24–31 (In Russian).

Информация об авторе

Ляховский Владимир Викторович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры таможенного дела. Белорусский государственный университет (220030, г. Минск, ул. Ленинградская, 20, Республика Беларусь). E-mail: prysynak@gmail.com

Information about the author

Lakhouski (Lachouski) Uladzimir – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Customs Affairs. Belarusian State University (20, Leningradskaya str., 220030, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: prysynak@gmail.com

Поступила 10.09.2020

УДК 39(476+474.3)«1918/1939»

В. У. Коваль

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

**КУЛЬТУРНАЯ І НАЦЫЯНАЛЬНАЯ ІДЭНТЫЧНАСЦЬ
БЕЛАРУСАЎ ЛАТВІІ Ў МІЖВАЕННЫ ПЕРЫЯД**

Артыкул прысвечаны псіхалагічным аспектам грамадскай дзейнасці беларусаў замежжа. Латвія стала адным з вядучых культурных цэнтраў беларускага замежжа ў 1918–1939 гг. Дзяржаўная палітыка краіны аказала непасрэдны ўплыў на грамадскую актыўнасць і культурнае жыццё беларусаў Латвіі. Беларуская супольнасць Латвіі мела таленавітых настаўнікаў, музыкантаў, паэтаў, пісьменнікаў, мастакоў. Асабліва ўвага надавалася тэатральнаму жыццю. У 1926 г. беларусы набылі сваё тэатральнае памяшканне, што дазволіла ім адчыніць Беларускі народны тэатр у Рызе. У 1927 г. было створана Таварыства беларускага тэатра, якое кансалідавала ў Рызе творчыя калектывы. Адметнасцю культурнага жыцця беларусаў Латвіі стала працяглае супрацоўніцтва з вядомым латышскім паэтам і грамадскім дзеячом Янам Райнісам.

У даследаванні аналізуецца праблема культурнай і нацыянальнай ідэнтычнасці беларусаў Латвіі на аснове новых гістарычных фактаў. Значная ўвага ў сучаснай этнічнай псіхалогіі надаецца культурнай і нацыянальнай ідэнтычнасці. Самаатасамліванне асоб з пэўнай нацыяй грунтуецца на культурнай ідэнтычнасці, на прыняцці норм і каштоўнасцей свайго народа.

Ключавыя словы: культурная ідэнтычнасць, нацыянальная ідэнтычнасць, беларуская дыяспара, Латвія, культурная дзейнасць, этнічная псіхалогія.

V. U. Koval

Belarusian State Technological University

**THE CULTURAL AND NATIONAL IDENTITY
OF BELARUSIANS IN LATVIA DURING THE INTERWAR PERIOD**

The article is devoted to the psychological aspects of the cultural life of Belarusians abroad. Latvia became one of the leading cultural centers of Belarusians abroad in the period from 1918 till 1939. The state policy of Latvia had the influence over the social activity and cultural life of Belarusians abroad. The Belarusian community of Latvia had talented teachers, musicians, poets, writers, artists. Special attention was paid to the theatrical life. Belarusians bought their own theatrical hall in 1926, which allowed them to open the Belarusian Folk Theater in Riga. The Belarusian Theater Association was organized by Belarusians in 1927, which consolidated the creative groups in Riga. The leading feature of the cultural life of Belarusians in Latvia was the real cooperation with the famous Latvian poet and public figure Jan Rainis.

The study analyzes the problem of the cultural and national identity of Belarusians in Latvia, it is based on the new historical facts. The cultural and national identities receive the considerable attention in the modern ethnic psychology. The self-identification of a person with the nation is based on the cultural identity, on the national norms and values.

Key words: cultural identity, national identity, Belarusian diaspora, Latvia, cultural activity, ethnic psychology.

Уводзіны. Даследаванне гісторыі беларусаў замежжа павінна ажыццяўляцца ў кантэксце дзяржаваўтвараючых працэсаў і фактараў. Аналіз гістарычнай спадчыны беларусаў Латвіі дазваляе сцвярджаць, што з 1918 па 1939 г. там сфарміраваўся адметны культурна-асветніцкі цэнтр, які вылучаўся паспяховымі тэатральнымі і адукацыйнымі праектамі, актыўным літаратурным і музычным жыццём, даследаваннем беларускага фальклору. Пры вывучэнні умоў захавання этнічных канстант беларускай супольнасці замежжа неабходна праводзіць аналіз ідэнтыфікацыйных працэсаў і сацыяльна-псіхалагічных аспектаў нацыянальнай ідэнтычнасці. Беларусы Латвіі ў міжваенны перыяд паслядоўна фармавалі сістэму каш-

тоўнасных арыенціраў, якія абапіралася на нацыянальныя элементы культуры.

Асноўная частка. Беларусы Латвіі пражывалі кампактна ў Латгаліі і Земгалі. Афіцыйная статыстыка не зусім поўна адлюстроўвае колькасць беларускага насельніцтва, асабліва спрэчнымі з'яўляюцца даныя 1930-х гг. Падчас народнага перапісу 1920 г. было зарэгістравана 75 тыс. беларусаў, у 1925 г. – 38 тыс., у 1930 г. – 36 тыс., а ў 1935 г. – 27 тыс. беларусаў [1, с. 76]. Беларускае насельніцтва Латвіі ў асноўным пражывала ў вёсках, дзе займалася земляробствам. 23 жніўня 1919 г. быў прыняты дэмакратычны закон аб грамадзянстве, які даваў латвійскае грамадзянства ўсім асобам без адознення нацыянальнасці ці веравызнання, што

афіцыйна і пастаянна пражывалі ў Латвіі да Першай сусветнай вайны [2, с. 201]. Прадстаўнікі беларускай нацыянальнай меншасці на аснове закона 1919 г. атрымалі легальныя латышскія дакументы. Першапачаткова ўрад Латвіі імкнуўся рэалізаваць мадэль культурна-нацыянальных аўтаномій з мэтай вырашэння міжэтнічных канфліктаў.

Фармаванне беларускай дыяспары ў Латвіі адбывалася ў міжваенны час, у перыяд станаўлення і развіцця дзяржаўнасці латышкага народа. Тэрмін «дыяспара» з'яўляецца слаба распаўсюджаным у дачыненні беларусаў Латвіі, аднак яго выкарыстанне павінна быць больш шырокім у рамках сучасных канцэпцый дыяспаральнасці. Аснова дыяспары – гэта супольнасць, якая вызначаецца сваёй дакладна акрэсленай ідэнтычнасцю. Тэрмін працягваюць абмяркоўваць спецыялісты, таму на сучасны момант існуе шэраг канцэпцый у азначэнні паняцця. Дыяспара з'яўляецца дынамічнай сацыяльнай з'явай, грамадска-палітычнай па свайму характару, ёй уласціва груповае салідарнасць, калектыўная сувязь, імкненне да захавання нацыянальнай самасвядомасці, падтрымка духоўнай культуры свайго народа. Беларусы Латвіі неабходна аднесці да «новых» ці «сучасных» дыяспар, што дазволіць шырэй выкарыстоўваць азначаны тэрмін.

На грамадскую актыўнасць беларусаў Латвіі непасрэдна ўплыў аказвала афіцыйная дзяржаўная палітыка, шмат якія працэсы адлюстроўвалі кан'юнктурны момант і палітычны курс краіны. Як ужо адзначалася, у пачатку 1920-х гг. урад Латвіі імкнуўся стварыць культурна-нацыянальны аўтаноміі для нацыянальных меншасцей, якія атрымалі правы на арганізацыю сваіх школьных упраўленняў пры Міністэрстве асветы. У 1921 г. было створана Беларускае ўпраўленне пры Міністэрстве асветы Латвіі, якое працягвала сваю працу да 1934 г. Значную падтрымку пры арганізацыі беларускай структурнай адзінкі Міністэрства аказалі латышскі паэт і грамадскі дзеяч Ян Райніс. Нацыянальнае ўпраўленне адразу адчыніла курсы для настаўнікаў, якія пачалі рыхтаваць педагогічны штат для беларускіх школ.

Першапачаткова фінансаванне навучальных устаноў нацыянальных меншасцей адбывалася з боку дзяржавы, аднак недахоп бюджэтных сродкаў прымусіў урад краіны знізіць выдаткі на іх утрыманне. Народны савет 8 снежня 1919 г. прыняў закон «Аб навучальных установах Латвіі» і «Аб стварэнні школ нацыянальных меншасцей у Латвіі» – фінансаванне школ нацыянальных меншасцей узяла на сябе дзяржава і органы самакіравання [2, с. 202]. Сістэма школьнай адукацыі ў Латвіі будавалася ў рамках культурных аўтаномій.

Негатыўны ўплыў на развіццё нацыянальнай актыўнасці беларусаў Латвіі аказалі гучныя палітычны «беларускі працэс» (1924–1925 гг.) і сусветны эканамічны крызіс. У выніку «беларускага працэсу» вядомыя грамадскія дзеячы і педагогі былі абвінавачаны ў стварэнні антыдзяржаўнага руху. Па прычыне рэзананснай крымінальнай справы ўлады на працяглы час прыпынілі дзейнасць Беларускага ўпраўлення адукацыі ў 1925 г. Суд прыняў пастанову выселіць з тэрыторыі Латвіі найбольш актыўных дзеячаў беларускага нацыянальнага руху. Беларусы спрабавалі абскардзіць рашэнне суда, атрымаць адтэрміноўку, аднак стаўленне ўлад да грамадскіх дзеячоў адрознівалася. П. Мядзёлка пры высылцы імкнулася атрымаць візы ў Літву і Чэхаславакію, але ёй было адмоўлена [3, с. 2]. Настаўніца пераехала ў Савецкую Беларусь, дзе далучылася да палітычнага, грамадскага і культурнага жыцця краіны. І. Краскоўскі выехаў спачатку ў Літву, а затым у Чэхаславакію [3, с. 2], дзе спрабаваў працягнуць сваю педагогічную дзейнасць. Былы дырэктар гімназіі Краскоўскі І. не змог уладкавацца на працу ў педагогічны ўніверсітэт, таму таксама пераехаў у БССР. Некаторыя беларускія грамадскія дзеячы атрымалі адтэрміноўку пры высылцы, а пасля дамагліся адмены рашэння суда праз Міністэрства ўнутраных спраў Латвіі.

Стаўленне да нацыянальных меншасцей у Латвіі змянілася ў 1934 г., калі на заканадаўчым узроўні была абмежавана іх культурная аўтаномія. Дзяржаўны пераварот 15 мая 1934 г. прывёў да ўлады аўтарытарны ўрад К. Улманіса. Манаполія на ўладу прэзідэнта міністраў Улманіса К. спыніла дэмакратычныя тэндэнцыі развіцця латышкай дзяржаўнасці. Пасля перавароту ўлады пачалі масава зачыняць грамадскія арганізацыі, перыядычныя выданні і школы нацыянальных меншасцей, што стала прычынай ліквідацыі асноўнай часткі беларускіх арганізацый, газет і часопісаў.

Спецыялісты ў галіне міжэтнічнага ўзаемадзеяння падкрэсліваюць, што дыяспара садзейнічае захаванню этнічнай самасвядомасці і этнічнай ідэнтыфікацыі, адбываецца ўсведамленне асоб сваёй прыналежнасці да пэўнага этнасу, этнічнай культуры і супольнасці [4, с. 94]. Беларускае дыяспара Латвіі адрознівалася сваімі сталымі кантактамі з метраполіяй, арыентацыяй на культурныя адметнасці свайго народа. Нацыянальная ідэнтыфікацыя – гэта працэс самаатажысамлівання асобы з нацыяй, прыняцце норм і каштоўнасцей пэўнай нацыі [5, с. 53]. Актыўнае культурнае жыццё беларускай дыяспары Латвіі спрыяла фармаванню этнічнай канстантнасці (ўстойлівых этнічных характарыстык).

Псіхалагічныя аспекты адрознення культурных норм, на якія раней не звярталі асаблівай увагі вучоныя, сталі асноўнай тэмай даследавання ў галіне крос-культурнай псіхалогіі [6, с. 11]. Культурная ідэнтычнасць вымагае ад асобы атаясамліваць свае паводзіны з пэўнымі культурнымі прыкладамі і ўзорамі. Менавіта культурная ідэнтычнасць фармуецца ў выніку ўздзеяння разнастайных культурных уплываў, якія могуць супярэчыць паміж сабой. Аналізуючы беларускую дыяспару, культурныя ўплывы часам прыводзілі да псіхалагічнага дысанансу асоб.

Беларусы Латвіі стварылі грамадскія арганізацыі, сярод якіх варта вылучыць дзейнасць наступных таварыстваў: «Бацькаўшчына», «Беларуская хата», «Рунь», «Прасвета», Таварыства беларускай моладзі ў Латвіі, сельскагаспадарчае таварыства «Араты», Таварыства беларускіх настаўнікаў, Таварыства беларусаў-выбаршчыкаў, Таварыства беларускага тэатра ў Латвіі.

Важнымі гістарычнымі крыніцамі пры даследаванні культурнай спадчыны беларусаў Латвіі з'яўляюцца перыядычныя выданні, на старонках якіх публікаваліся матэрыялы пра найбольш удалыя праекты і паспяховыя мерапрыемствы. Нярэдка падобным матэрыялам быў характэрны эмацыйна-экспрэсіўны стыль выкладання фактаў, што патрабуе дадатковага аналізу пры гістарычным даследаванні дзейнасці дыяспары.

Каштоўныя матэрыялы пра мастацка-культурныя асаблівасці беларускай супольнасці Латвіі былі апублікаваны на старонках газеты «Голас Беларуса» (выходзіла ў Рызе з 1925 па 1929 г.) і часопіса «Беларуская школа ў Латвіі» (першы нумар выдання з'явіўся ў кастрычніку 1926 г. як дадатак да газеты «Голас Беларуса»). Часопіс «Беларуская школа ў Латвіі», створаны Таварыствам беларускіх настаўнікаў, выдаваўся да 1933 г., выходзіў нерэгулярна. У 1927 г. часопіс працяглы час не выходзіў, аднак у канцы снежня 1927 г. агульны сход настаўніцкай арганізацыі пастанавіў аднавіць падрыхтоўку да друку штотомсячніка. Рэдакцыя змагла працягнуць выданне часопіса ў 1928 г., дакладна акрэсліваючы яго асноўныя мэты: «Аднаўляючы свой часопіс, горача заклікаем беларускае настаўніцтва з усей энэргіяй падтрымаць наша пачынаньне: пашыраць часопіс сярод беларускага жыхарства, збіраць падпішчыкаў, ладзіць на карысць часопіса вечарыні, складкі і адлічэння, надсылаць у рэдакцыю матэрыялы, стацьці, зацемкі, фатаграфіі, зборы народных твораў, педагагічныя нагляданьні, інфармацыйныя лісты, афішы, плякаты пастановак і інш., наагул, – трымаць з рэдакцыяй найшчыльнейшы кантакт» [7, с. 109]. Перыядычнае выданне таварыства «Беларуская

школа ў Латвіі» імкнулася кансалідаваць беларускую інтэлігенцыю. Першапачаткова часопіс ўяўляў сабой педагагічна-грамадскі штотомсячнік, аднак у пачатку 1930-х гг. выданне стала ўжо навукова-папулярным, педагагічным і літаратурна-грамадскім.

Асаблівая ўвага ў сучаснай этнапсіхалогіі надаецца культурнай ідэнтычнасці пры аналізе дыяспаральных працэсаў. Згодна сучаснай канцэпцыі шматграннай ідэнтычнасці, агульная ідэнтычнасць асобы складаецца з асобных: этнічнай, рэлігійнай, культурнай, прафесійнай, класавай, узроставай і інш. Этнічнасць членаў дыяспары салідарызуе іх на аснове груповага членства. Неабходна падкрэсліць, што кожны культурны асяродак беларускага замежжа ствараў сваю непаўторную сістэму каштоўнасцей як фактараў этнічнай самаідэнтыфікацыі. Умоўны дыялог паміж метраполіяй і замежжам аказваў непасрэдным уплывам на культурную ідэнтыфікацыю асоб. Адметнасцю культурнага жыцця беларусаў Латвіі стала шанаванне традыцый народнага тэатра, выяўленчага мастацтва, музычнай культуры, літаратурнай спадчыны, што стымулявала грамадскую актыўнасць дыяспары.

У пачатку 1920-х гг. у Латвіі працавала больш за 50 беларускіх школ, аднак паступова іх колькасць скарачалася. Самымі вядомымі беларускімі навучальнымі ўстановамі Латвіі былі: Дзвінская беларуская гімназія (адчынена ў 1922 г.), Люцынская беларуская гімназія (адчынена ў 1922 г.), Шылаўская беларуская прыватная школа (адчынена ў 1927 г.), Рыжская прыватная дадатковая школа (адчынена ў 1927 г.), Рыжская прыватная гімназія (адчынена ў 1929 г.). Беларуская моладзь набывала адукацыю ў вышэйшых навучальных установах Латвіі, беларусы вучыліся ў Латвійскім універсітэце, Латвійскай акадэміі мастацтваў, Латвійскай кансерваторыі, Рыжскай духоўнай семінарыі. У пачатку 1920-х гг. рускі і беларускі аддзелы дэпартаменту меншасцей Міністэрства адукацыі вялі актыўнае ліставанне па пытанню нацыянальных школ у Люцынскім павеце [8, арк. 9–10]. Ініцыятарамі падобных канфліктных сітуацый былі бацькі школьнікаў, якія часам блыталіся ў сваёй нацыянальнай ідэнтыфікацыі. Асабліва складанай для вырашэння была сітуацыя, калі асобы ў сваім нацыянальным вызначэнні абапіраліся на веравызнанне, бо асноўную частку беларускага насельніцтва Латвіі складалі каталікі.

На фармаванне культурнай, нацыянальнай, этнічнай ідэнтычнасці адметны ўплыў аказвала сістэма адукацыі. Настаўнікі беларускіх школ актыўна выкарыстоўвалі этнічную педагогіку ў сваім вучэбна-выхаваўчым працэсе, які спрыяў

развіццю самаідэнтыфікацыі на аснове народнай культуры беларусаў. Культурна-псіхалагічны ўплыў на фармаванне беларускай моладзі быў звязаны з яе далучэннем да фальклору, народных мастацкіх рамёстваў, нацыянальных абрадаў, развіццём гістарычнай памяці. У якасці прыкладу этнічнай педагагічнай дзейнасці можна прывесці інфармацыю, апублікаваную віленскім часопісам «Калоссе», пра этнаграфічны зборнік пад назвай «Народная творчасць Латгалскага беларуса» [9, с. 127]. Этнаграфічны матэрыял для выдання збіралі настаўнікі і вучні Дзвінскай беларускай гімназіі больш за 10 гадоў, што сведчыць пра рэгулярную працу педагогаў па нацыянальнаму выхаванню моладзі. У зборнік увайшлі купальскія песні, нацыянальныя напевы, прымаўкі і загадкі, якія дазволілі зрабіць абагульненні па беларускай фалькларыстыцы.

Асобнай тэмай наследавання культурнай спадчыны беларусаў Латвіі павінна стаць шматгадовае супрацоўніцтва вядомага латышкага паэта і грамадскага дзеяча Яна Райніса з беларускай дыяспарай. Паэт паспяхова вырашаў актуальныя пытанні беларускіх школ праз Міністэрства асветы, развіваў асабістыя кантакты з творчымі асобамі, што няспынна павялічвала колькасць прыхільнікаў яго паэзіі сярод беларусаў. Творы Я. Райніса з латышкай на беларускую мову перакладалі такія прадстаўнікі беларускай супольнасці, як Масальскі П., Казлоўская В. і інш.

Таленавіты беларускі кампазітар Юлія Александровіч напісала оперу на тэкст п'есы Яна Райніса «Дзміце вецярочкі!» [10, с. 177]. Праца над музычным творам працягвалася некалькі гадоў. Ю. Александровіч скончыла клас кампазіцыі Латвійскай кансерваторыі, а яе музычнымі талентам ганарылася беларуская супольнасць. Ян Райніс некалькі разоў слухаў клавір адрывкаў оперы ў выкананні самой Юліі Александровіч [10, с. 177], калі кампазітар працавала над творам. На жаль, Я. Райнісу не давялося прысутнічаць на прэм'еры оперы ў 1932 г., (паэт памёр 12 верасня 1929 г.). У выніку творчай працы кампазітара Ю. Александровіч узнікла ідэя перакласці твор Яна Райніса на беларускую мову.

Беларуская грамада гарача вітала прызначэнне Яна Райніса на пасаду Міністра асветы Латвіі. Беларусы паслалі паэту шчырую вітальную тэлеграму: «Дзвінская беларуская гімназія, пачатковая школа і беларускія арганізацыі вітаюць Вас, лепшага сына Латвіі, з выпайшай на Вашую долю адказнай працай Міністра Асветы. У Вашай асобе Латвія знайшла гуманнага і чуткага міністра, а беларусы запэўнены, што іх культурныя патрэбы, якія заўсёды былі блізкі Вам, зной-

дуць у Вас правідловага абаронцу» [11, с. 4]. Беларускія настаўнікі і грамадскія дзеячы, якія напісалі тэлеграму Яну Райнісу, атрымалі адказ міністра: «Шчыра дзякую беларускія школы і арганізацыі за вітаньне і пажаданні. Вы ў мяне заўсёды знойдзеце ў добрых справах абаронцу. Райніс – Міністр Асветы» [11, с. 4]. Прыведзенае афіцыйнае ліставанне з вядомым латышскім паэтам цудоўным чынам ілюструе прыхільнасць Яна Райніса да беларусаў Латвіі.

Беларуская дыяспара Латвіі мела таленавітых вучоных, пісьменнікаў і паэтаў. На старонках перыядычных выданняў міжваеннага часу сустракаюцца рэцэнзіі на кнігі і навуковыя працы, якія даюць магчымасць вылучыць імёны творчых асоб. Напрыклад, часопіс «Беларуская школа ў Латвіі» размясціў матэрыял пра жаночую беларускую паэзію Веры Вайццолевіч і яе першы паэтычны зборнік «Вершы» [12, с. 252]. Паэтэса пачала публікавацца на старонках перыядычных выданняў з 1927 г., а ў 1932 г. дзяўчына падрыхтавала да друку сваю першую кнігу. Зборнік В. Вайццолевіч складаўся з паэтычных твораў на беларускай мове, а таксама іх перакладаў на латышскую мову.

Культурнае жыццё беларускай супольнасці Латвіі адрознівалася выключнай увагай да тэатральнага мастацтва. Беларускі тэатр у Рызе спрабавалі арганізаваць некалькі разоў, аднак першыя спробы скончыліся няўдала. Дыяспара мела таленавітых артыстаў-аматараў, якія паспяхова выступалі ў беларускіх школах, ладзілі папулярныя спектаклі для жыхароў беларускіх вёсак Латвіі. Ідэя стварэння нацыянальнага тэатра ў Рызе гучала ў беларускай супольнасці неаднаразова. Лепшых артыстаў запрашалі ў Рыгу для рэалізацыі праекта, аднак артыстам-аматарам не хапала сродкаў для наладжвання побыту ў латышкай сталіцы, таму моладзь хутка вярталася дадому. Толькі адзін тэатральны сезон у 1921 г. адпрацаваў 1-шы Беларускі драматычны гурток (рэжысёр – Сцяпан Заліўскі) і 2-гі Беларускі драматычны гурток у 1922 г. (рэжысёр – Язэп Камаржынскі) [13, с. 156–157]. Нягледзячы на няўдачы ў рэалізацыі праектаў, беларусы Латвіі набывалі свой першы арганізацыйны вопыт, а ідэя стварэння нацыянальнага тэатра стымулявала грамадскую працу дыяспары. Артысты, якія вярталіся са сталіцы ў беларускія вёскі, імкнуліся перадаць свае веды і ўменні дзецям, яны далучаліся да дзейнасці драматычных гурткоў у беларускіх школах, спрабавалі напрацаваны драматычны вопыт і тэатральны досвед развіваць разам з вучнямі. Адметным мастацкім густам вылучыліся пастаноўкі Дзвінскай і Люцынскай беларускіх гімназій, нестандартнымі творчымі

рашэннямі вызначыліся драматычныя гурткі пры таварыствах «Рунь», «Беларуская хата», «Бацькаўшчына».

У 1926 г. беларусы набылі тэатральнае памяшканне ў Рызе [14, с. 140]. 20 лютага 1926 г. у Рызе таварыства «Беларуская хата» ў сваім будынку адчыніла Беларускі народны тэатр, аднак па прычыне фінансавых праблем праект праз месяц згарнулі [13, с. 157]. Беларусам хутка стала зразумела, што неабходна стварыць арганізацыю, якая магла б аб'яднаць усіх беларускіх тэатральных аматараў Латвіі. Такім чынам у 1927 г. у Рызе было створана Таварыства беларускага тэатра, якое паспяхова справілася са сваёй кансалідуючай функцыяй. Таварыства ладзіла студыйныя заняткі з беларускай моладдзю, а ў 1928 г. у Рызе і Дзвінску арганізацыя стварыла Беларускія народныя тэатры. Трупы тэатраў некалькі разоў выязджалі з гастроямі за мяжу Латвіі, творчыя калектывы паспяхова выступалі ў Літве і Савецкай Беларусі. Асаблівай папулярнасцю глядачоў карысталіся п'есы В. Дуніна-Марцінкевіча, Я. Купалы, К. Каганца, Ф. Аляхновіча.

Беларуская супольнасць Латвіі вылучалася таленавітай моладдзю, якая набывала вышэйшую адукацыю ў кансерваторыі ці акадэміі мастацтваў. Прэса дыяспары з асаблівай цеплынёй пісала пра першыя творчыя поспехі беларускіх мастакоў і музыкантаў на міжнародным узроўні. Сваім мастацкім талентам вылучаўся пейзажыст Аркадзь Салаўёў, які нарадзіўся на Дзвіншчыне ў 1902 г., а ў 1920 г. скончыў Дзвінскую рэальную гімназію [15, с. 135]. Беларускі мастак скончыў Чэшскую акадэмію мастацтваў у 1931 г., што дазволіла беларусу з Дзвіншчыны рэгулярна прымаць удзел у акадэмічных вясенніх выстаўках, а ў 1933 і 1935 гг. арганізаваць свае прыватныя выстаўкі карцін у галерэі Рубеша ў Празе. Лірычнае адлюстраванне прыроды Аркадзя Салаўёва ўразіла ма-

стацкіх крытыкаў, якія зрабілі свае рэцэнзіі на старонках замежных перыядычных выданняў, падкрэсліваючы ўплыў французскай школы пейзажа на творчасць мастака.

Музычнае мастацтва беларускай дыяспары ў першую чаргу абапіралася на вопыт настаўнікаў гімназій і школ, значны ўплыў таксама аказвалі прафесійныя музыканты і кампазітары. У 1921 г. разам з Беларускім драматычным гуртком у Дзвінску быў арганізаваны Беларускі хор, дзе пачынала займацца вакалам вучаніца Паўліны Мядзёлкі Надзея Мікалаева-Камісар, якая ў 1932 г. скончыла Латвійскую кансерваторыю [16, с. 251]. Атрымаўшы вышэйшую музычную адукацыю, спявачка ўладкавалася на працу ў Рыжскі беларускі тэатр. Выпускніца Дзвінскай беларускай гімназіі і Латвійскай кансерваторыі, кампазітар і піяністка Юлія Александровіч выключна паспяхова працавала над музыкальнай апрацоўкай твораў беларускіх і латышскіх паэтаў.

Заклучэнне. Такім чынам, беларусы Латвіі ў міжваенны перыяд сфармавалі адметны культурна-асветніцкі цэнтр пры дзяржаўнай падтрымцы ўраду. Палітыка развіцця культурна-нацыянальных аўтаномій спрыяла актыўнай рабоце беларускай супольнасці. Аднак дзяржаўны пераварот 1934 г., які прывёў да ўлады К. Улманіса, абмежаваў грамадскае і культурнае развіццё нацыянальных меншасцей.

Культурныя і адукацыйныя праекты беларусаў спрыялі фармаванню этнічнай самасвядомасці, захаванню этнічных канстант. Настаўнікі Дзвінскай і Люцынскай беларускіх гімназій паспяхова выкарыстоўвалі метады этнічнай педагогікі, стваралі творчыя калектывы, ладзілі выступленні, удзельнічалі ў конкурсах. Цэнтрам тэатральнага жыцця беларусаў стала Рыга, дзе было створана Таварыства беларускага тэатра, якое аб'ядноўвала творчыя аматарскія калектывы Латвіі.

Спіс літаратуры

1. Екабсонс Э. Культурная деятельность белорусов Латвии в 1918–1940 годах // Латвія – Беларусь: дыялог двух культур: матэрыялы I навук.-практ. канф., Рыга, 4 снежня 2004 г. Рыга: Саюз беларусаў Латвіі, 2005. С. 76–90.
2. Блейере Д., Бутулис И., Зунда А., Странга А., Фелдманис И. История Латвии. Рига: Jumava, 2005. 474 с.
3. Да высялення гр. Я. І. Краскоўскага, П. Мядзелка-Грыб і А. Якубецкага з Латвіі // Голас Беларуса. 1925. № 2. С. 2.
4. Карнышев А. Д., Винокуров М. А., Трофимова Е. Л. Межэтническое взаимодействие и межкультурная компетентность. Иркутск: БГУЭП, 2009. 310 с.
5. Баронин А. С. Этническая психология. Киев: Тандем, 2000. 264 с.
6. LeVine R. Culture, Behavior, and Personality. Chicago: Aldine Publishing Company, 1973. 320 p.
7. Клічам наша грамадзянства напружыць сілы // Беларуская школа ў Латвіі. 1928. № 8. С. 109.
8. НАРБ. Фонд 458. Воп. 1. Спр. 45. Арк. 9–10.
9. Хроніка // Калосьсе. 1939. Кн. 2. С. 127–129.
10. Хроніка беларускага жыцця ў Латвіі // Беларуская школа ў Латвіі. 1932. № 2. С. 175–178.

11. Селянін. Прывітаньне Я. Райнісу // Голас Беларуса. 1927. № 48. С. 4.
12. Бібліофіл. Зборнік вершаў сялянскай беларускай поэтэсы Веры Вайцюлевіч // Беларуская школа ў Латвіі. 1932. № 7. С. 252.
13. Тэатрал. Да пяцігодзьдзя Т-ва Беларускага Тэатру ў Латвіі // Беларуская школа ў Латвіі. 1932. № 1. С. 156–158.
14. Екабсонс Э. Політыка латвійскага гасударства в отношении беларусов // Латвія – Беларусь: 1918–2018. Мінск: Четыре четверти, 2018. С. 122–143.
15. Т. Г. Выстаўка абразоў Аркадзя Салаўёва // Калосьсе. 1935. Кн. 2. С. 135–136.
16. У 10-тыя ўгодкі Дзьвіск. Дзярж. Беларускае гімназіі // Беларуская школа у Латвіі. 1932. № 7. С. 249–251.

References

1. Jekabsons E. Cultural activity of Belarusians in Latvia from 1918 till 1940. *Materyyaly I navuk.-prakt. kanf. ("Latviya – Belarus': dyyalog dvukh kul'tur")* [Materials of I scientific-practical conference ("Latvia – Belarus': dialogue between two cultures")], Riga, December, 4, 2004. Riga, 2005, pp. 76–90 (In Russian).
2. Bleiere D, Butulis I., Zunda A., Stranga A., Feldmanis I. *Istoriya Latvii* [History of Latvia]. Riga, Jumava Publ., 2005. 474 p.
3. About the eviction of Mr. J. I. Kraskovsky, P. Myadelka-Gryb and A. Yakubetsky from Latvia. *Golas belarusia* [The voice of Belarusian], 1925, no. 2. P. 2.
4. Karnyshev A. D., Vinokurov M. A., Trofimova E. L. *Mezhetnicheskoye vzaimodeystviye i mezhkul'turnaya kompetentnost'* [The interethnic interaction and the intercultural competence]. Irkutsk, BSUEL Publ., 2009. 310 p.
5. Baronin A. S. *Etnicheskaya psikhologiya* [Ethnic psychology]. Kiev, Tandem Publ., 2000. 264 p.
6. LeVine R. *Kul'tura, povedeniye i lichnost'* [Culture, Behavior, and Personality]. Chicago, Aldine Publishing Company, 1973. 320 p.
7. We are appealing for our community to strain forces. *Belaruskaya shkola u Latvii* [Belarusian school in Latvia], 1928, no. 8. P. 109.
8. NARB. Fund 458. I. 1. F. 45. L. 9–10.
9. Chronicle. *Kalosse* [Cones], 1939, no. 2, pp. 127–129.
10. Chronicle of the Belarusian life in Latvia. *Belaruskaya shkola u Latvii* [Belarusian school in Latvia], 1933, no. 4. P. 320.
11. Peasant. Greeting to J. Rainis. *Golas belarusia* [The voice of Belarusian], 1925, no. 2. P. 2.
12. Bibliophile. The book of poems by the peasant Belarusian poet Vera Vaitsyulevich. *Belaruskaya shkola u Latvii* [Belarusian school in Latvia], 1932, no. 7. P. 252.
13. Theater-goer. To the fiftieth anniversary of the Belarusian Theater Association in Latvia. *Belaruskaya shkola u Latvii* [Belarusian school in Latvia], 1932, no. 1, pp. 156–158.
14. Jekabsons E. The policy of the Latvian state in relation to Belarusians. *Latviya – Belarus': 1918–2018* [Latvia – Belarus: 1918–2018]. Minsk, Four quarters Publ., 2018, pp. 122–143 (In Russian).
15. T. G. Exhibition of paintings by Arkady Solovyov. *Kalosse* [Cones], 1935, no. 2, pp. 135–136.
16. On the 10th anniversary of the Dzvinsk State Belarusian Gymnasium. *Belaruskaya shkola u Latvii* [Belarusian school in Latvia], 1932, no. 7, pp. 249–251.

Інфармацыя пра аўтара

Коваль Вольга Уладзіміраўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Сьвярдлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: koval@belstu.by

Information about the author

Koval Volha Uladzimiraua – PhD (History), Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: koval@belstu.by

Паступіў 08.09.2020

УДК 091.378(476-25)

Л. И. Мосейчук

Белорусский государственный медицинский университет

**СПЕЦИФИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН
НА МЕДИЦИНСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В 1920-Е ГГ.**

На факультетах белорусского университета в 1920-е гг. преподавались дисциплины социально-гуманитарного направления: социология, логика, история всемирная и отечественная, методология, история научного мировоззрения, история социализма, философия и пр. В данной статье рассматривается преподавание социально-гуманитарных дисциплин на медицинском факультете Белорусского государственного университета. Приводятся примеры образовательных программ по таким дисциплинам, как белорусоведение, исторический и диалектический материализм, история РКП(б). На основании анализа архивных источников выделяется количество аудиторных часов, отводимых на каждую дисциплину. Определяется форма итогового контроля (зачет и/или экзамен), применявшегося на каждом из вышеперечисленных предметов.

Ключевые слова: университетское образование, история педагогики, университет, учебные планы, гуманитарные дисциплины.

L. I. Maseichuk

Belarusian State Medical University

**TEACHING HUMANITIES DISCIPLINES
AT THE MEDICAL FACULTY
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY IN THE 1920s**

Disciplines of the social and humanitarian direction were taught at the faculties of the Belarusian University: sociology, logic, world and domestic history, methodology, history of scientific worldview, history of socialism, philosophy, etc. This article examines the teaching of social and humanitarian disciplines at the medical faculty of the Belarusian State University. Examples of educational programs in such disciplines as Belarusian studies, historical and dialectical materialism, history of the RCP(b) are given. It is concluded that all teaching materials have been adapted to the requirements of the Faculty of Medicine.

Key words: university education, history of pedagogy, university, educational plans, history of education, humanitarian disciplines.

Введение. В 1921 г. перед организаторами Белорусского государственного университета (далее – БГУ) не стояло вопроса о нерациональности преподавания гуманитарных дисциплин на всех факультетах учебного заведения. Преподаватели, в своем большинстве выходцы из высших учебных заведений Российской империи, старались привнести в новый, пролетарский вуз неоднократно воспроизведенный опыт своей «дореволюционной» педагогической деятельности.

На факультетах БГУ читались дисциплины социально-гуманитарного направления: социология, логика, методология, история (всемирная и отечественная), история научного мировоззрения, история социализма, философия и пр.

В данной статье становление учебной программы по гуманитарным дисциплинам рассматривается на примере медицинского факультета БГУ с привлечением документов фонда 205 «Белорусский государственный университет» Национального архива Республики Беларусь.

Основная часть. Начиная с первого учебного года (1921/1922) на медицинском факультете БГУ студентами изучался такой предмет, как «Исторический материализм». До 1924 г. его преподавал профессор Сосис И., а с 1925 по 1931 г. этот предмет вел доцент Быховский Б. Э. Согласно контрольным карточкам обучающихся студентов по данному предмету сдавался экзамен, который в одной и той же группе проходил не в один день. Порой экзаменационный процесс по предмету варьировался по времени до трех недель. Так, например, Ирозовская Бейля сдавала экзамен 08.06.1922 г., Авербух Сара – 16.06.1922 г., а Бондавервич Анна – 28.06.1922 г.

До 1925 г. «Исторический материализм» читался на первом курсе на протяжении всего учебного года.

В 1922/1923 учебном году на данный предмет было выделено 2 лекционных часа в неделю. В 1924/1925 учебном году количество часов на первом курсе было увеличено до четы-

рех в неделю (начиная со второго семестра). Раздел марксистской философии под названием «Диалектический материализм» студенты второго курса изучали только на семинарских занятиях (2 часа в неделю) на протяжении всего учебного года [1, л. 9].

В 1925/1926 учебном году к обязательному курсу исторического материализма добавляется такой обширный предмет, как «Белорусоведение» (форма итогового контроля – зачет). Читал курс Рудницкий Л. И. На данный предмет выделялось 4 часа в неделю: по два на первом и втором курсах на протяжении всего учебного года. С 1 декабря 1925 г. в учебную программу медицинского факультета был добавлен еще один предмет – «История РКП(б)», на который также выделялось 4 учебных часа [2, л. 47].

Введение вышеперечисленных предметов в учебный план медицинского факультета положительно расценивалось его руководством. Так, в 1925 г. декан факультета Кроль М. Б. делал акцент на том, что «задачей медицинского факультета является подготовка научно и материалистически мыслящих врачей» [3, л. 51]. Вместе с тем, исходя из специфики медицинского образования, программы по обществоведению и краеведению, по его мнению, должны были быть «увязаны с медициной вообще и краевой в частности» [3, л. 52].

Преподаватели, читавшие гуманитарные предметы на медицинском факультете, не входили в профессорско-преподавательский состав факультета [1, л. 29]. Так, доцент Быховский Б. Э. состоял в штате общественно-экономического отделения педагогического факультета БГУ, о чем свидетельствуют его отчеты, предоставленные в предметно-цикловую комиссию данного отделения 26 октября 1925 г. Из отчета видно, что Быховский Б. Э. работал на «внешних» факультетах, а непосредственно для студентов педагогического факультета этот предмет преподавал Вольфсон С. Я. [4, л. 1].

В эту же комиссию подавал свои отчеты и Рудницкий Л. И.

Начиная с 1923/1924 учебного года, в расписании медицинского факультета встречается такой предмет, как «Обществоведение». Однако в зачетных листах (личных карточках) студентов отметка о сдаче данной дисциплины отсутствует. Возможно, это связано с факультативным характером данного предмета.

На обществоведение выделялось 4 часа в неделю: по 2 часа на лекции и семинары [5, л. 28]. Изучение программы обществоведения осуществлялось на первом и втором курсах [6, л. 1].

В 1928/1929 учебном году на пятом курсе был введен краткий курс «Диалектики приро-

ды» (2 лекции и 20 групповых занятий). Преподаватель – Вольфсон С. Я. [6, л. 1].

Первоначально при формировании учебных программ указывалась дисциплина и количество отводимых на нее аудиторных часов. Только во второй половине 20-х гг. XX в. учебные программы приобрели строгую структуру и издавались типографским способом.

В это время на медицинском факультете БГУ изучали ряд социально-гуманитарных дисциплин. Так, в рамках курса политэкономии студенты должны были знать, что такое стоимость и как она формируется; что такое товар и товарный фетишизм. Подробно рассматривалось назначение капитала, формирование добавочной стоимости и пр. [7, л. 30].

На дисциплине «Белорусоведение» студенты должны были изучить белорусское устное народное творчество; рукописные литературные книжные памятники; ознакомиться с таким направлением в белорусской литературе, как сентиментализм; исследовать зарождение национальной литературы и пр.

На курсе по диалектическому материализму изучались основной предмет и задачи философии, рассматривалось ее взаимодействие с другими науками. В учебной программе делался акцент на диалектическом материализме как философском учении.

На занятиях по историческому материализму студенты должны были рассмотреть такие понятия, как производительные силы, базис и надстройка; изучить процесс формирования классов и классовой борьбы; проанализировать теории возникновения государства и роль пролетариата [8, л. 82–82 об.].

На лекциях и семинарах по дисциплине «Ленинизм» изучались понятия «пролетарская революция» и «диктатура пролетариата»; рассматривались крестьянский и национальный вопросы, а также роль партии во всех происходящих процессах.

Программы корректировались преподавателями с учетом специфики подготовки медицинских работников. Программа курса «Белорусоведение» была составлена преподавателем Цветковым Л. Н. и утверждена на заседании цикловой комиссии педагогического факультета. Разработка программы курса диалектического и исторического материализма осуществлялась доцентом кафедры педагогики Быховским Б. Э., который в пояснении к плану своих семинарских занятий отмечал: «в моих семинариях я думаю проработать две темы по диалектическому материализму: диалектизм и детерминизм. А также рассмотреть применение этих принципов к важнейшим достижениям науки» [4, л. 1].

Учебные программы по «Истории РКП(б)» никогда не корректировались на местах и в них четко прописывались все направления, которые преподаватель должен был «донести» до студентов. Согласно Постановлению ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском “Краткого курса истории ВКП(б)”» от 14 ноября 1938 г., вместо ряда предметов («Ленинизм», «История ВКП(б)», «Диалектический материализм», «Исторический материализм») вводился единый курс «Основы марксизма-ленинизма», а также образовывались единые кафедры.

Преподавателями тщательно подбирались литература, которую они рекомендовали студентам, и по которой сами готовились к занятиям. Так, Быховский Б. Э. при проведении семинаров опирался на работы Трахтенберга О. В. «Беседы с учителем по диалектическому материализму», Бухарина Н. И. «Теория исторического материализма», Фингерта Б. А. «Основы диалектического материализма в отрывках из произведений классиков марксизма» [9, л. 174 об.]. В перечне учебников на 1926/1927 учебный год по предмету «Белорусоведение» Рудницкий Л. И. рекомендовал для домашней подготовки следующие книги: «Гісторыя Беларусі» Ігнатоўскага Ус. М., «Гісторыя Беларусі» Пічэты Ул. І., «Кароткі курс геаграфіі Беларусі» Смоліча А. А., «Гісторыя беларускай літаратуры» Максіма Гарэцкага [9, л. 175].

К 1929/1930 учебному году на медицинском факультете по всем без исключения читаемым предметам были учебные программы с детальным перечислением всех изучаемых тем. Стабилизацию учебных программ к концу 20-х гг. XX в. подтверждают и данные анализа контрольных карточек студентов медицинского факультета. Выборка за пять лет с 1927 по 1931 г. (по 10 человек произвольно) показала, что у принятых в 1927 г. на первый курс студентов в контрольных карточках присутствуют следующие предметы: «История партии» (форма контроля – экзамен), «Диалектический материализм» (экзамен), «Политическая экономия» (экзамен), «Ленинизм» (экзамен). А у студентов,

поступивших в 1928 г., отсутствуют отметки о сдаче таких предметов, как «История партии» и «Белорусоведение», но присутствуют такие дисциплины, как «Политическая экономия» (зачет), «Диалектический материализм» (экзамен), «Диалектика природы» (зачет), «Ленинизм» (экзамен), «Политическая экономия» (экзамен).

Однако преподавание данных курсов в качестве обязательных на медицинском факультете неоднозначно воспринималось его руководством. В 1926 г. М. Б. Король предлагал «вынести из университетского курса в курс де-вятiletки или рабфака изучение диалектического материализма, истории партии, белорусоведения и новых языков», руководствуясь при этом стремлением «уменьшить нагрузку на студентов» [3, л. 62].

При реорганизации БГУ в 1930–1931 гг. на базе медицинского факультета был создан медицинский институт, в учебном расписании которого в 1931/1932 годах стоял такой предмет, как «Диалектика природы» [10, л. 29, 74, 66], а преподавание гуманитарных предметов осуществлялось специально учрежденной для этого кафедрой.

Заключение. Таким образом, в 20-е гг. XX в. на медицинском факультете БГУ изучали такие дисциплины, как исторический и диалектический материализм, белорусоведение, историю РКП(б), политэкономия и основы марксизма-ленинизма. Освоение этих дисциплин должно было помочь студентам раскрыть свой научный потенциал и научить их рациональному мышлению. Об увеличившемся интересе к гуманитарному блоку со стороны государства свидетельствует и количество часов, выделяемых на данные предметы. За период 1922–1926 гг. часовой курс по предмету «Исторический материализм» был увеличен в 2 раза, добавлена дисциплина «Обществоведение», расширен перечень изучаемых тем по «Белорусоведению».

Начиная с 1925/1926 учебного года, по каждому предмету была четко определена форма итогового контроля.

Список литературы

1. НАРБ. Ф. 205. Оп 1. Д. 987.
2. НАРБ. Ф. 205. Оп 1. Д. 1009.
3. НАРБ. Ф. 205. Оп 1. Д. 995.
4. НАРБ. Ф. 205. Оп 1. Д. 836.
5. НАРБ. Ф. 205. Оп 1. Д. 1034.
6. НАРБ. Ф. 205. Оп 1. Д. 1057.
7. НАРБ. Ф. 205. Оп 1. Д. 1098.
8. НАРБ. Ф. 205. Оп 1. Д. 1058.
9. НАРБ. Ф. 205. Оп 1. Д. 1043.
10. НАРБ. Ф. 205. Оп 1. Д. 1106.

References

1. NARB. Fund. 205. I. 1. F. 987.
2. NARB. Fund. 205. I. 1. F. 1009.
3. NARB. Fund. 205. I. 1. F. 995.
4. NARB. Fund. 205. I. 1. F. 836.
5. NARB. Fund. 205. I. 1. F. 1034.
6. NARB. Fund. 205. I. 1. F. 1057.
7. NARB. Fund. 205. I. 1. F. 1098.
8. NARB. Fund. 205. I. 1. F. 1058.
9. NARB. Fund. 205. I. 1. F. 1043.
10. NARB. Fund. 205. I. 1. F. 1106.

Информация об авторе

Мосейчук Людмила Ивановна – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры философии и политологии. Белорусский государственный медицинский университет (220116, г. Минск, пр. Дзержинского, 83, Республика Беларусь). E-mail: Mosejchuk@tut.by

Information about the author

Maseichuk Liudmila Ivanovna – PhD (History), Senior lecturer, the Department of Philosophy and Political Science. Belarusian State Medical University (83, Dzerzhinskogo Ave., 220116, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: Mosejchuk@tut.by

Поступила 06.09.2020

УДК 9:331.105.44 (476)

Е. А. Дубовик

Белорусский национальный технический университет

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИСТПРОФОВ В СОВЕТСКОЙ БЕЛАРУСИ В 1920-Е ГГ.

В статье раскрывается на материалах БССР процесс формирования и функционирования Комиссий по истории профессионального движения (истпрофов) в структуре советских профсоюзов в 1920-е гг. Работа истпрофа в БССР началась в 1922 г. До 1928 г. она заключалась в разных формах сбора и накопления фактического материала, касающегося прошлого профсоюзов. На всесоюзном совещании истпрофов в мае 1928 г. представители комиссий решили, что накоплено уже достаточно материала, чтобы перейти к написанию научной истории профсоюзов. Однако истпрофы не успели развернуть деятельность в новом направлении, поскольку весной 1930 г. в ходе борьбы сталинского партийного руководства с «правым оппортунизмом» и «тред-юнионизмом» сеть истпрофов в стране была упразднена.

Ключевые слова: советские профсоюзы, профессиональное движение, история профсоюзов, историография, Истпрофы, БССР, Совет профсоюзов Белоруссии.

A. A. Dubovik

Belarusian National Technical University

ACTIVITY OF THE ISTPROFS IN THE SOVIET BELARUS IN THE 1920s

The article reveals on the materials of the BSSR the process of forming and functioning of the Commissions on the history of the professional movement (Istprofs) in the structure of Soviet trade unions in the 1920s. Activity of the Istprof in the BSSR began in 1922. Before 1928 it consisted of various forms of collection and accumulation of factual materials on history of the trade unions. At the All-Union conference in May of 1928 representatives of Commissions decided that enough material already accumulated to proceed to writing the scientific history of the trade unions. However the Istprofs didn't have time to expand their activities in a new direction, because in the spring of 1930, during the struggle of the Stalinist party leadership with the "right opportunism" and "trade unionism", the network of Istprofs in the country was abolished.

Key words: Soviet trade unions, professional movement, history of the trade unions, historiography, Istprofs, the BSSR, Council of trade unions of Belarus.

Введение. Становление историографии профсоюзного движения в советской стране относится к началу 1920-х гг. 7 ноября 1920 г. на заключительном заседании V Всероссийской конференции профсоюзов было принято решение об изучении истории российского профдвижения. При информационном отделе ВЦСПС создана комиссия по изучению истории профессионального движения – истпроф. Подобные комиссии предлагалось создать также при ЦК отраслевых профсоюзов и губернских советах профсоюзов. Решение V Всероссийской конференции о создании истпрофов не содержало конкретных предложений о структуре этих комиссий, характере и задачах их деятельности. Формально во главе истпрофа стоял председатель ВЦСПС, но непосредственным руководителем был заместитель председателя. Ввиду целого ряда обстоятельств организационный период деятельности истпрофа затянулся, он стал дееспособным лишь со второй половины 1922 г., когда им стал руководить Ю. К. Милонов [1, с. 240, 247].

Основная часть. В апреле 1922 г. при Совете профсоюзов Белоруссии (Совпрофбел)

была создана комиссия истпрофа во главе с заведующим культотделом Рабиновичем М. М. [2, л. 54]. Однако, как отмечалось в отчете о деятельности Президиума Совпрофбела (июнь 1923 г.), «в области изучения истории профессионального движения Белоруссии до сих пор чрезвычайно мало сделано. Несмотря на обращения комиссии по истории профессионального движения о присылке всевозможных материалов для выставки по профдвижению, союзы на них не откликнулись. Вместе с тем за минувший год комиссии удалось создать при клубе Профинтерна небольшую библиотеку по вопросам истории профессионального движения. Комиссия следила и собирала все печатные материалы по истории отдельных союзов Белоруссии» [3, с. 122].

Более активная работа развернулась с весны 1924 г. 3 марта состоялось заседание комиссии Истпрофа при Временном Центральном бюро (ЦБ) профсоюзов Беларуси, созданном в связи с укрупнением БССР. Комиссию возглавил председатель ЦБ профсоюзов Ходош Ш. Ш., секретарем стала зам. заведующего орготделом ЦБ Кремер С. С. Комиссия обратилась с воззванием ко всем членам профсоюзов о максимальном

содействии ее работе [4, л. 16]. По предложению комиссии правления отраслевых союзов и уездные профбюро также выделили истпрофовские комиссии с привлечением к их работе ветеранов профдвижения. За сравнительно короткий период удалось собрать материалы по истории союзов деревообделочников, коммунального хозяйства, кожевников, связи, работников искусства. В союзах были проведены вечера воспоминаний старейших членов для восстановления истории профдвижения. Было предложено союзным организациям привести в порядок свои архивы [5, с. 47].

Наиболее активно работали комиссии истпрофа при союзах кожевников и строителей. Так, комиссия, созданная в декабре 1924 г. в союзе строителей, смогла собрать ряд ценных материалов о подпольной работе до 1917 г. и в период немецкой и польской оккупаций в 1918–1920 гг. Предполагалось издать сборник «История профессионального движения рабочих строителей Белоруссии» [6].

В отличие от истпрофа ВЦСПС, который существовал как один из его отделов, определенной структуры местных истпрофов установлено не было. В основном работа велась на общественных началах. Костяк комиссий составляли сами профсоюзные работники, загруженные другой деятельностью.

После отъезда Ш. Ш. Ходоша на учебу в Москву в январе 1925 г. истпроф при ЦСПСБ сильно обновился. Председателем комиссии стал ответственный секретарь Центрального Совета профсоюзов Белоруссии (ЦСПСБ) Шарангович В. Ф., в ее состав из 9 человек вошли новый председатель ЦСПСБ Ендаков М. Е. и другие профработники [7, л. 276]. Однако в связи с выбытием Шаранговича и Ендакова на работу за пределы БССР в августе 1926 г. на заседании Президиума ЦСПСБ был утвержден новый состав комиссии истпрофа. В его вошли заведующий орготделом ЦСПСБ Каплан Л. Б., его заместитель Танаевцева Н. И., председатель ЦП союза кожевников Эпштейн Б. Ц., председатель ЦП союза советоргслужащих Аронович Х. Л., зам. зав. культотделом ЦСПСБ Гальбрайт С. Х. и работник редакционно-издательского отдела ЦСПСБ Жилин А. Н. Предложено было всем ЦП союзам и окружным советам профсоюзов оживить деятельность истпрофовских комиссий в связи с необходимостью сбора материалов к 10-й годовщине Октябрьской революции, редакции журнала «Прафесіянальны рух Беларусі» печатать отдельные исторические очерки [8, л. 224–225].

Основные принципы работы комиссий определялись инструкцией, утвержденной Президиумом ЦСПСБ 28 октября 1926 г. Ведение

истпрофовской работы поручалось комиссии в составе трех (при окружных профсоветах и отделениях союзов) и пяти (при ЦП союзам) человек, работающих под руководством выделенного члена правления ЦП союза, окружного отделения союза или президиума окружного профсовета. Заседания комиссий должны были проводиться не реже одного раза в месяц, протоколироваться. Работа комиссий велась по двум главным направлениям: сбор материалов, их систематизация и обработка [9, л. 17–18].

С января 1925 г. по февраль 1928 г. обязанности секретаря истпрофа ЦСПСБ выполнял Жилин А. Н., который одновременно являлся ответственным секретарем редакции журнала «Прафесіянальны рух Беларусі». Выход в свет этого журнала (издавался в 1925–1929 гг., всего вышло 100 номеров) имел важное значение для изучения истории профсоюзов Белорусии. В журнале существовал раздел «Страничка прошлого» («Из прошлого»), в котором публиковались статьи и заметки по истории профсоюзов, основанные на материалах истпрофа. Например, уже в первых номерах за 1925 г. были напечатаны воспоминания члена союза «Нарпит», статья об истории деятельности борисовского союза металлистов, воспоминания рабочего-столяра Вензеля А. (руководителя ЦП союза деревообделочников) «Двадцать лет тому назад». Последнюю публикацию сопровождало обращение Комиссии по истпрофу ЦСПСБ к старым партийцам, профработникам и рабочим присылать свои воспоминания, относящиеся к периоду 1905 г., в Минск в Дом труда [10]. В следующих номерах журнала были опубликованы воспоминания о том, как отмечали рабочие 1 мая до революции, о забастовке переплетчиков в 1904 г. в Минске.

Подобные публикации продолжались и в последующие годы. Так, в 1926 г. опубликованы воспоминания членов профсоюза металлистов, перепечатка из сборника «1905-й год в Белоруссии» (1925) заметки «1-го мая 1905-го года в Минске», статья старейшего члена профсоюза кожевников Льва А. [11] и другие истпрофовские материалы. В 1927 г. в журнале помещены статьи о положении в Беларуси перед Октябрем 1917 г., о состоянии профсоюзов к I Всебелорусскому съезду профсоюзов» [12, 13]. В начале 1929 г. были напечатаны на материалах Истпрофа очерки о десятилетии профсоюзной работы в БССР [14] и статья по истории сельского профсоюза [15]. Всего в журнале «Прафесіянальны рух Беларусі» в 1925–1929 гг. было опубликовано около 30 статей, заметок, воспоминаний и подборок документов. Ряд публикаций был в газетах «Звезда», «Савецкая Беларусь» и др.

В 1922–1927 гг. деятельность истпрофов состояла в том, чтобы собирать, систематизировать и публиковать документальные материалы, т. е. в разных формах накопления фактического материала для «будущих историков». В этой области они проделали большую и весьма ценную работу. Истпрофом ВЦСПС были выпущены 5 сборников «Материалов по истории профессионального движения в России», опубликованы протоколы, стенограммы профсоюзных съездов и конференций. Вышла книга «Профессиональные союзы СССР в прошлом и настоящем. 1905–1917–1927 гг.», в которой собраны очерки по истории отраслевых профсоюзов СССР, приводятся отдельные факты об их деятельности в Беларуси [16, с. 5–6]. Работа истпрофов в БССР также оживилась в 1927 г., когда был организован сбор материалов к 10-й годовщине Октября. Однако после юбилея в работе истпрофовских комиссий снова наблюдался застой [9, л. 1].

28–31 мая 1928 г. состоялось всесоюзное совещание истпрофов, в котором приняли участие и представители Советской Беларуси. Оно обсудило итоги деятельности за пять лет и констатировало необходимость изменения направлений работы истпрофов. Было решено, что накоплено уже достаточно материала, чтобы перейти к написанию истории, сосредоточить внимание комиссий на разработке научной истории профсоюзного движения в стране [1, с. 260].

В связи с этим Президиум ЦСПСБ указал на необходимость объединения истпрофской работы с разработкой истории рабочего законодательства и социального страхования. В состав реорганизованной комиссии по истпрофу при ЦСПСБ вошли Л. Б. Каплан (председатель) и другие профработники [17]. На заседании Президиума ЦСПСБ 9 августа был утвержден план работы истпрофа на август – декабрь 1928 г. с учетом установок всесоюзного совещания истпрофов. Признано необходимым «подыскать частично освобожденного работника и определить ему денежное содержание», а также предоставить специальное помещение «для концентрации всей работы по истпрофу» [9, л. 19]. Намечалось собрать и систематизировать материалы, имеющиеся в ЦСПСБ, улучшить связь с истпрофовскими комиссиями при ЦП союзов и окружных профбюро, организовать кабинет по истории профсоюзов, в котором сосредоточить материалы как методического, так и исторического содержания: книги, журналы, газеты, листовки, воззвания, фотографии и другие документы, имеющие историческую ценность. Предполагалось систематически созывать инструктивно-информационные совещания членов истпрофовских комиссий,

изучить материалы по истории профсоюзов, имеющиеся в Государственном архиве, Музее революции, Пушкинской библиотеке и др. [9, л. 21–22].

Однако далеко не все из задуманного удалось выполнить. В отчете ЦСПСБ за 1928 г. отмечалось, что хотя истпрофскую работу ведут ЦП союзов, окружные профбюро и отделения союзов через специально созданные комиссии, но «они работают далеко неодинаково... Некоторые комиссии, собрав материалы, на этом успокоились и в дальнейшем почти ничего не предпринимают (металлисты, строители и др.)». Освобожденных работников истпрофы в БССР по-прежнему не имели. Во всех комиссиях, как при отраслевых союзах, так и межсоюзных, работу по сбору материалов выполнял кто-нибудь из постоянных работников. Основными причинами отсутствия специальных работников назывались: недооценка значения и важности истпрофской работы профорганами; недостаточное выделение средств на эту работу, а в некоторых случаях и полное отсутствие таковых [9, л. 1].

Выполняя рекомендации всесоюзного совещания, Комиссия по истпрофу при ЦСПСБ усилила связь с истпартом. В январе 1929 г. на заседании бюро комфракции Президиума ЦСПСБ было принято предложение о подготовке издания книги «Очерк по истории рабочего и профсоюзного движения Беларуси». Поручено С. Х. Агурскому, возглавлявшему истпарт при Институте истории партии при ЦК КП(б) Б, и истпрофу ЦСПСБ приступить к сбору материалов и после подготовки чернового варианта представить на обсуждение комфракции [18, л. 191]. Однако эта работа не успела широко развернуться, так как вскоре Агурский уехал на работу в Московский истпарт, а деятельность истпрофов, в том числе и истпрофа ЦСПСБ, с 1929 г. стала свертываться, а весной 1930 г. была вовсе прекращена. Президиум ВЦСПС принял постановление о ликвидации истпрофа и о сосредоточении научно-исследовательской работы по изучению истории профдвижения в Институте истории Коммунистической академии [1, с. 260–261].

Такое решение было обусловлено сменой в 1929 г. руководства ВЦСПС, разгромом «правого уклона» в руководстве ВЦСПС во главе с М. П. Томским. На состоявшихся в 1930–1931 гг. конференциях по истории профсоюзов острой критике подверглось «истпрофовское наследие» [19, с. 4]. Бывших лидеров советского профдвижения и активных деятелей истпрофов обвинили в стремлении противопоставить профсоюзы компартии, в «тред-юнионизме», в проповедовании меньшевистских установок и

отходе от ленинского учения. Само слово «тред-юнионизм» стало ругательным в устах сторонников командно-административной системы. С ликвидацией в 1930 г. истпрофов разработка проблем профсоюзного движения в БССР должна была сконцентрироваться в Институте истории партии и Октябрьской революции при ЦК КП (б) Б и Институте истории Белорусской академии наук. Однако «наука» о профсоюзах фактически свелась к цитированию высказываний В. И. Ленина и И. В. Сталина. В 1930-е гг. в исторической науке нарастали отрицательные явления. Резко уменьшилось количество опубликованных научных работ, абсолютное большинство их носило агитационно-пропагандистский характер.

Заключение. Таким образом, в становлении советской историографии профсоюзов определенную роль сыграли истпрофы – комиссии по изучению истории профессионального движения, действовавшие в 1920-е гг. при профсоюзных органах. Работа истпрофа в БССР началась в 1922 г., заключалась в разных

формах сбора и обработки фактического материала, касающегося истории профсоюзов. Велась она в основном на общественных началах, частая смена членов комиссий не способствовала их успешной деятельности. Активизировалась она лишь в связи с празднованием юбилейных дат. В журнале «Прафесіянальны рух Беларусі» и газетах был опубликован ряд очерков, воспоминаний, документов, подготовленных комиссиями. На всесоюзном совещании истпрофов в 1928 г. было решено, что накоплено уже достаточно материала, чтобы перейти к написанию значительных научных трудов по истории профсоюзов. Однако весной 1930 г. в ходе борьбы И. В. Сталина и его окружения с «правым уклоном» в партии и «тред-юнионизмом» вся сеть истпрофов в стране была ликвидирована.

Материалы по истории рабочего и профсоюзного движения в Беларуси, собранные истпрофами, требуют серьезного осмысления исследователями и активного включения в научный оборот.

Список литературы

1. Игнатенко Т. А. Истпрофы и их роль в советской историографии профессионального рабочего движения // Исторические записки. 1979. Т.104. С. 240–267.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 265. Оп. 1. Д. 166.
3. Отчет о деятельности Президиума Совета профессиональных союзов Белоруссии (апрель 1922 – июнь 1923 г.). Минск, 1923. 126 с.
4. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1628.
5. Отчет о деятельности Временного Центрального бюро профсоюзов Белоруссии. Минск, 1924. 47 с.
6. Манушкин З. Как работает комиссия истпрофа союза строителей // Прафесіянальны рух Беларусі. 1925. № 4. С. 16.
7. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1629.
8. НАРБ. Ф. 265. Оп. 1. Д. 1871.
9. НАРБ. Ф. 265. Оп.1. Д. 2476.
10. Прафесіянальны рух Беларусі. 1925. № 4. С. 24–25.
11. Лев А. На заре нашего движения // Прафесіянальны рух Беларусі. 1926. № 16. С. 19–20.
12. Калінін Н. Перед Кастрычнікам // Прафесіянальны рух Беларусі. 1927. № 5. С. 17–19.
13. Жилин А. Профсоюзы Белоруссии к 1-му Всебелорусскому съезду профсоюзов (11 июля 1920 г.– 7-го мая 1921 г.) // Прафесіянальны рух Беларусі. 1927. № 5. С. 15–18.
14. Фёдораў. Дзесяць год прафсаюзнай работы ў БССР (нарысы на матэрыялах гістпрафу) // Прафесіянальны рух Беларусі. 1929. № 1. С. 6–11.
15. Лук'янчык А. Пасля ланцугоў і няволі 10 год на палітычным, гаспадарчым і культурным пасту // Прафесіянальны рух Беларусі. 1929. № 1. С. 11–14.
16. Давидюк П. Г., Дубовик А. К. Исторический опыт деятельности профсоюзов Беларуси (историографический обзор) // Труд. Профсоюзы. Общество. 2003. № 3. С. 4–16.
17. Прафесіянальны рух Беларусі. 1928. № 22. С. 18.
18. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 4429.
19. За марксистско-ленинскую историю профдвижения. М.: Профиздат, 1932. 219 с.

References

1. Ignatenko T. A. Istprofs and their role in the Soviet historiography of the professional labour movement. *Istoricheskiye zapiski* [Historical notes], 1979, vol. 104, pp. 240–267 (In Russian).
2. National archives of Republic of Belarus (NARB). Fund 265. Inv. 1. Case 166.
3. *Otchet o deyatel'nosti Prezidiuma Soveta professional'nykh soyuzov Belorussii* [Report about activity of the Presidium of Trade Union Council of Belarus (April 1922 – June 1923)]. Minsk, 1923. 126 p.

4. NARB. Fund 4 p. Inv. 1. Case 1628.
5. *Otchet o deyatel'nosti Vremennogo Tsentral'nogo byuro profsoyuzov Belorussii* [Report about activity of the Temporary Central Bureau of Trade Unions of Belarus]. Minsk, 1924. 47 p.
6. Manushkin Z. How the commission on istprof of the trade union of builders works. *Profesiyanal'ny rukh Belarusi* [Trade Union movement of Belarus], 1925, no. 4, p. 16 (In Russian).
7. NARB. Fund 4 p. Inv. 1. Case 1629.
8. NARB. Fund 265. Inv. 1. Case 1871.
9. NARB. Fund 265. Inv. 1. Case 2476.
10. *Profesiyanal'ny rukh Belarusi* [Trade Union movement of Belarus], 1925, no. 4, pp. 24–25 (In Russian).
11. Lev A. At the down of our moovement. *Profesiyanal'ny rukh Belarusi* [Trade Union movement of Belarus], 1926, no. 16, pp. 19–20 (In Russian).
12. Kalinin N. Before October. *Profesiyanal'ny rukh Belarusi* [Trade Union movement of Belarus], 1927, no. 5, pp. 17–19 (In Russian).
13. Zhilin A. Trade Unions of Belarus to the 1st All-Belarusian congress of Trade Unions (July 11, 1920 – May 7, 1921). *Profesiyanal'ny rukh Belarusi* [Trade Union movement of Belarus], 1927, no. 5, pp. 15–18 (In Russian).
14. Fedarav. Ten years of trade union work in the BSSR (essays on materials of Istprof). *Profesiyanal'ny rukh Belarusi* [Trade Union movement of Belarus], 1929, no. 1, pp. 6–11 (In Russian).
15. Luk'yanchyk A. After chains and unfreedom 10 years on politic, economic and cultural post. *Profesiyanal'ny rukh Belarusi* [Trade Union movement of Belarus], 1929, no. 1, pp. 11–14 (In Russian).
16. Davidyuk P. G., Dubovik A. K. Historical Experience of Trade Unions Activity in Belarus (historiographical revue). *Trud. Profsoyuzu. Obshchestvo* [Labour. Trade Unions. Society], 2003, no. 3, pp. 4–16 (In Russian).
17. *Profesiyanal'ny rukh Belarusi* [Trade Union movement of Belarus], 1928, no. 22, p. 18 (In Russian).
18. NARB. Fund 4 p. Inv. 1. Case 4429.
19. *Za marksistsko-leninskuyu istoriyu profdvizheniya* [For the Marxist-Leninist history of the trade union movement]. Moscow, Profizdat Publ., 1932. 219 p.

Информация об авторе

Дубовик Елена Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории белорусской государственности. Белорусский национальный технический университет (220013, г. Минск, пр. Независимости, 65, Республика Беларусь). E-mail: Dubovik.elena@inbox.ru

Information about the author

Dubovik Alena Aliaksandravna – PhD (History), Assistant Professor, the Department of History of the Belarusian Statehood. Belarusian National Technical University (65, Nezavisimosti Ave., 220013, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: Dubovik.elena@inbox.ru

Поступила 31.08.2020

УДК 341.222 (476) «1922/1931»

Л. И. Шанец

ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь»

**ОСОБЕННОСТИ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБОУСТРОЙСТВА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ В БССР В 1922–1931 ГГ.**

В статье на основе нормативных правовых документов, а также архивных источников рассматриваются вопросы обустройства государственной границы на территории БССР. Автором анализируются проблемы и препятствия, с которыми столкнулись пограничники при создании инфраструктуры государственной границы на белорусском участке в условиях разрухи экономики и отсутствия материальных средств в 1920–1930-х гг. Сделан вывод, что несмотря на неудобства бытового характера, морально-политическое состояние личного состава пограничной охраны было высоким.

Ключевые слова: пограничная охрана, государственная граница, техническое оборудование границ, Отдельный пограничный корпус войск ГПУ, Западный пограничный округ.

L. I. Shanets

State-owned Educational Establishment

“The Institute of Border Guard Service of the Republic of Belarus”

**PECULIARITIES OF THE MATERIAL AND TECHNICAL ARRANGEMENT
OF THE STATE BORDER IN BSSR IN 1922–1931th**

The article is based on normative legal documents, as well as archival sources, and discusses the issues of state border management on the territory of the BSSR. The author analyzes the problems and obstacles that border guards faced when creating the infrastructure of the state border on the Belarusian section in the conditions of economic collapse and lack of material resources in the 1920s and 1930s. The point is made that despite the inconveniences of everyday life, the moral and political state of the border guard personnel was high.

Key words: Border Guard, state border, technical equipment of borders, Separate border corps of the GPU troops, Western border district.

Введение. С обретением суверенитета и возникновением государственных границ Республики Беларусь в 1991 г. началось создание инфраструктуры пограничных войск. В первую очередь стояла задача прикрыть Прибалтийское направление [1, с. 25]. Если пограничные отряды на границе с Латвией и Литвой принимали высвобождаемые военные городки упраздненных воинских частей СССР и Российской Федерации, то пограничные заставы, комендатуры, отделения пограничного контроля получали в свое распоряжение для дислокации строительные бытовки на колесах, помещения в сельсоветах, школах и пустующие здания в приграничных деревнях и населенных пунктах. Офицеры и прапорщики подразделений границы вынуждены были снимать частное жилье у местного населения или проживать непосредственно на рабочих местах в своих кабинетах. В аналогичных условиях пограничные войска были в 1920-е гг. прошлого столетия, когда необходимо было создать систему охраны государственной границы на вновь созданной границе с Латвией и Польшей, которая проходила по территории БССР. В этот период главные

усилия также были сосредоточены на размещении вдоль государственной границы военных городков пограничных застав, комендатур, отрядов.

Основная часть. 19 октября 1921 г. войсковая охрана государственной границы с Латвией и Польшей в связи с наличием в приграничье большого количества банд была передана частям Красной Армии. На охрану выступили 1-я и 2-я пограничные дивизии, созданные на белорусском участке границы из частей Красной Армии [2, с. 23].

Несмотря на то, что сформированные для охраны государственной границы полки пограничных дивизий были дислоцированы в крупных населенных пунктах – Себеж, Лепель, Полоцк, Минск, Слуцк, Житковичи, размещались они в почти пришедших в полную негодность воинских зданиях. Денежные средства и материалы, отпущенные для ремонта казарменных помещений пограничных полков, местными органами власти в городах не выделялись, несмотря на неоднократные просьбы. Данные обращения выносились для решения в Президиум ЦИК Белоруссии [3, с. 246].

Помещения для застав, постов не строились, личный состав частей Красной Армии, выполняющий функции войсковой охраны границы, проживал в землянках временного типа. Так, при приеме границы от 2-й пограничной дивизии в феврале 1923 г. командир 7-го пограничного батальона, расположенного в м. Койданово, отмечал: «Многие караульные помещения совмещены с гражданами, что в норме не допустимо. В некоторых караулах не имеется пирамид и винтовки не стоят на месте. Везде грязь, пограничники одеты неопрятно, не принимаются никакие меры к соблюдению чистоты, нет кроватей» [4, с. 22].

С созданием Отдельного пограничного корпуса войск Государственного политического управления (далее – ОПК ГПУ) в сентябре 1922 г. и передачей охраны государственной границы в ведение ГПУ начался новый этап в жизни пограничных войск. Вопросы тылового и технического обеспечения были определены законодательно [5, с. 200].

В Положении об ОПК ГПУ было определено техническое оборудование границ: «постройка пограничных кордонов, вышек для наблюдения за охраной границ, караульных помещений, проведение патрульных дорог и т. п.», которое производится ГПУ, план технического оборудования должен был быть согласован с Реввоенсоветом [6, с. 149].

Однако в начале 1923 г. после смены армейских подразделений пограничными подразделениями ОПК ГПУ практически ничего не изменилось. Личный состав по-прежнему временно размещался в крестьянских избах вместе с населением, а также в брошенных хуторах в семикилометровой полосе вблизи границы. Инженерно-техническое оборудование границы сводилось к колючей проволоке, на которую подвешивали пустые консервные банки и камни. К 1 марта 1923 г. реорганизация пограничных войск ГПУ закончилась. Необходимо было установить наиболее удобные постоянные пункты дислокации пограничных частей и подразделений. 28 марта 1923 г. впервые была установлена постоянная дислокация пограничных частей и введена их нумерация.

Постановлением Совета Труда и Оборона в ГПУ в срочном порядке в мае 1923 г. была возложена очистка от лесных массивов полосы, непосредственно прилегающей к границам сопредельных государств. Ширина полосы очистки вдоль линии границы определялась шириной в 15 сажень (около 32 м). ОПК ГПУ предоставлялось право заготовки из срубленного леса строевого материала для постройки кордонов и топлива для них в пределах потребности [7, с. 737]. 27 июля 1923 г. Совнарком

СССР было принято постановление об отводе земельных участков Государственному политуправлению для инженерно-технического оборудования границ, строительства кордонов, взводных и ротных помещений, конюшен [8, с. 11].

Помещения застав или кордонов, как они тогда назывались, строились своими силами. Кордоны возводились небольшие. Например, кордон на 35 человек был размером 26 м на 8 м и внутри в высоту от пола до потолка 3,7 м. Состоял из спального помещения столовой, кухни, комнаты начальника кордона, других служебных и бытовых помещений. Оборудование для отопительных печей, кухонные приборы, двери, стекло оконное предоставляли шефы, закрепленные за пограничными частями [9, с. 95].

Однако не всегда местные власти помогали пограничникам. Довольно часто из-за несвоевременно выданных денежных средств местными кассами Наркомфина возникали проблемы. Так, в мае 1923 г. 8-й пограничный отряд в м. Росица оказался в катастрофическом положении. На почве невыплаты жалованья за два месяца возникли недовольства среди красноармейцев, поставщики прекратили поставку продовольствия и фуража из-за отсутствия оплаты, что вызвало перебои в питании личного состава, постройка кордонов замедлилась, также обозначились другие хозяйственные проблемы, связанные с отсутствием денежных средств [10, с. 3]. В июне 1924 г. на заседании ЦИК Белоруссии было принято решение оказывать всемерное содействие пограничным войскам ОГПУ по отводу бесхозяйственных и других строений на местах для обустройства Западной границы. Так, 16-й пограничный отряд приобрел в совхозе Эрново Житковичской волости дом под снос для размещения кордона за 500 руб., но из-за отсутствия средств руководство пограничной охраны Западного края обратилось во ВЦИК Белоруссии с ходатайством о снятии задолженности с пограничного отряда за покупку дома [11, с. 14].

Несвоевременное выделение денежных средств существенно снижало темпы строительства застав. Несмотря на неоднократные ходатайства руководства пограничной охраны в БССР о своевременном отпуске кредитов, было отпущено в 3-м квартале 1925 г. лишь 37% от планового выделения.

Существенно задерживали работы по строительству нанятые рабочие-крестьяне, которые во время страды прекращали работы по возведению кордонов, отдавая время на уборку хлеба, благодаря чему работы с большим напряжением были закончены лишь в первых числах октября. Ввиду этого в помещениях кордонов,

построенных из свежесрубленного лесоматериала, наблюдалась впоследствии сырость. Красноармейцы жаловались на холод, где не были утеплены потолки, так как достройка производилась поздней осенью.

Температура воздуха в помещениях ввиду многочисленных погрешностей при строительстве значительно колебалась. Вентиляция помещений производилась при помощи форточек, но и их не везде имелось в достаточном количестве. Недостаточность жилой площади служила причиной невозможности развернуть необходимое количество коек или топчанов для каждого красноармейца в отдельности, в результате чего одна койка находилась в распоряжении нескольких красноармейцев [12, с. 261].

Из намеченных в Западном пограничном округе по плану работ 1925–1926 гг. на 1 июня 1926 г. было окончено 15 построек, в том числе 5 конюшен, 1 колодец, оборудован 1 тир, построено 7 жилых зданий – казарм.

И все-таки к началу 1925 г. было полностью изжито совместное размещение личного состава кордонов с крестьянами в их избах, что существенно влияло на качество службы по охране границы, так как пограничники сживались со своими квартирохозяевами, многие из которых занимались контрабандным промыслом.

Несмотря на то, что в течение пяти лет были произведены большие затраты на строительство, жилищный вопрос в Белорусском (переименован в 1926 г.) пограничном округе на 1 апреля 1930 г. так и не был решен. Личный состав удовлетворительно размещался только на 20 заставах, 18 из которых были построены в 1927–1929 гг. и 2 в каменных зданиях (бывшие винокурные заводы), которые путем капитального ремонта были приспособлены для жилья. Данные здания имели спальные помещения, ленинские уголки, кухни с кладовыми, столовые, канцелярии, умывальники, сушилки, цейхгаузы (помещения для хранения оружия и амуниции) и квартиры для начсостава.

Сравнительно удовлетворительно были размещены 38 застав в деревянных кордонах, выстроенных в 1923–1925 гг., но они не имели специальных помещений для ленинских уголков, столовых, канцелярий, умывальников, сушилок и квартир для начсостава. В этих помещениях были выделены специальные места для ленинских уголков за счет сокращения площади спального помещения.

Совсем в неудовлетворительном состоянии находились 13 застав, которые размещались в деревянных, требующих ремонта ветхих зданиях. Санитарно-бытовые условия на заставах удовлетворительными признать было нельзя. В большинстве подразделений пограничной

охраны размещение людей было скученным. В помещениях имелись клопы и тараканы, дезинфекция не проводилась. Стирка белья, проводимая наемными прачками, была неудовлетворительной. Прачечные находились только в управлениях отрядов.

Не совсем улучшилась ситуация по обеспеченности частей питьевой водой. Если в 1926 г. для питья и варки пищи, а также для водопоя конского состава пограничным частям приходится пользоваться загрязненной водой рек, особенно в осеннее и весеннее время, или застоялой водой из разбросанных колодцев, или же из примитивных колодцев, выкопанных самими заставами, то в 1931 г. из 49 обследованных колодцев вода для питья была признана годной к употреблению только в 11, сомнительной годности – в 17 совершенно негодной – в 21.

Управление пограничных комендатур размещалось удовлетворительно только в 7 пунктах, в 7 весьма неудовлетворительно, а на остальных комендатурах помещения требовали капитального ремонта.

Так, 1-й комендантский участок (м. Койданово) 1 марта 1925 г. полностью размещался в казармах, построенных в 1923–1924 гг. Для размещения комендатуры участка и одной заставы был выстроен кордон. Кордон имел казарму на 45 человек с общежитием для красноармейцев, отдельной столовой, красным уголком и кухней и 6 отдельными комнатами для канцелярии и размещения комсостава, конюшню на 24 лошади с 2 кладовыми под фураж, баню и колодец. Казармы были оборудованы топчанами по числу красноармейцев, столами, скамьями, табуретами, кухонными шкафами. На сооружение данных построек было выделено 24 998 руб., фактическая стоимость составила 7 823 руб.

Управление 16-го пограничного отряда и команды размещались в 3 домах, переданных местным исполкомом отряду. Дома были отремонтированы и приспособлены к размещению. Один дом – строевая часть и политчасть, второй – СОЧ, третий – хозуправление. В том же доме размещалась хозяйственная команда, было устроено общежитие и кухня.

Команда связи располагалась в отдельном доме, также переданном отряду местным исполкомом. Дом был отремонтирован и имел комнаты под общежитие, столовую, канцелярию и телеграфно-телефонную станцию. Команда вахтеров также размещалась в доме, в котором имелось общежитие, столовая, кухня, красный уголок, там же была гарнизонная гауптвахта.

Санчасть состояла из амбулаторно-приемного кабинета врача, аптеки, изолятора, палаты, ванной комнаты, а также общежития для санитаров

и кухни. Ветчасть размещалась в обывательском доме – занимала две комнаты, Красный уголок, клуб, библиотека – в обывательском доме и занимали 4 отдельные комнаты с отдельным входом. Хлебопекарня и мастерские были оборудованы в обывательском доме. Под склады были построены два сарая. Отряд построил кузницу и прачечную. На вышеуказанные работы было перечислено 79 319 руб., фактически израсходовано 31 814 руб. Средств для оборудования казарм отряд не получал, весь инвентарь был сделан своими руками.

Не решен был вопрос с размещением командного состава пограничных частей Белорусского пограничного округа. В 1926 г. начсостав размещался примерно: по обывательским отдельным квартирам – 15%, по крестьянским избам (отдельно от семейства владельцев) – 24%, проживающих совместно с семьями владельцев – 42%, остальные 19% проживали в казармах-кордонах, уже в 1931 г. подавляющая масса начсостава по-прежнему проживала на частных квартирах в местечках и деревнях.

Если личный состав находился в более или менее удовлетворительных условиях, то этого никак нельзя было сказать о конском составе на заставах, где имелось только 20 хороших деревянных типовых конюшен, построенных в течение 1927–1929 гг., в остальных же 56 заставах лошади были размещены в примитивных деревянных конюшнях, построенных самими частями.

Такое же положение было и с банями, только 24 заставы имели приличные бани, построенные в 1927–1929 гг., а 52 бани были построены самими красноармейцами [13, с. 181].

Заключение. Таким образом, в течение 1920–1930-х гг. была подготовлена и принята необходимая правовая база для обустройства границы. Основное строительство застав проводилось в 1924–1925 гг. в период ограниченности бюджетных средств или полного их отсутствия, что не могло не сказаться в дальнейшем на качестве при эксплуатации зданий и помещений. Заставы, строившиеся по типовым проектам, были рассчитаны в среднем на 15–35 человек. Соответственно, при изменении штата в большую сторону в связи развитием материально-технического оснащения застав возникали проблемы по размещению красноармейцев. Но, несмотря на бытовую неустроенность и неудобства, политико-моральное состояние личного состава Белорусского пограничного округа было здоровое. С усложнением международной обстановки в то время на лицо была приподнятость боевого духа личного состава, что лучше всего подтверждалось поведением бойцов при участии в различного рода операциях, где зачастую приходилось 2–3 суток недоедать и подвергаться прочим лишениям. Никакого ропота, недовольств зафиксировано не было. Личный состав правильно оценивал наличие внешней опасности, о чем красноречиво свидетельствовали письма красноармейцев на родину [13, с. 183].

Список литературы

1. Лукашевич А. М. Становление пограничных войск Республики Беларусь (1991–1997): монография. Минск: ИПС Респ. Беларусь, 2019. 365 с.
2. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 18279. Д. 12. Л. 23. Рапорт о состоянии 1-й пограничной дивизии.
3. НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 115. Л. 246.
4. РГВА. Ф. 18420. Д. 2. Л. 22.
5. Пограничные войска СССР 1918–1928 // Сборник документов и материалов. М.: Наука, 1973. 927 с.
6. В. И. Ленин и охрана государственной границы СССР // Сборник документов и статей / [ред. коллегия: ген.-полк. П. И. Зырянов (отв. ред.) [и др.]; предисл. ген.-полк. П. И. Зырянова. М.: Воениздат, 1970. 392 с.
7. О вырубке леса в пограничной полосе : постановление Совета труда и обороны от 4 мая 1923 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. Отдел первый. 1923. № 39, ст. 422.
8. Терещенко В. В. «Снабжение пограничной охраны... производится на основаниях, установленных для Красной армии». Инженерно-техническое обеспечение охраны границы в 1918–1941 гг. // Военно-исторический журнал. 2013. № 5.
9. НАРБ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 421. Л. 95.
10. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1965. Л. 3.
11. НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 410. Л. 14.
12. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2186. Л. 261.
13. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2514. Л. 181.
14. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2514. Л. 183.

References

1. Lukashovich A. M. *Stanovleniye pogranichnykh voysk Respubliki Belarus' (1991–1997)* [Establishment of the border troops of the Republic of Belarus (1991–1997)]. Minsk, IPS Resp. Belarus' Publ., 2019. 246 p.
2. Russian State Military Archive (RSMA). Fund 18279. F. 12. L. 23.
3. The National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 6. I. 1. F. 115. L. 246.
4. RSMA. Fund 18420. I. 2. L. 22.
5. Border Troops of the USSR 1918–1928. *Sbornik dokumentov i materialov* [Collection of documents and materials]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 927 p.
6. Lenin and the protection of the state border of the USSR. *Sbornik dokumentov i statey* [Collection of documents and articles]. Moscow, Voenizdat Publ., 1970. 392 p.
7. About deforestation in the border strip: decree of the Labor and Defense Council of May 4, 1923. *Sobraniye zakonov i rasporyazheniy rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva. Otdel pervyy* [Collection of legalizations and orders of the workers and peasants government. Division one], 1923, no. 39, art. 422 (In Russian).
8. Tereschenko V. V. Supply of border guards ... is made on the base Established for the red army Engineering and technical support of border protection in 1918–1941. *Voyenno-istoricheskiy zhurnal* [Military history journal], 2013, no. 5 (In Russian).
9. NARB. Fund 63. I. 1. F. 421. L. 95.
10. NARB. Fund 4p. I. 1. F. 1965. L. 3.
11. NARB. Fund 6. I. 1. F. 410. L. 14.
12. NARB. Fund 4p. I. 1. F. 2186. L. 261.
13. NARB. Fund 4p. I. 1. F. 2514. L. 181.
14. NARB. Fund 4p. I. 1. F. 2514. L. 183.

Информация об авторе

Шанец Леонид Игоревич – доцент кафедры управления органами пограничной службы. ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь» (220103, г. Минск, ул. Славинского, 4, Республика Беларусь). E-mail: shanes@tut.by

Information about the author

Shanets Leonid Igorevich – Assistant Professor, the Department of Border Guard Management. State-owned Educational Establishment “The Institute of Border Guard Service of Republic of Belarus” (4, Slavinskogo str., 220103, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: shanes@tut.by

Поступила 14.09.2020

УДК 355. 42.424

А. А. Зайцев¹, Н. В. Зайцева²

Военная академия Республики Беларусь

²Белорусский национальный технический университет**СТРАННАЯ ЗИМНЯЯ ВОЙНА**

Прошло 80 лет со дня окончания Зимней войны Советского Союза с Финляндией. Много есть неясного в той войне. Современные историки оценивают ее по-разному. Что привело к советско-финской войне, кто в ней был прав, а кто виноват – споры об этом не утихают и по сей день. У разных исследователей существуют совершенно разные точки зрения на описываемые события.

Ключевые слова: операция, Зимняя война, линия Маннергейма, барон Маннергейм, помощь в войне Финляндии, «Лоттасвард».

A. A. Zaytsev¹, N. V. Zaytseva²¹Military academy of Byelorussia²Belarusian National Technical University**STRANGE WINTER WAR**

Eighty years have passed since the end of the Winter War between the Soviet Union and Finland. There is much that is not clear in that war. Modern historians assess it in different ways. What led to the Soviet-Finnish war, who was right in it and who was to blame – the debate about this does not subside to this day. Different researchers have completely different points of view on the described events.

Key words: operation, Winter War, Mannerheim line, Baron Mannerheim, aid in the Finnish war, “Lottasvärd”.

Введение. 12 марта 1940 г. был подписан мирный договор в так называемой Зимней войне СССР с Финляндией. Она началась 30 ноября 1939 г. и длилась всего три с половиной месяца. Формально война закончилась победой Красной армии. Однако эта победа оказалась страшной многих поражений. Финляндия сохранила независимость и армию, несмотря на принятие тяжелых условий от Советского Союза и потери значительных территорий.

Красная армия, понесла значительные потери в личном составе, технике в войне, укрепили веру Гитлера в слабости Красной армии – «Колосса на глиняных ногах» и побудили его не медлить с нападением на СССР.

Большие потери, понесенные войсками в личном составе и технике в войне, укрепили веру Гитлера в слабости Красной армии – «Колосса на глиняных ногах» и побудили его не медлить с нападением на СССР.

Основная часть. Война не была неожиданностью для Финляндии. С апреля 1938 г. Советский Союз стал проявлять к Финляндии повышенный интерес в рамках «обеспечения безопасности Ленинграда». Советское правительство просило в аренду 4 острова в Финском заливе, включая Готланд, для создания там

военных баз, а также отодвинуть государственную границу от Ленинграда взамен на вдвое большую территорию севернее Ладожского озера (было предложено финнам дать в аренду 2761 км², за это Советский Союз отдавал территорию в 5528 км² севернее Ладоги) [1].

Маннергейм, главнокомандующий финской армии, зная политическую обстановку в мире, предлагал своему руководству согласиться с этими требованиями и говорил, что лучше уступить в малом, но избежать военного столкновения, в котором у Финляндии не будет шансов на победу. Но финское правительство, идя на определенные уступки, в целом на предложение Советского Союза ответило отказом [1].

К войне финны стали готовиться с 1938 г., форсировали строительство новых укреплений на линии Маннергейма, готовили войска. В августе в Финляндии была введена всеобщая трудовая повинность. В сентябре 1939 г. в армию были призваны уволенные со службы резервисты и резервисты частей, расположенных возле русской границы. В октябре под видом учебных сборов была проведена скрытая мобилизация и развернуто 9 дивизий и отдельные части. Всего в армии насчитывалось до 265 тыс. чел., в том числе 180 тыс. в боевых частях [1].

В своих мемуарах Маннергейм отмечает слабость финской армии накануне войны. Была ничтожная противоздушная и противотанковая оборона, ВВС имело 50% штатного состава, бронетанковые войска составляли всего 30 уста-

ревших танков и 30 легких современных танков «Виккерс», еще не вооруженных, была очень слабая по численности артиллерия, из 15 дивизий три не имели вооружения и снаряжения, отсутствовал план восполнения боеприпасов. Конечно, как проигравший войну, он преуменьшает возможности финской армии и значительно [1].

В армии Финляндии, по данным, указанным на начало войны, в ВВС насчитывалось 145 боевых и учебно-тренировочных самолетов, 112 противотанковых пушек, 360 минометов калибра 81 мм, более 500 орудий полевой артиллерии, 115 орудий береговой артиллерии калибром от 120 до 305 мм, а также многое другое оружие. Был недостаток боеприпасов у артиллерии. Многие снаряды были старых образцов и, как указывает маршал артиллерии Воронов, до трети из них не взрывались. Конечно, по своим характеристикам многие образцы уступали образцам, стоящим на вооружении Красной армии, но обороняться с ними можно было [2].

Сильной стороной финской армии было наличие у пехоты автоматического оружия, которое отсутствовало у красноармейцев.

Большую роль при мобилизации финской армии играла добровольческая организация Шюцкор. Она насчитывала 20 тыс. постоянных членов и 80 тыс. переменного состава. Это была территориальная армия мирного времени, призванная в военное время подкрепить кадровую армию. Существовал и женский аналог Шюцкора – это добровольческая организация «Лоттасвярд», насчитывающая 90 тыс. женщин. В военное время члены данной организации должны были ухаживать за ранеными, работать телефонистками, заниматься обслуживанием войск и выполнять другую вспомогательную работу.

Вторгшиеся в Финляндию советские войска на начальном этапе войны насчитывали 450 тыс. чел. (320 тыс. в боевых частях) в 23 стрелковых дивизиях. Они имели около 2 тыс. танков и 1900 орудий, около 3 тыс. самолетов и превосходили противостоявшие финские войска в людях в 1,7 раза, артиллерии – в 3 раза, танках – в 80 раз, по самолетам – в 10 раз. Подавляющее превосходство над противником Красная армия имела и на море [3].

К концу войны данная группировка Красной армии насчитывала уже 58 дивизий и еще 4 находились в резерве, численность их превышала 1 млн человек.

Что касается подготовки войск Красной армии к войне, то ее характеризует содержание письма наркома внутренних дел Берия Л. П. от 29 ноября 1939 г. наркому обороны Ворошилову К. Е. – за сутки до начала войны. В нем «дружески» ука-

зывалось на то, что в Красной армии (Ленинградском военном округе) слабое политико-моральное состояние личного состава, подготовка штабов и войск недостаточная, отсутствует всякая маскировка и сохранение секретности, о предстоящей войне знает даже гражданское население, разведка плохая, в ВМФ подготовка к операции транспортов для десанта осуществляется без руководства со штаба флота, артиллерийская подготовка флота не на должной высоте, личный состав материальной части вооружения не знает, оружие не пристреляно, подготовка летчиков слабая и находится в зачаточном состоянии. Но все же в конце своего письма Берия выражает уверенность в победе Красной армии. Этим письмом хитрый Берия видимо страховал себя на случай неудачи в войне [4].

Негативно о подготовке к войне говорил и Г. М. Штерн, командующий 8 А, на подведении итогов финской войны в апреле 1940 г. командующему округом Мерецкову К. А.: «Несмотря на победу и все полученные награды, ... подготовил ты эту войну плохо» [5].

Несмотря на занижение Маннергеймом возможностей финской армии, техническое превосходство Красной Армии на суше, воздухе и море в какой-то степени компенсировалось высокой боевой подготовкой финских солдат, их умением вести бой в трудно проходимой местности и в зимних условиях, высоким морально-политическим состоянием.

Финский план ведения войны предусматривал и жесткую позиционную оборону на Карельском перешейке, и маневренную оборону в районе к северу от Ладоги. При этом был расчет на нанесение местных контрударов по прорвавшимся войскам. Силы прикрытия, состоявшие из пограничников, нескольких батальонов егерей и кавалерийских отрядов, также частей местной самообороны (Шюцкора), должны были с боями отступить к главной полосе обороны – линии Маннергейма. В их задачу входило выявить группировку неприятеля и заставить наступающие советские войска уже на этом этапе развернуть свои основные силы.

В советских военных планах наступления полной ясности не было ни в целях, ни в задачах войск.

При подведении итогов войны начальник Генерального штаба РККА Шапошников Б. М. говорил о двух направлениях ударов: один на Карельском перешейке, а другой на Петрозаводском в обход линии Маннергейма. На этом же мероприятии И. В. Сталин уже отмечал 5 направлений и действий колонн советских войн на территории Финляндии [3].

Изучение данного вопроса показывает, что в целом наступление было слабо подготовлено,

толком не спланировано, задачи были нечеткие. Большое влияние на это оказало отсутствие точных разведывательных сведений: о составе армии финнов, их вооружении, структуре, подготовке и, что не менее важно, об укрепленных районах на территории Финляндии. После победоносной войны в Польше среди командного состава Красной армии существовало «шапкозакидательское», по словам И. В. Сталина, настроение. Не были учтены физико-географические особенности территории. Не подумали и о суровой зиме, обмундировании личного состава, корме для лошадей, составляющей основу тяглого состава, медицинском обеспечении, не продуманы и многие другие вопросы. Вот поэтому в начале боевых действий с Финляндией Красная армия несла тяжелые потери в живой силе и технике [3].

В то же время финской армии со стороны противников Советского государства оказывалась как моральная, так и материальная помощь. Так, в мемуарах Маннергейма говорится, что сочувственно отнеслись к Финляндии США, они объявили эмбарго СССР, предоставили Финляндии кредит на 30 млн долл. и значительную гуманитарную помощь [2].

На сторону Финляндии встали Уругвай, Аргентина и Колумбия.

Через 2 недели после начала войны СССР был исключен из Лиги наций, в то же время соседи – Швеция, Дания, Норвегия отказались принимать участие в санкциях против СССР и отказались голосовать по вопросу исключения СССР из Лиги наций.

Первыми помощь Финляндии оказали Франция и Англия военным снаряжением. Исследование показывает, что Англия поставила 100 истребителей и самолетов-разведчиков и 20 бомбардировщиков «Бристоль-Бленхейм», Франция – 30 истребителей «Моран». Так как самолеты транспортировались в разобранном виде, то после сборки их смогли использовать только в конце войны.

Франция и Англия поставили также большое количество оружия для пехоты и артиллерийских орудий, мин, торпед, средств связи и инженерного оборудования, 300 противотанковых безоткатных орудий противогазов и др. Однако оружие было устаревшим [4].

Другими странами, с пониманием отнесшихся к нуждам Финляндии, Маннергейм называет Швецию, которая поставила 80 тыс. винтовок, 500 автоматов, 85 ПТС, 112 полевых пушек гаубиц, более 100 зенитных орудий, 500 тыс. патронов, 300 тыс. артиллерийских снарядов, самолеты, бензин и другое оборудование, ткани на шинели; Италию (прислала 30 самолетов и партию зенитных орудий); Венгрию (поставила зенитное вооружение, минометы, боеприпасы и ручные гранаты); Бельгию

(помогала главным образом боеприпасами). Из Дании и Норвегии также были получены снаряжение и военное оборудование. Также Финляндией были заказаны истребители, пушки и снаряды в США и Испании.

Платить из-за скачка цен за оружие приходилось несравненно больше, чем в мирное время.

Поскольку Германия не позволяла провозить грузы через ее территорию, их также приходилось доставлять в норвежские порты.

Значительную роль в войне сыграли добровольцы. Так, из Швеции прибыло 800 человек, Норвегии – 725, датчан – 800, в Венгрии в добровольцы записалось 25 тыс. (5 тыс. было передано). Всего прибыли 11 500 добровольцев. По современным меркам, это целая дивизия [6].

Немалую роль в обороне Финляндии сыграла так называемая линия Маннергейма. На 140 км имелось 75 железобетонных фортов, способных выдержать прямое попадание 152-миллиметровых снарядов, 44 железобетонных бункера, возведенных в тридцатых годах. Всего было 210 ДОТов и 546 ДЗОТов. А также 26 ДОТов и 61 ДЗОТ на острове Койвисто и в тылу на подступах к Выборгу, которые прикрывались проволочными заграждениями, противотанковыми надолбами, рвами и минными полями.

Финляндия проиграла войну. Председатель совета обороны, главнокомандующий финскими вооруженными силами барон Карл Густав Маннергейм видел в этом следующие причины: недостаток в кадровом составе; слабая обученность солдат; отсутствие танков и умения бороться с ними; слабая материальная готовность; отсутствие механизированных войск, танков и авиации, зениток [2].

Надежда на активную помощь соседей, по его словам, не что иное как мечта. На самом деле Финляндия оказалась в изоляции. Швеция отказалась предоставить реальную помощь и выступила с заявлением о нейтралитете.

Заключение. Изучая итоги Зимней войны, нашему военному руководству необходимо было учитывать не только недостатки, имевшие место в Красной армии, но и положительные стороны в ведении обороны армией Финляндии: слабая подготовка руководящего состава, репрессии, шаблонность и ограниченность оперативного мышления, слабая организация взаимодействия между войсками; недостаточная активность для поддержания высоких темпов наступления войск, с тем, чтобы противник не успел создать новые рубежи обороны; ударная сила механизированной ударной армии не оправдала возлагавшихся на нее надежд, хотя ей противостояла небольшая по численности и слабо оснащенная армия 4-миллионного государства и т. д.

Список литературы

1. Соколов Б. В. Тайны финской войны. М.: Вече, 2000. 416 с.
2. Карл Густав Маннергейм. Мемуары. М.: Варгиус, 2003. 576 с.
3. Иосиф Сталин. О войне с Финляндией // Выступление на совещании начальствующего состава по обобщению опыта боевых действий против Финляндии 17 апр. 1940 г. М.: Газета «Завтра», 1996, декабрь, № 51.
4. Энгл Э., Паананен Л. Зимняя война: советское нападение на Финляндию 1939–1940. М.: АСТ, 2006. 507 с.
5. Литвин А. М. На той войне незначимой. Советско-финляндская война и Беларусь (1939–1940 гг.). Минск: Беларуская навука, 2010. 656 с.
6. Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во второй мировой войне. Л.: Лениздат, 1989. 336 с.

References

1. Sokolov B. V. *Tayny finskoy voyny* [Secrets of the Finnish War]. Moscow, Veche Publ., 2000. 416 p.
2. Karl Gustav Mannergeym. *Memuary* [Memoirs]. Moscow, Vargius Publ., 2003. 576 p.
3. Joseph Stalin. About the war with Finland. *Vystupleniye na soveshchanii nachal'stvuyushchego sostava po obobshcheniyu opyta boyevykh deystviy protiv Finlyandii 17 apr. 1940 g.* [Speech at a meeting of the commanding staff to summarize the experience of military operations against Finland April 17, 1940]. Moscow, Zavtra Publ., 1996, December, no. 51.
4. Engle E., Paananen L. *Zimnyaya voyna: sovetskoye napadeniye na Finlyandiyu 1939–1940* [Winter war: Attack on Finland 1939–1940]. Moscow, AST Publ., 2006. 507 p.
5. Litvin A. M. *Na toy voyne neznamenitoy. Sovetsko-finlyandskaya voyna i Belarus' (1939–1940 gg.)* [In that unremarkable war. Soviet-Fennesh war and Belarus (1939–1940)]. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2010. 656 p.
6. Baryshnikov N. I., Baryshnikov V. N., Fedorov V. G. *Finlandiya vo vtoroy mirovoy voyne* [Finland in the second world war]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1989. 336 p.

Информация об авторах

Зайцев Александр Александрович – кандидат военных наук, доцент, профессор кафедры военной стратегии факультета Генерального штаба. Военная академия Республики Беларусь (220057, Минск, пр-т Независимости, 220, Республика Беларусь). E-mail: nadezhda_zaytseva_1972@mail.ru

Зайцева Надежда Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Экономика и право». Белорусский национальный технический университет (220013, Минск, пр-т Независимости, 65, Республика Беларусь). E-mail: nadezhda_zaytseva_1972@mail.ru

Information about the authors

Zaytsev Alexander Aleksandrovich – PhD (Military), Associate Professor, Professor, the Department of Military Strategy of faculty of the Joint Staff. Military Academy of Republic of Belarus (220, Nezavisimosti Ave., 220057, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: nadezhda_zaytseva_1972@mail.ru

Zaytseva Nadezhda Viktorovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of “Economics and Law”. Belarusian National Technical University (65, Nezavisimosti Ave., 220013, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: nadezhda_zaytseva_1972@mail.ru

Поступила 08.09. 2020

УДК 94(476)

Т. В. Опиок

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

**ВОССТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ
В ОСВОБОЖДЕННЫХ ОСЕНЬЮ 1943 – ВЕСНОЙ 1944 Г. РАЙОНАХ БССР**

В статье анализируются факторы, повлиявшие на восстановление социальной сферы на территории Беларуси, освобожденной осенью 1943 – весной 1944 г. Отмечается ограниченность возможностей для обеспечения полномасштабного возвращения к мирной повседневной жизни всех категорий населения освобожденных районов Могилевской, Витебской, Гомельской и Полесской областей в условиях продолжавшейся Великой Отечественной войны. Проанализированы основные направления, методы, а также первые результаты, проблемы и трудности в восстановлении жилья, учреждений здравоохранения и образования, помощи детям-сиротам, семьям военнослужащих и партизан, обеспечении безопасных условий жизни в освобожденных городах и селах БССР. Результаты исследования и выводы основаны на анализе документальных материалов, в том числе нормативно-правовых актов и архивных документов, статистических данных, материалов периодической печати и др.

Ключевые слова: восстановление, социальная сфера, повседневная жизнь, жилье, здравоохранение, образование.

T. V. Opiok

Mogilev State A. Kuleshov University

**SOCIAL RECONSTRUCTION IN THE DISTRICTS OF THE BSSR LIBERATED
IN AUTUMN 1943 – SPRING 1944**

The article analyzes the factors that influenced social reconstruction in the territory of Belarus, which was liberated in autumn 1943 – spring 1944. It is noted that there were limited opportunities to ensure a full-scale return to peaceful daily life of all categories of the population of the liberated areas of Mogilev, Vitebsk, Gomel and Polesky regions in the conditions of ongoing Great Patriotic War. The main directions, methods, as well as the first results, problems and difficulties in restoring housing, health care and education institutions, assistance to orphans, families of the military and partisans, ensuring safe living conditions in the liberated towns and villages of the BSSR are analyzed. The research results and conclusions are based on the analysis of documentary materials, including normative legal acts and archival documents, statistical data, periodical materials, etc.

Key words: reconstruction, social sphere, daily life, housing, health care, education.

Введение. Возвращение населения к мирной жизни, восстановительные работы, в том числе и в социальной сфере, на освобожденной осенью 1943 – весной 1944 г. (до операции «Багратион») территории БССР имели свои особенности и были сопряжены с серьезными трудностями и проблемами.

Важнейшие факторы, повлиявшие на масштаб и результативность проводившихся в социальной сфере мероприятий, были вызваны контекстом продолжавшейся войны. К наиболее значимым обстоятельствам, затруднявшим возвращение к мирной повседневной жизни в освобожденных районах, следует отнести продолжительность военных действий, оккупацию территории республики и связанные с этим огромные разрушения и потери. Следует также иметь в виду, что в исследуемый период были полностью освобождены не все районы Витебской, Могилевской, Гомельской и Полесской областей, что с неизбежностью требовало учета

целесообразности, особенностей и возможностей восстановительных работ в частично освобожденных районах (во многих случаях – фактически в условиях прифронтовой полосы).

Безусловно, многие проблемы начального этапа восстановления социальной сферы были вызваны ограниченностью материальных, финансовых, людских и иных сил и средств, а также постоянно возрастающим объемом проблем и задач, связанных с оказанием помощи всем категориям населения освобождаемых территорий.

Возможности восстановления социальной сферы были ограничены не только продолжавшейся войной, но и тем, что в этих условиях первостепенное внимание оправданно уделялось восстановлению экономики освобожденных районов республики. Без восстановления сельского хозяйства, промышленности, транспорта, связи невозможно было обеспечить необходимую базу для восстановления всех от-

раслей социальной сферы, а также оказывать в нужных масштабах помощь фронту и успешно решать задачи, связанные с обеспечением Красной армии.

Основная часть. Для организации работы по восстановлению социальной сферы и возвращению населения освобожденных районов к мирной повседневной жизни местным органам власти прежде всего необходимо было учесть ущерб, причиненный за время оккупации. Он был колоссальным. Так, к 20-м числам апреля 1944 г. в 3 полностью и 6 частично освобожденных районах Витебской области, по неполным данным, предприятиям, колхозам, организациям и частным лицам был причинен ущерб на сумму 3 728 159 798 руб. Угнаны в Германию, расстреляны, сожжены и повешены 121 333 мирных граждан из 194 666 живших в этих районах до войны [1, с. 70–71]. Общий урон, нанесенный народному хозяйству первому из освобожденных 26 ноября 1943 г. областных городов БССР – Гомелю, составил свыше 3 млрд рублей в довоенных ценах. Жилищный фонд города был уничтожен практически на 80%: разрушены энергохозяйство и водопроводно-канализационная сеть города, промышленные предприятия, учреждения образования и культуры [2]. Масштаб разрушения и людские потери были колоссальными и в освобожденных районах Могилевской области, в которых к началу операции «Багратион» были полностью или частично освобождены лишь 14 районов. Так, в Чериковском районе, освобожденном 30 сентября 1943 г., из имевшихся до войны 8088 домов было сожжено 5026. В самом Черикове из 916 осталось только 60 домов. В Дужевском сельсовете Чаусского района из 878 колхозных дворов уцелело 209, а из 5014 жителей сельсовета осталось только 723 человека. В 4 освобожденных сельских советах Горецкого района были сожжены 16 из 42 довоенных населенных пунктов [3, л. 1–35].

На освобожденной территории республики оставалось большое количество минных полей, трофейного и отечественного оружия и боеприпасов. Города и села прифронтовой полосы подвергались постоянным артиллерийским обстрелам, налетам вражеской авиации. В этой ситуации необходимым условием для возвращения населения к мирной жизни, восстановления экономики и социальной сферы для местных органов власти были постоянные усилия, направленные на обеспечение безопасности населения. Одной из необходимых и первоочередных мер стала эвакуация гражданского населения из прифронтовой полосы. Эвакуированных, а также самостоятельно вышедших из прифронтовой полосы жителей необходимо

было размещать, трудоустраивать, обеспечивать предметами первой необходимости. Этими вопросами занимались, в том числе, оперативные группы партийно-советского актива. Так, в «Докладной записке Дриссенского РККП(б)Б в Витебский обком КП(б)Б о деятельности оперативной группы партийно-советского актива на освобожденной территории района» от 7 марта 1944 г. сообщалось, что «Из вышедших 286 чел. из фашистского тыла мирного населения 111 чел. трудоустроенных отправлено на разные работы ..., 20 чел. призвано в ряды Красной армии, 11 чел. сирот направлено в детский приемник, 72 нетрудоспособных и семейных направлено на временное местожительство в Меховский район, а остальная часть населения живет на территории Россонского района. Все население полностью обеспечено мылом (по 400 г), солью (по 400 г), спичками, а также частично обеспечено обувью и одеждой из полученных фондов Красного Креста, выданное денежное пособие в среднем от 30–50 руб. на семью» [1, с. 67]. В целях безопасности и «создания необходимых условий для борьбы с вражеской агентурой» в прифронтовой полосе создавались режимные зоны. Такая 50-километровая прифронтовая режимная зона, например, была установлена решением исполкома Витебского областного совета от 4 декабря 1943 г. Передвижение граждан, жителей режимной зоны, из одного населенного пункта в другой без справок сельских или районных советов, подтверждающих причины передвижения, запрещалось [1, с. 26]. К мерам по обеспечению безопасности населения следует отнести и проводившиеся на освобожденной территории работы по разминированию. Первичное разминирование по мере освобождения территории БССР осуществляли военные саперы. Так, в Гомельской и Полесской областях эту работу проводила 1-я гвардейская отдельная инженерная ордена Красного Знамени бригада специального назначения под командованием гвардии полковника М. Ф. Иоффе [4]. Органы власти освобожденных районов также принимали непосредственное участие в организации работ по разминированию. Например, решением Витебского облисполкома от 4 января 1944 г. предписывалось «организовать в каждом районе подготовку групп разминеров из числа колхозников и рабочих». При исполкомах райсоветов предусматривалось создание групп разминеров по 5–10 чел. «с оплатой таковых из средств неотложных нужд, отпущенных району» [1, с. 40]. Всего в 32 освобожденных к середине апреля 1944 г. районах Гомельской, Полесской, Могилевской и Витебской областей были подготовлены 106 инструкторов и 1516 бойцов-разминеров [4].

Однако в условиях продолжавшейся войны осенью 1943 – весной 1944 г. работы по разминированию только начинались.

Одной из первоочередных социальных проблем для партийных и советских органов власти освобожденных районов БССР был учет и размещение населения, оставшегося без крова. Так, 12 октября 1943 г. на заседании бюро Могилевского обкома КП(б)Б и облисполкома было принято решение обязать райкомы КП(б)Б и исполкомы райсоветов «Провести в декадный срок учет населения ... Немедленно разместить все население, оставшееся без крова. Одновременно приступить к строительству домов, оказывая в первую очередь помощь семьям воинов Красной армии и партизан. ... Провести силами населения расчистку улиц и уборку остатков от сгоревших домов и других построек в городах, местечках и деревнях. ... Учесть всю жилую площадь коммунальных домов. Выявить все бесхозные дома» [2, л. 4–5].

Для всех местных органов власти большое значение имело Постановление СНК БССР и ЦККП(б)Б «О неотложных мерах помощи по восстановлению и строительству жилищ колхозников, рабочих и служащих освобожденных районов Могилевской, Гомельской, Полесской и Витебской областей Белорусской ССР» от 14 ноября 1943 г. В постановлении отмечалось, что «... Благоустройство оставшегося без крова населения проходит медленно. Облисполкомы и обкомы КП(б)Б оказывают им недостаточную помощь в расселении и организации хотя бы временных жилищных построек». В связи со сложившимся в освобожденных районах республики положением перед советскими и партийными органами областей ставились конкретные задачи: «организовать постройку и восстановление жилищ, а также размещение в сохранившихся селениях оставшихся без крова колхозников, рабочих и служащих ... до наступления зимних холодов. ... До 1 января 1944 года постройку и заселение 8 тысяч новых домов, в том числе по областям: Могилевской – 3 тысячи, Гомельской – 2 тысячи, Полесской – 1 тысячу и по Витебской области – 2 тысячи новых домов. ... Утвердить график постройки новых домов и размещения семей колхозников, рабочих и служащих в сохранившихся домах ... Учитывая наступление холодов и трудности в постройке необходимого количества новых домов для обеспечения всего населения, оставшегося без крова, разрешить строительство землянок, вполне пригодных для перезимовки» [1, с. 22]. На строительство жилых домов колхозников, рабочих и служащих для всех освобожденных районов БССР предусматривалось выделение долгосрочного банковского кредита

в сумме 60 миллионов рублей. Отметим, что сроки, возможности и объем восстановления и строительства жилья в значительной степени зависели от масштаба разрушений. Так, в одном из наиболее пострадавших районов Витебской области – Дубровенском на освобожденной к декабрю 1943 г. территории из 2946 жилых домов осталось только 80, поэтому в землянках, построенных при помощи бойцов Красной армии, размещалась не только значительная часть населения района, но и ряд районных организаций. Часть населения проживала в населенных пунктах в Краснянском и Руднянском районах Смоленской области. Кроме того, в освобожденных сельсоветах Дубровенского района строительство и восстановление жилья невозможно было организовать до согласования вопроса о вырубке леса на территории Смоленской области. В целом в Витебской области только в колхозах к концу апреля 1944 г. было восстановлено 937 жилых домов и построено новых – 179, поставлено 76 срубов и заготовлено 4390 куб. м лесоматериала [1, с. 72–73]. По Могилевской области постановление от 14 ноября 1943 г. предусматривало «отпуск леса колхозам и колхозникам на корню бесплатно из расчета в среднем до 30 кубометров на постройку нового дома и 15 кубометров на восстановление». Наркомместпром, Наркомлес и Белкооппромсовет БССР были обязаны организовать производство: «в Костюковичах – распиловку лесоматериалов и производство оконных, дверных и печных приборов; в Климовичах – изготовление печных, дверных и оконных приборов и обжиг имеющегося в наличии кирпича-сырца; в Кричеве – распиловку лесоматериалов и изготовление печных, дверных и оконных приборов; в Мстиславле – обжиг оставшегося кирпича-сырца, изготовление печных, дверных и оконных приборов» [1, с. 22]. О результатах восстановительных работ в освобожденных районах председатели райисполкомов Могилевской области докладывали на совещании 20 декабря 1943 г. Анализ выступлений показывает, что в силу ограниченности возможностей и в условиях наступившей зимы проблема решалась не столько за счет строительства нового жилья, сколько путем, так называемого «уплотнения», строительства землянок, размещения в пустующих и отремонтированных домах и квартирах. Так, председатель Кричевского райисполкома отмечал: «... район должен был разместить 3697 семей, оставленных фашистами без крова, для чего восстановлено домов – 85, построено новых домов силами колхозников – 113 и землянок – 119, разместив путем уплотнения 2875 семей ...» [2, л. 1–35]. Работа по восстановлению и по-

стройке новых жилых домов и общественных колхозных строений в селах, рабочих поселках и городах была предметом постоянного внимания и в освобожденных районах Гомельской и Полесской областей. Так, только в Будо-Кошелевском районе в феврале 1944 г. на индивидуальное строительство было выделено 2250 куб. м леса. Денежные кредиты на восстановление колхозных построек и строительство жилья превысили 238 тыс. руб. Была создана бригада по строительству домов для семей фронтовиков. К концу мая 1944 г. было построено 485 домов [5, с. 159].

В условиях продолжавшейся войны были существенно ограничены материальные, финансовые, кадровые и иные возможности для восстановления учреждений системы образования. Сложность обстановки военного времени не позволяла в полном объеме осуществить программу всеобщего, вынудила ограничиться обязательным начальным обучением в сельской местности и неполным средним – в городах и поселках. Однако и эта задача оказалась невероятно сложной. Во многих населенных пунктах освобожденных районов Могилевской области, например, «учащиеся 1926, 1927 и 1928 годов почти все угнаны в Германию. Много детей младших возрастов умерли из-за отсутствия медпомощи, а также физически истреблены немцами вместе с родителями. Все это привело к сокращению детей школьного возраста более чем на 30%». В 7 освобожденных районах области (Хотимском, Костюковичском, Краснопольском, Чериковском, Кричевском, Климовичском и Мстиславском) на 15 ноября 1943 г. сохранилось только 59% школьных зданий. Из 577 действовавших до войны школ было уничтожено 237. В большинстве школ отсутствовали учебники, наглядные и письменные принадлежности. 178 школ не работали из-за отсутствия стекла. Всего в этих районах было учтено 48 500 детей школьного возраста. Для этих учащихся необходимо было открыть 471 школу (371 начальную, 88 неполных средних и 12 средних школ). Но на 15 ноября 1943 г. работали только 293 школы, из них: начальных – 225, неполных средних – 62 и средних – 6. Несмотря на активную помощь населения, в том числе и самих учащихся, полностью восстановить материальную базу образования в 1943/1944 учебном году не представлялось возможным [6, л. 73–73 об.]. Практически все школьные помещения и оборудование были уничтожены и на освобожденной части Витебской области. До войны в области было 48 средних, 149 неполных средних и 476 начальных школ. К концу апреля 1944 г. удалось восстановить работу 191 школы (средних – 1,

неполных средних – 15, начальных – 172). Большинство школ работали в приспособленных зданиях. Не было книг по истории, географии, природоведению, по белорусскому языку и литературе, других учебников. Отсутствовали программы для средних школ и методическая литература. Из 14 196 детей школьного возраста посещали школы только 12 848. Это было связано с материальными трудностями семей, инфекционными заболеваниями детей, удаленностью школ и с тем, что в прифронтовой полосе школы не работали [1, с. 86].

Одной из первоочередных задач в сфере образования оставалась проблема обеспечения учреждений образования высококвалифицированными кадрами. Перед началом войны в школах Беларуси работало 54 600 учителей, а в начале 1944/1945 учебного года их насчитывалось лишь около 30 тыс. Многие учителя оказались без работы в годы войны. Так, Бюро Могилевского обкома КП(б)Б отмечало, что «более половины учителей в период немецкой оккупации не имели педагогической работы и использовались на работе по ремонту дорог, заготовке и распиловке дров, работали уборщицами, банщиками». Для подготовки учителей в области было принято решение с 1 января 1944 г. возобновить работу Мстиславского училища, открыть педагогические курсы на 200–250 чел., периодически созывать кустовые совещания учителей для обмена опытом [6, л. 73]. В школах Полесской области весной 1944 г. не хватало 1500 учителей (работало 1678). Решение кадровой проблемы осуществлялось посредством возвращения учителей, перешедших на работу в другие отрасли или вернувшихся из эвакуации. В Мозыре было открыто педучилище, которое готовило учителей начальных классов, действовали краткосрочные курсы. 23 февраля 1944 г. СНК БССР принял постановление о возобновлении работы Рогачевского учительского института в г. Мозыре. Однако занятия в институте начались только с 1 октября 1944 г. [7]. В целом восстановление системы образования в 1943/1944 учебном году происходило медленно. К полномасштабному комплексу мер по восстановлению материально-технической базы, решению кадровой проблемы, совершенствованию воспитательной работы учреждения образования приступили летом 1944 г. и в 1944/1945 учебном году.

В освобожденных районах БССР проводилась большая работа по оказанию помощи детям-сиротам. Были организованы учет, регистрация и определение в приемники-распределители детей, оставшихся без родителей. В случае невозможности возвращения детей к

родителям их направляли в детские дома или на патронирование. Дети старше 14 лет устраивались приемниками-распределителями НКВД на работу [6, л. 45–46]. В январе 1944 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) в целях оказания неотложной помощи детям-сиротам обязал СНК БССР «организовать до 1 апреля 1944 г. в Гомельской, Полесской, Витебской и Могилевской областях специальные детские дома с общим контингентом воспитанников на 3 тыс. детей и детские приемники-распределители на 400 детей» [8, с. 488]. К концу апреля 1944 г. только в Витебской области было учтено 1845 детей-сирот, из них: патронировано – 621, усыновлено – 44, устроено в детдома – 465, трудоустроено – 36, направлено в школы ФЗО – 8, подлежали трудоустройству – 671 чел. В области организовали 2 специальных детских дома на 360 мест и 3 общих детских дома на 420 мест [1, с. 86].

Одним из приоритетов социальной политики уже на начальном этапе восстановительных работ была помощь семьям военнослужащих и партизан. Усилия в этой области носили адресный характер и подкреплялись на законодательном уровне. Льготы по поставкам сельхозпродуктов государству, кредиты на восстановление и строительство жилья, организация для детей воинов Красной армии и партизан суворовских военных училищ, специальных ремесленных училищ, детских домов, приемников-распределителей были намечены постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». 27 июля 1943 г. ЦК КП(б)Б принял решение создать при СНК БССР Управление по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих и партизан. Первые отделы по государственному обеспечению были созданы в Витебской, Могилевской, Гомельской и Полесской областях. Так, постановление Могилевского облисполкома и бюро обкома КП(б)Б «Об организации отдела по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих и партизан при городских и районных исполнительных комитетах Советов депутатов трудящихся» было принято уже 31 октября 1943 г. В соответствии с ним аналогичные отделы создавались при районных (городских) исполкомах Советов освобожденных районов. На отделы возлагалось «... а) Обеспечение пособиями и пенсиями семей военнослужащих и партизан рядового и сержантского состава Красной армии и Военно-морского флота, в соответствии с действующим законодательством. б) Трудовое устройство и прове-

дение мероприятий по удовлетворению материально-бытовых нужд семей военнослужащих и партизан. в) Обеспечение семей военнослужащих и партизан установленными для них законом льготами. г) Рассмотрение заявлений и жалоб, поступающих от семей военнослужащих и партизан, и принятия по ним необходимых мер». Это же постановление предусматривало создание комиссий по назначению пособий и пенсий семьям военнослужащих рядового и сержантского состава и семьям партизан [6, л. 22–23]. В освобожденных районах Витебской области было взято на учет «семей военнослужащих и партизан 15 156 чел., которым выплачено пособий на сумму 1 098 305 руб., оказана материальная помощь 1338 семьям, в т. ч. одеждой – 668 семьям, обувью – 134, продуктами и зерном – 653 в количестве 653 ц и картофеля в количестве 369 ц. Семьям военнослужащих и партизан предоставлено льгот по налогам – 920 хозяйствам и по госпоставкам – 862 хозяйствам» [1, с. 86].

С серьезными проблемами столкнулись местные органы власти освобожденных районов и в сфере медицинского обслуживания населения. Значительное количество медицинских учреждений было разрушено. Кроме того, во время оккупации широкое распространение получили инфекционные болезни: чесотка, малярия, сыпной и брюшной тиф. Так, в освобожденных районах Могилевской области отмечался значительный рост заболевания сыпным тифом. На 16 ноября 1943 г. в 7 полностью или частично освобожденных районах было зарегистрировано около 200 случаев заболевания. Особенно неблагополучными были Мстиславский район (77 случаев в 9 населенных пунктах) и Дрибинский район (73 случая в 13 населенных пунктах) [6, л. 80]. Сложная санитарно-эпидемиологическая обстановка потребовала принятия безотлагательных мер. В конце 1943 – начале 1944 г. были созданы чрезвычайные противоэпидемические комиссии (республиканская, областные, городские, районные и сельские). Республиканская противоэпидемическая комиссия только в конце 1943 – начале 1944 г., например, провела два выездных заседания в наиболее пораженных сыпным тифом районах Гомельской и Полесской областей [9]. Могилевская областная чрезвычайная противоэпидемическая комиссия была создана 19 ноября 1943 г. в соответствии с постановлением Могилевского облисполкома и бюро обкома КП(б)Б «О мероприятиях по борьбе и профилактике заболеваний сыпным тифом». Постановление предусматривало личную ответственность председателей райисполкомов и секретарей райкомов КП(б)Б в осуществлении своевременной

госпитализации всех сыпнотифозных больных; выделение необходимого транспорта; проведение поголовной тщательной санитарной обработки всего населения в населенных пунктах, неблагополучных по сыпному тифу; строительство и ремонт бань и дезинсекторов по каждому населенному пункту; строгий карантин сроком на 14 дней после госпитализации последнего больного; ежедневный медицинский подворный обход в сыпнотифозных очагах. Было решено провести расширение и ремонт больниц в Горловке (до 601 коек), Мстиславле (до 60 коек), Кричеве (до 60 коек, из них – 25 инфекционных), Шамове и Широково (на 20 коек в каждом). Поскольку в сложившейся ситуации медицинские учреждения области самостоятельно справиться с ростом числа заболеваний инфекционными болезнями не могли, Наркомату здравоохранения БССР была адресована просьба: «а) Отпустить для оборудования больницы имущества на 300 коек, 1 тонну мыла «К», 20 гидропульта, 5 дезкамер, 2 тонны хозяйственного мыла, одну грузовую автомашину и срочно отправить зараженное имущество. б) Командировать в распоряжение Могилевского облздравотдела на постоянную работу 10 квалифицированных врачей различной специальности. в) Командировать в распоряжение Могилевского облздравотдела сроком на 1,5–2 месяца противоэпидемическую бригаду, оснащенную дезсредствами и дезаппаратурой» [6, л. 81–82]. Большая работа по восстановлению системы здравоохранения и борьбе с эпидемическими заболеваниями проводилась в освобожденных районах Витебской области. Для медицинского обслуживания населения освобожденных районов к концу апреля 1944 г. было открыто 19 больниц на 2045 коек, 16 врачебных участков, 27 фельдшерских пунктов, 2 хирургических отделения и 1 дом младенца на 60 коек. Было построено и оборудовано 1897 бань и 115 дезкамер, принимались меры к своевременной госпитализации и изоляции больных, проводилась профилактическая работа. Однако во всех медицинских учреждениях работали только 67 врачей и 295 человек среднего медицинского персонала, ощущался большой недостаток медикаментов, бельем и мягким

инвентарем они были обеспечены на 50%. В области только на протяжении 4 месяцев 1944 г. было зарегистрировано 7957 случаев заболевания сыпным тифом и 143 – брюшным [1, с. 87].

Существенную помощь в восстановлении учреждений здравоохранения и борьбе с эпидемиями оказывала армейская медицинская служба. Например, в мае – июне 1944 г. военно-санитарной службой 1-го Белорусского фронта на освобожденной территории Гомельской и Полесской областей было выявлено и госпитализировано в армейские и фронтовые госпитали 3,8 тыс. инфекционных больных. Около 4 тыс. человек было помещено в местные больницы и изоляторы. Санитарной обработке фронтовыми средствами в очагах инфекций подверглись 307 тыс. жителей, было дезинфицировано 340 тыс. комплектов их белья и одежда. В очагах работали 10 армейских эпидемиологических отрядов, оснащенных санитарной техникой и дезинфекционными средствами. Военские части построили для населения 140 бань и 108 дезинфекционных камер. В Гомеле были отремонтированы и введены в эксплуатацию 2 бани и 12 санпропускников [9].

В целом усилия местных органов власти по восстановлению социальной сферы в освобожденных осенью 1943 – весной 1944 г. районах БССР осуществлялись планомерно и носили адресный характер. Отдельной проблемой являются меры по поддержке и оказанию помощи многодетным семьям, пенсионерам, инвалидам и некоторым другим категориям населения.

Заключение. Освобождение территории БССР, начавшееся осенью 1943 г., завершилось только во время осуществления операции «Багратион» в августе 1944 г., поэтому политический и экономический контекст Великой Отечественной войны существенным образом влиял на приоритеты и содержание социальной политики на освобожденной территории республики. В целом в условиях продолжавшейся войны можно говорить лишь о начальном этапе восстановления социальной сферы и возвращения населения освобожденной осенью 1943 – весной 1944 г. территории БССР к мирной повседневной жизни.

Список литературы

1. Витебщина освобожденная: октябрь 1943 – декабрь 1945 г.: документы и материалы / сост.: Н. В. Воронов [и др.]. Витебск: Витебск. обл. тип., 2019. 584 с.
2. Гомель: город, опаленный войной (1941–1945 года) [Электронный ресурс]. Режим доступа: zinref.ru/000_uchebniki/02800_logika/011_lekcii_... Дата доступа: 17.08.2020.
3. Государственный архив общественных объединений Могилевской области (ГАОМО). Ф. 9. Оп. 1. Д. 2.
4. После освобождения: из истории разминирования территории Гомельской и Полесской областей в 1943–1946 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: zen.yandex.ru/...razminirovaniia...polesskoi...1943-1946... Дата доступа: 17.08.2020.

5. Скрабіна Л. С., Вернікоўскі А. Д. Вызваленне Буда-Кашалеўскага раена і аднаўленне гаспадаркі (1943–1944 гг.) // Векапомныя дні вызвалення: материалы Респ. науч.-практ. конф., посвященной 75-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков (Гомель, 2 мая 2019 г.) / под общ. ред. Е. Г. Кириченко; М-во трансп. и коммуникаций Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т трансп. Гомель: БелГУТ, 2019. С. 155–159.

6. ГАОМО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1.

7. Восстановление и образование на Мозырщине [Электронный ресурс]. Режим доступа: ussrvopros.ru/sovetskie-respubliki...vosstanovlenie... Дата доступа: 17.08.2020.

8. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 7. 1938–1945. Москва: Политиздат, 1985. 9-е изд. 574 с.

9. Участие медицинских работников Гомельской и Полесской областей в Великой Отечественной войне [Электронный ресурс]. Режим доступа: nashkraj.info...gomelskoj...polesskoj...otechestve. Дата доступа: 17.08.2020.

References

1. Voronova N. V., Kokhanko V. P., Petukhov Yu. S., Pishchulenok M. V., Selemenev V. D., Skalaban V. V., Shirma V. G. *Vitebshchina osvobozhdennaya: oktyabr' 1943 – dekabr' 1945* [Vitebsk region liberated: October 1943–December 1945]. Vitebsk, Vitebsk reg. tip. Publ., 2019. 584 p.

2. *Gomel': gorod, opalennyu voynoy* (1941–1945) [Gomel: a city scorched by war (1941–1945)] [Electronic resource]. Available at: http://zinref.ru/000__uchebniki/02800_logika/011_lekcii... (accessed 17.08.2020).

3. The State Archive of Public Associations of the Mogilev Region (SAPAMR). Fund 9. Op. 1. D. 2.

4. *Posle osvobozhdeniya: iz istorii razminirovaniya territorii Gomel'skoy i Polesskoy oblastey v 1943–1946 gg.* [After liberation: from the history of demining of the territory of Gomel and Polesie regions in 1943–1946] [Electronic resource]. Available at: <http://zen.yandex.ru...razminirovaniia...polesskoi...1943-1946...> (accessed 17.08.2020).

5. Skrabina L. S., Vernikouski A. D. Liberation of Buda-Kashaleuski district and restoration of the economy (1943–1944). *Materialy Respublikanskoj nauchno-praktichskoy konf., posvyashchennoy 75-letiyu osvobozhdeniya Belarusi ot nemetsko-fashistskikh zakhvatchikov* (“*Vekapomnyya dni vyzvalennyya*”) [Materials of the Republican Scientific-Practical conference dedicated to the 75th anniversary of the liberation of Belarus from Nazi invaders (“Memorable days of liberation”)]. Gomel', May, 2, 2019; Ministry of transport. Gomel', 2019, pp. 155–159 (In Russian).

6. SAPAMR. Fund 9. Op. 1. D. 1.

7. *Vosstanovleniye i obrazovaniye na Mozyrshchine* [Restoration and education in the Mozyr region] [Electronic resource]. Available at: [http://ussrvopros.ru/sovetskie-respubliki os vosstanovlenie...](http://ussrvopros.ru/sovetskie-respubliki%20os%20vosstanovlenie...) (accessed 17.08.2020).

8. *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsiy i plenumov TsK (1898–1986)* [The CPSU in the resolutions and Decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1986)]. Moscow, Politizdat Publ., 1985, vol. 7 (1938–1945), issue 9. 574 p. (In Russian).

9. *Uchastiye meditsinskikh rabotnikov Gomel'skoy i Polesskoy oblastey v Velikoy Otechestvennoy voyne* [Participation of medical workers of Gomel and Polesie regions in the Great Patriotic War] [Electronic resource]. Available at: <http://nashkraj.info...gomelskoj...polesskoj...otechestve> (accessed 17.08.2020).

Информация об авторе

Опиок Тамара Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры археологии, истории Беларуси и специальных исторических дисциплин. Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова (212022, г. Могилев, ул. Космонавтов, 1, Республика Беларусь). E-mail: opiokt@mail.ru

Information about the author

Opiok Tamara Vladimirovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Archeology, History of Belarus and Special Historical Disciplines. Mogilev State A. Kuleshov University (1, Kosmonavtov str., 212022, Mogilev, Republic of Belarus). E-mail: opiokt@mail.ru

Поступила 10.09.2020

УДК 94(476)

І. А. Андарала

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

**АГУЛЬНАЯ КАНЦЭПЦЫЯ І АСНОЎНЫЯ МЕТАДЫ ДАСЛЕДАВАННЯ
ДЗЯРЖАЎНАЙ ПАЛІТЫКІ ПА РАЗВІЦЦІ
АГУЛЬНАЙ СЯРЭДНЯЙ АДУКАЦЫІ БЕЛАРУСІ Ў 1943–1980-Я ГГ.**

У артыкуле раскрываецца аўтарская канцэпцыя і метадалогія даследавання дзяржаўнай палітыкі па развіцці агульнай сярэдняй адукацыі Беларусі ў 1943–1980-я гг. Яна ўключае гісторыка-матэрыялістычны і элементы цывілізацыйнага падыходаў, дасягненні тэарэтычнай думкі, заснаваныя на навуковых даследаваннях гісторыкаў, філосафаў, педагогаў, палітычных і дзяржаўных дзеячаў мінулага і сучаснасці па праблемах агульнаадукацыйнай школы.

Ключавыя словы: канцэпцыя, метадалогія, дзяржаўная палітыка, адукацыя, школа.

I. A. Andarala

Belarusian State Technological University

**GENERAL CONCEPT AND BASIC RESEARCH METHODS
OF STATE POLICY FOR THE DEVELOPMENT
OF GENERAL SECONDARY EDUCATION IN BELARUS IN THE 1943–1980s**

The article reveals the author's concept and methodology for the study of state policy on the development of general secondary education in Belarus in the 1943–1980s, which includes the historical-materialistic and elements of civilization approaches, the achievements of theoretical thought based on scientific research of historians, philosophers, teachers, political and statesmen of the past and present on the problems of secondary schools.

Key words: concept, methodology, public policy, education, school.

Уводзіны. Айчынная гістарычная навука разглядае метадалогію як вучэнне аб навуковым метадзе пазнання або як сістэму навуковых прынцыпаў, на якіх грунтуецца даследаванне і ажыццяўляецца выбар сукупнасці пазнавальных сродкаў, метадаў, прыёмаў для яго правядзення. Асноўнымі функцыямі, якія выконвае метадалогія, з'яўляюцца: вызначэнне спосабаў атрымання навуковых ведаў, якія адлюстроўваюць дынамічныя працэсы і з'явы; накірункі даследавання для дасягнення навукова-даследчай мэты; забеспячэнне ўсебаковага атрымання інфармацыі аб працэсе або з'яве, якая вывучаецца; аказанне дапамогі ва ўключэнні новай інфармацыі ў абыход; забеспячэнне ўдакладнення, узбагачэння, сістэматызацыі тэрмінаў і паняццяў; стварэнне сістэмы навуковай інфармацыі, якая грунтуецца на навуковых фактах. Такім чынам, метадалогія – гэта канцэптуальнае абгрунтаванне мэты, зместу, метадаў даследавання, якія забяспечваюць атрыманне максімальна аб'ектыўнай, дакладнай, сістэматызаванай інфармацыі аб працэсах і з'явах.

Асноўная частка. У адпаведнасці з аб'ектам нашага даследавання мы прытрымліваемся канцэпцыі, што на працягу ўсёй савецкай гісторыі, у тым ліку і з 1943 па 1980-я гг., дзяржаўная палітыка ў галіне развіцця агульнай

сярэдняй адукацыі Беларусі з'яўлялася састаўной часткай агульнай партыйна-дзяржаўнай палітыкі як СССР у цэлым, так і Беларускай ССР, у прыватнасці, адпавядала класавай дактрыне і вызначаным у дакументах КПСС стратэгічным і тактычным мэтам. Менавіта таму практычна ўся дзейнасць агульнаадукацыйнай школы краіны вызначалася сумеснымі рашэннямі ЦК КПСС і Савета Міністраў СССР. Як правіла, гэтыя рашэнні дубліраваліся на ўзроўні ЦК КПБ і Савета Міністраў БССР.

Пад дзяржаўнай палітыкай па развіцці агульнай сярэдняй адукацыі Беларусі мы разумеем агульны план дзеянняў палітыка-адміністрацыйных органаў улады рэспублікі, накіраваных на рашэнне важных, уплывовых на адукацыю і выхаванне вучнёўскай моладзі праблем.

Сярэдняя агульнаадукацыйная школа рэспублікі за акрэслены намі савецкі перыяд прайшла доўгі шлях свайго гістарычнага развіцця. Будучы дэтэрмініравана гістарычна, школьная палітыка, якая праводзілася ў БССР, не магла заставацца нязменнай. Яна фарміравалася ў адпаведнасці з аб'ектыўнымі ўмовамі, у якіх знаходзілася савецкая дзяржава і рэспубліка з іх запатрабаванасцю ў гістарычна вызначаным узроўні адукацыі і культуры насельніцтва, а таксама неабходнасцю нарошчвання інтэлектуальнай

патэнцыял грамадства. Побач з гэтымі аб'ектыўнымі ўмовамі на фарміраванне школьнай палітыкі ў рэспубліцы аказаў уздзеянне такія істотныя суб'ектыўныя фактары, як стратэгія і тактыка кіруючай камуністычнай партыі ў галіне развіцця агульнаадукацыйнай школы.

Выкарыстоўваючы сваё манапольнае становішча ў савецкім грамадстве, КПСС распрацоўвала стратэгію і асноўныя накірункі развіцця сярэдняй агульнаадукацыйнай школы краіны зыходзячы са свайго бачання шляхоў і сродкаў пабудовы сацыялізму, сваіх палітычнай, ідэйна-тэарэтычнай і арганізатарскай функцый: усеагульная і роўная адукацыя ўсіх дзяцей і падлеткаў, стварэнне ўмоў, якія забяспечвалі яе даступнасць; пэдагагічнае авалоданне ўсё больш высокім узроўнем агульнай адукацыі (усеагульная пачатковая, затым сямігадовая, васьмігадовая, сярэдняя); вызначала агульную накіраванасць школы як адзінай, працоўнай, політэхнічнай; забяспечвала панаванне марксісцка-ленінскай ідэалогіі і светапогляднай накіраванасці вучэбнага і выхаваўчага працэсаў.

Манапалізм партыі распаўсюджваўся і на арганізатарскія забеспячэнне рэалізацыі школьнай палітыкі ў жыццё. Гэта вырашалася праз жорсткую кадравую работу, ідэалагічны кантроль кіруючых і педагагічных кадраў. Многія рашэнні па развіцці агульнаадукацыйнай школы мелі сілу адміністрацыйнага распараджэння, дзе неабходныя эканамічныя і матэрыяльныя перадумовы падмяняліся пазаканамічнымі мерамі на аснове партыйнай дысцыпліны.

Для доказу вылучанай канцэпцыі неабходна пераасэнсаваць змест і вынікі партыйна-дзяржаўнага кіраўніцтва сярэдняй агульнаадукацыйнай школай рэспублікі ў акрэсленыя намі гістарычныя перыяды.

Безумоўна, з улікам важнасці школьнай адукацыі ў сацыяльна-эканамічным развіцці рэспублікі праблема генезісу агульнаадукацыйнай школы Беларусі ў 1943–1980-я гг. знайшла сваё асвятленне ў працах беларускіх навукоўцаў савецкага часу. Аднак партыйная манаполія аказала свой уплыў і на падыходы да даследавання палітыкі па развіцці савецкай сярэдняй агульнаадукацыйнай школы БССР. Працы гісторыкаў савецкага перыяду абпіраліся на тэарэтычныя пастулаты кіруючай камуністычнай партыі і практыку кіраўніцтва партыйна-дзяржаўных структур адукацыйнай сферай. Перакананасць у правільнасці партыйна-дзяржаўнай палітыкі ў галіне школьнай адукацыі асноўвалася на поспехах, дасягнутых савецкай школай у канцы 1920–1930-х гг. (ліквідацыя непісьменнасці, увядзенне ўсеагульнага пачатковага навучання). Менавіта таму ў працах беларускіх гісторыкаў асноўная ўвага

ўдзялялася адлюстраванню беспамылковасці партыйна-дзяржаўнай адукацыйнай палітыкі, гіпертрафіраванай пазітыўнай ацэнцы поспехаў і дасягненняў у развіцці агульнаадукацыйнай школы, фарміраванню ўяўлення аб вырашанасці асноўных праблем навучання і выхавання навучэнцаў. Спробы нестандартнага і неазангажыраванага погляду на генезіс школьнай адукацыі БССР натыкаліся на жорсткую забарону. У тых жа выпадках, калі крытыка выказвалася, аўтары вымушаны былі дзейнічаць у рамках агульнапрынятай (дакладней – дазволенай) метадалагічнай дактрыны. Адсутнасць у даследаваннях усебаковага аналізу наяўных праблем і супярэчнасцей негатыўна сказвалася на ўзроўні навукова-тэарэтычных абагульненняў і вывадаў, зніжала практычную значнасць навуковых рэкамендацый.

Трэба адзначыць, што, нягледзячы на даволі шырокую гістарыяграфію па пытаннях партыйна-дзяржаўнага кіраўніцтва школьнай адукацыі рэспублікі, па-за межамі тэарэтычнага і практычнага асэнсавання аказаліся многія аспекты развіцця агульнай сярэдняй адукацыі і яе месца ў сістэме грамадскіх адносін. У прыватнасці, не атрымалі неабходнага асвятлення супярэчнасці паміж узроўнем агульнаадукацыйнай падрыхтоўкі навучэнцаў і грамадскімі патрэбнасцямі, прадыхаванымі навукова-тэхнічным прагрэсам.

Сёння ў постсавецкай гістарычнай навуцы ідуць працэсы ўдакладнення і ўзбагачэння метадалогіі даследаванняў, вызвалення яе ад дагматызму і ідэалагічных штампаў, празмернай палітызацыі. Усё больш выразна праяўляецца тэндэнцыя пераходу да метадалагічнага плюралізму, які дае магчымасць выкарыстоўваць любы філасофска-сацыялагічны інструментарый ва ўсёй яго разнастайнасці для дасягнення аб'ектыўнасці ў пазнанні гістарычнага развіцця. Адны вучоныя лічаць гэта натуральнай заменай састарэлых тэарэтычных пастулатаў і падыходаў новымі, другія называюць іх метадалагічнай рэвалюцыяй. Тым не менш ўсе яны прызнаюць дадзеныя з'явы заканамернымі, але далёкімі ад завершанасці і выступаюць за працяг распрацоўкі метадалогіі гістарычных даследаванняў.

Метадалагічную аснову даследавання дзяржаўнай палітыкі па развіцці сярэдняй агульнаадукацыйнай школы ў акрэсленыя намі перыяды склаў комплексны дыялектыка-матэрыялістычны падыход у пазнанні, згодна з якім развіццё грамадства разглядаецца як гістарычны працэс, які абумоўлены аб'ектыўнымі заканамернасцямі і разам з тым знаходзіцца пад уплывам суб'ектыўнага фактара (дзейнасць палітычных партый, асоб). Дыялектычны падыход дазволіў

абгрунтаваць прычынна-выніковыя сувязі, працэсы дыферэнцыяцыі і інтэграцыі, пастаянную супярэчнасць паміж сутнасцю і з'явай, зместам і формай, аб'ектыўнасць у ацэнцы дзяржаўнай палітыкі па развіцці агульнаадукацыйнай школы рэспублікі ў межах перыяду даследавання.

У якасці тэарэтыка-метадалагічнай асновы даследавання намі былі выкарыстаны базавыя прынцыпы гістарычнай навукі, якія прызнаюцца прадстаўнікамі розных гісторыка-філасофскіх школ і накірункаў – аб'ектыўнасці, гістарызму, сістэмнасці, сацыяльнага падыходу, пераемнасці. Яны садзейнічаюць вывучэнню разнастайных працэсаў і з'яў у іх развіцці і ўзаема сувязі на аснове выкарыстання шырокага кола крыніц. Гэта дазволіла найбольш поўна здзейсніць навуковую рэканструкцыю працэсу пасляваеннага аднаўлення і наступнага развіцця школьнай адукацыі ў Беларусі.

Прынцып аб'ектыўнасці з'яўляецца асновай сучаснай навуковай практыкі. Ён патрабуе непрадузятнасці, незалежнасці меркаванняў ад светапоглядных і грамадска-палітычных арыентацый даследчыка. Навуковая аб'ектыўнасць у першаю чаргу заключаецца не ў адхіленні крытычных меркаванняў і ацэнак, а ў грунтоўным высвятленні рэальных працэсаў і супярэчнасцей, што працягваюцца на працягу пэўнага перыяду даследавання.

У савецкі час у выніку цеснай залежнасці метадалогіі ад дзяржаўнай ідэалогіі гістарычна навуковыя даследаванні, як правіла, праводзіліся ў рэчышчы дасягненняў партыйна-дзяржаўнай палітыкі ў розных галінах, у тым ліку і ў сферы развіцця школьнай адукацыі. Такі вузкапартыйны падыход пры аналізе грамадска-эканамічнага становішча, сацыяльных працэсаў, якія адбываліся ў грамадстве, прарэчыў аб'ектыўнаму адлюстраванню пазітыўных і негатыўных тэндэнцый у сферы агульнай сярэдняй школы. Плюралізм у метадалогіі дазволіў вывучаць гістарычны вопыт развіцця школьнай адукацыі з пазіцыі аб'ектыўнасці, уліку канкрэтнай сацыяльна-палітычнай абстаноўкі, матывацыі дзяржаўных рашэнняў у канкрэтны гістарычны перыяд на аснове верагодных фактаў і гістарычных падзей. Збор, сістэматызацыя і аналіз канкрэтнага фактычнага матэрыялу, што быў пачэрпнуты з разнастайных крыніц, яго навуковае асэнсаванне дало нам магчымасць скласці найбольш поўнае і дакладнае ўяўленне аб дзяржаўнай палітыцы ў галіне развіцця агульнай сярэдняй адукацыі рэспублікі ў акрэслены намі перыяд. Пры гэтым мы імкнуліся прытрымлівацца аб'ектыўных ацэнак розных навуковых поглядаў на працэсы школьных пераўтварэнняў, пазбягаць

папярэдніх стэрыятыпаў пры аналізе вынікаў у развіцці сярэдняй агульнаадукацыйнай школы рэспублікі.

Зыходзячы з таго, што аб'ектыўны аналіз і асэнсаванне дзяржаўнай палітыкі па развіцці школьнай адукацыі Беларусі ў акрэслены перыяд магчымы толькі пры ўмове яе даследавання ў строгай адпаведнасці з канкрэтна-гістарычнымі абставінамі, у іх узаема сувязі і ўзаемаабумоўленасці, мы таксама кіраваліся прынцыпам гістарызму. Выкарыстанне яго ў навуковых даследаваннях грунтуецца на шэрагу ўласцівых яму пераваг.

У прыватнасці, універсальнасці, даступнасці і зручнасці, неабмежаванасці храналагічных і прасторавых перыядаў навуковага пошуку, разнастайнасці арсеналу ўзаемадапаўняючых гістарычных метадаў, іх арганічнай сувязі з агульнанавуковымі і іншымі метадамі даследавання.

Выкарыстанне прынцыпу гістарызму забяспечыла магчымасць вызначыць стан даследавання праблемы развіцця агульнаадукацыйнай школы Беларусі ў сувязі з гістарыяграфічнай сітуацыяй, якая мела месца ў розныя перыяды назапашвання ведаў па данай тэматыцы. Паслядоўная апора на яго стала асноўнай перадумовай вызначэння ўплыву сацыяльна-эканамічных, сацыяльна-палітычных і іншых фактараў, дэтэрмініруючых падзей, тэндэнцый і супярэчнасцей развіцця сярэдняй агульнаадукацыйнай школы рэспублікі на этапах яе паступальнага развіцця ў межах акрэсленага перыяду. Грунтуючыся на прынцыпе гістарызму, былі прааналізаваны прычыны і вынікі рэфармавання агульнаадукацыйнай школы. Глыбокі і аб'ектыўны аналіз назапашанага школьнай сістэмай гістарычнага вопыту садзейнічаў атрыманню больш поўных навуковых абагульненняў і аргументаваных вывадаў. Гістарычны вектар даследавання эвалюцыі школьнай адукацыі дазволіў выявіць механізм фарміравання дзяржаўнай палітыкі ў галіне школьнай адукацыі рэспублікі ў канкрэтна-гістарычных умовах і эфектыўнасць яе рэалізацыі.

Даследаванне таксама грунтавалася на прынцыпе сістэмнасці. Як адзін з фундаментальных класічных прынцыпаў сучаснага навуковага пазнання, ён прадугледжвае даследаванне з'яў не ізалявана, як аўтаномных адзінак, а як узаемадзеянне і сувязь розных кампанентаў цэлага, выяўлення ў сістэме тэндэнцый і асноўных заканамернасцей. У адпаведнасці з прынцыпам сістэмнасці дзяржаўная палітыка ў галіне агульнай сярэдняй адукацыі разглядалася намі як цэласная з'ява ў сукупнасці прычынна-выніковых і функцыянальных сувязей. Прынцып сістэмнасці непасрэдна

спрыяў выбару шляхоў і спосабаў рашэння пастаўленых у даследаванні задач, лагічна-паслядоўнаму выкладу матэрыялу.

Апора на прынцып сацыяльнага падыходу абавязвала разглядаць развіццё агульнай сярэдняй адукацыі як сацыяльна-культурную з'яву, на якую аказвае ўплыў сукупнасць розных фактараў (палітычных, ідэалагічных, эканамічных, сацыяльных) у комплексе з суб'ектыўным уплывам дзяржаўных асоб.

Важнай перадумовай для аналізу гістарыяграфіі па праблеме даследавання меў прынцып пераемнасці, які часта ігнараваўся, асабліва ў дачыненні да навуковых прац даследчыкаў савецкага часу. Выкарыстанне дадзенага прынцыпу дало магчымасць забяспечыць сувязь новых ведаў з навуковымі напрацоўкамі папярэднікаў і пазбегнуць суб'ектывізму ў ацэнцы гістарыяграфіі развіцця агульнай сярэдняй школы рэспублікі ў акрэслены перыяд.

Прынцыпы гістарычнага пазнання ў працэсе даследавання рэалізаваліся намі праз выкарыстанне агульных філасофскіх (дыялектычны), агульнанавуковых (аналіз і сінтэз, сістэмна-структурны), міждысцыплінарных (параўнальна-статыстычны, сістэматызацыі) і спецыяльных гістарычных (гісторыка-генетычны, праблемна-храналагічны, гістарыка-параўнальны, навуковай абстракцыі, перыядызацыі, эўрыстычнага) метадаў даследавання.

На агульнафіласофскім узроўні тэарэтыка-метадалагічную аснову даследавання склала сукупнасць ідэй, якія адносяцца да дыялектыка-матэрыялістычнага разумення тэорыі і гісторыі. Дзякуючы гэтаму, мы мелі магчымасць аб'ектыўна і ўсебакова прааналізаваць генезіс сістэмы агульнай сярэдняй адукацыі рэспублікі.

Агульнанавуковыя метады дазволілі лепш усвядоміць працэс развіцця агульнай сярэдняй адукацыі Беларусі ў акрэслены перыяд і выдзеліць пэўныя асаблівасці і тэндэнцыі для розных часовых этапаў.

Метады аналізу і сінтэзу далі магчымасць разгледзець школьную адукацыйную мадэль рэспублікі як арганізаваны комплекс элементаў, складаючых яго цэласнасць.

У прыватнасці, да метаду перакрываванага і параўнальнага аналізу мы звярталіся ў працэсе работы са статыстычнымі выданнямі савецкага перыяду, паколькі яны складзены па спецыфічнай метадыцы.

Сістэмна-структурны метады прадугледжвае вывучэнне ўнутраных сувязей паміж элементамі сістэмы. Яго асаблівасць заключаецца ў тым, што ён арыентаваны на раскрыццё цэласнасці аб'екта, на выяўленне разнастайных тыпаў сувязей і звязнення іх у адзіную тэарэтычную карціну. Выкарыстанне намі сістэмна-

структурнага метады дазволіла вызначыць галоўныя структурныя элементы школьнай мадэлі рэспублікі ў межах даследавання і іх узаемаўплыў.

Значная ўвага ў ходзе даследавання намі ўдзялялася выкарыстанню міждысцыплінарных метадаў даследавання.

Пры даследаванні дынамікі колькасных і якасных змен у сетцы школ, кантынгенце навучэнцаў, складзе настаўніцкіх кадраў шырока выкарыстоўваўся параўнальна-статыстычны метады. Ён дазваляў адсачыць эвалюцыю паказчыкаў на працягу ўсяго вызначанага перыяду. На падставе архіўных матэрыялаў была зроблена апрацоўка даных і прааналізаваны па гадах змены, якія адбыліся ў колькасці школ, навучэнцаў і настаўнікаў на працягу перыяду даследавання.

Метады сістэматызацыі прадугледжвае ўпарадкаванне пэўнага мноства разрозненых аб'ектаў і ведаў пра іх. Упарадкаванне ажыццяўляецца шляхам адрознення і аднолькавасці структур і элементаў. Вынікам сістэматызацыі становіцца стварэнне пэўнай сістэмы аб'ектаў. Метады сістэматызацыі выкарыстоўваўся намі ў ходзе вывучэння і аналізу гістарыяграфіі. Такім чынам, навуковыя напрацоўкі, выкарыстаныя ў працэсе даследавання, былі згрупіраваны па пэўных агульных характарыстыках. Метады сістэматызацыі таксама быў выкарыстаны пры аналізе базы крыніц даследавання.

Асабліва важнае значэнне ў даследаванні мела выкарыстанне спецыяльных гістарычных метадаў даследавання.

У прыватнасці, сярод спецыяльных метадаў гістарычнага пазнання намі быў выкарыстаны гісторыка-генетычны метады даследавання. Яго прымяненне садзейнічала ўстанаўленню прычынна-выніковых сувязей і заканамернасцей гістарычных падзей. Таксама мы змаглі вызначыць вытокі нездавальняючага стану матэрыяльнай базы агульнаадукацыйных школ. У ходзе даследавання даказана іх сувязь з развіццём народнай гаспадаркі.

У аснову кампанавання раздзелаў навуковай працы пакладзены праблемна-храналагічны метады. Яго выкарыстанне дапамагло вызначыць структурную кампазіцыю даследавання, не парушаючы пры гэтым паслядоўнасць развіцця гістарычных падзей. Такі падыход дазволіў прасачыць эвалюцыю палітыкі ў сферы школьнай адукацыі.

Апора на гісторыка-параўнальны метады дазволіла даследаваць мэты, задачы і асаблівасці дзяржаўнай палітыкі ў галіне школьнай адукацыі на розных этапах развіцця грамадства.

Выкарыстанне метаду навуковай абстракцыі дало магчымасць засяродзіць увагу на найбольш сутнасных асаблівасцях працэсу і пакінуць без увагі другараднае. З дапамогай навуковай абстракцыі фарміруецца ідэальны вобраз рэальнасці, таму ў ходзе даследавання ўдалося вызначыць асноўныя тэндэнцыі ў развіцці агульнаадукацыйнай школы Беларусі ў вызначаны часовы дыяпазон.

Вызначэнню структуры даследавання спрыяў метады перыядызацыі, дзякуючы якому знойдзена ўзаемасувязь перыядаў развіцця школьнай адукацыі са зменамі ў грамадска-палітычным жыцці рэспублікі.

Для аналітыка-пошукавай работы ў архіўных установах выкарыстоўваўся эўрыстычны метады.

Адна з асаблівасцей выкарыстанай намі метадалогіі заключалася ў прымяненні герменеўтычнага метаду, які патрабуе тлумачэння гістарычных фактаў не толькі з храналагічных, але і «сутнасных», сэнсавых пазіцый.

Заклучэнне. Камбінаванае выкарыстанне агульных філасофскіх, агульнанавуковых, міждысцыплінарных і спецыяльна-гістарычных метадаў дазволіла дасягнуць пастаўленай мэты даследавання, вырашыць вызначаныя задачы, сфармуляваць аргументаваныя высновы.

Інфармацыя пра аўтара

Андарала Ігар Аляксандравіч – кандыдат педагагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Свядлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: aia1106@mail.ru

Information about the author

Andarala Igar Alexandrovich – PhD (Pedagogics), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic Belarus) E-mail: aia1106@mail.ru

Пасмуніў 15.09.2020

УДК 373. 68. 047 (476)

Н. М. Якуш

Белорусский государственный технологический университет

**ТРУДОВОЕ ВОСПИТАНИЕ И ПРОФОРИЕНТАЦИЯ УЧАЩИХСЯ
В СЕЛЬСКОЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ БССР (1970–1980-Е ГГ.)**

В статье анализируется процесс углубления политехнизации сельской общеобразовательной школы БССР в условиях перехода к всеобщему среднему образованию и повышения уровня механизации аграрного производства. Раскрыты формы и методы работы по организации углубленного трудового обучения на базе школы, повышения эффективности воспитательного процесса и непосредственного приобщения к квалифицированному труду сельских школьников. Рассмотрена деятельность сельских межшкольных учебно-производственных комбинатов и трудовых формирований старшекласников. Выделены примеры грамотного и интересного подхода к профессиональной ориентации учащихся, показана результативность совместных усилий органов образования, общественности, коллективов колхозов и совхозов в вопросах комплексного решения кадровых проблем белорусской деревни.

Ключевые слова: политехнизация, трудовое обучение, ученические производственные бригады, воспитание, межшкольные УПК, профориентация.

N. M. Yakush

Belarusian State Technological University

**LABOR EDUCATION AND PROFORIENTATION OF STUDENTS
IN THE RURAL SECONDARY SCHOOL of the BSSR (1970s – 1980s)**

The article analyzes the process of deepening the polytechnization of the rural general education school of the BSSR in the context of the transition to general secondary education and an increase in the level of mechanization of agricultural production. The forms and methods of work on the organization of in-depth labor training on the basis of the school, increasing the efficiency of the educational process and direct involvement of rural schoolchildren in qualified labor are revealed. The activity of rural interschool educational and industrial complexes and labor formations of senior pupils is considered. Examples of a competent and interesting approach to vocational guidance of students are highlighted, the effectiveness of joint efforts of educational authorities, the public, collectives of collective farms and state farms in the complex solution of personnel problems of the Belarusian countryside is shown.

Key words: polytechnization, labor training, student production teams, education, interschool CPC, vocational guidance.

Введение. В рассматриваемый период социально-профессиональная структура сельского населения Беларуси претерпевала существенные изменения, вызванные как заметным усилением индустриальных характеристик аграрного производства, так и негативными миграционными процессами. Укрепление агропромышленного комплекса Белорусской ССР высококвалифицированными рабочими кадрами новых профессий и создание в колхозно-совхозном производстве стабильных трудовых коллективов стало актуальной проблемой. Партийно-советское руководство республики поставило задачу комплексной организации всего дела трудового воспитания молодежи, объединения при ее решении усилий учебных заведений, трудовых коллективов, общественности и семьи. Составной частью такой работы являлось создание цельной и стройной системы

профессиональной ориентации школьников на определенный род трудовой деятельности, превращения этой системы в органическую часть учебно-воспитательного процесса.

Основная часть. В 1971–1975 гг. в БССР были осуществлены меры по развитию и совершенствованию сельской общеобразовательной школы как школы трудовой и политехнической. Прошел первый этап перехода на работу по программам и учебникам, которые вооружали знаниями научных основ производства, пониманием его главных принципов. Был увеличен удельный вес лабораторных и практических работ, производственных экскурсий, развернута работа по совершенствованию базы трудового обучения.

Дальнейшие усилия по повышению эффективности трудового воспитания школьников были направлены на соединение

школьного обучения с производительным и общественно полезным трудом всех возрастных групп. В работу по упрочению производственно-учебной базы сельских школ, политехнизации процесса обучения, созданию сети стационарных лагерей труда и отдыха школьников вовлекались трудовые коллективы колхозов, совхозов, промышленных предприятий и сельских профтехучилищ. Для координации деятельности по ориентации учащихся на определенный род трудовой деятельности были созданы областные межведомственные советы по профориентации учащейся молодежи, районные комиссии профессиональной ориентации учащихся и содействия трудоустройству выпускников средних школ, школьные учебно-методические кабинеты по ориентации учащихся на определенные профессии сельскохозяйственного профиля [1, л. 20, 85, 126].

В соответствии с принимаемыми ими решениями каждая средняя и восьмилетняя школы республики заключали конкретные договораме-роприятия о сотрудничестве со своими шефами в решении задач улучшения трудового обучения и воспитания школьников. Большинство колхозов и совхозов включились в работу по обеспечению школьных мастерских необходимой сельскохозяйственной техникой, оборудованием и инструментами. Экономически крепкие хозяйства и предприятия инициативным способом строили новые школьные здания и интернаты, оборудовали пленочные теплицы, кабинеты по труду, столовые и слесарные мастерские, кабинеты профессиональной ориентации по основам сельскохозяйственной техники. Положительный опыт в конце 1970-х гг. демонстрировали Шарковщинский, Рогачевский, Мостовский, Столинский районы. Совместная работа хозяйств и школ этих районов по развитию учебно-материальной базы позволяла в ряде случаев организовать действенное и углубленное трудовое обучение школьников. К примеру, в Бережновской средней школе Столинского района Брестской области местный колхоз оборудовал кабинет для теоретических занятий по тракторам, мастерские для выполнения практических и монтажно-демонтажных работ, городок по правилам дорожного движения, трактородром, построил гараж на 7 единиц, мочную установку, передал школе 2 трактора Т-74, 3 – МТЗ-50. Это позволило создать логическую, преемственную систему трудового обучения, сообразно возрастным категориям школьников: проведение уроков труда для начальных классов в кабинетах-лабораториях; организация для 4–8 классов занятий техническим, сельскохозяйственным, обслуживающим трудом; изучение в 9–10 классах трак-

торов, технологии механизированных работ и основ агротехники полевых культур. В начале 1980-х гг. в республике насчитывалось 380 сельских школ, в которых созданная материальная база позволяла организовать аналогичное углубленное трудовое обучение [2, с. 13].

Главным направлением совершенствования трудового воспитания и профориентации в рассматриваемый период стало создание сельских межшкольных учебно-производственных комбинатов (УПК). Развернутая программа их организации была изложена в специальном постановлении ЦК КПБ и Совета Министров БССР «О мерах по дальнейшему укреплению учебно-материальной базы общеобразовательных школ и улучшению трудового обучения, воспитания и профессиональной ориентации учащихся» (от 25 октября 1978 г.). Постановлением предписывалось повсеместное создание в сельской местности межшкольных учебно-производственных комбинатов с использованием для этих целей пунктов и базы предприятий Белсельхозтехники. Колхозам, совхозам, станциям сельхозтехники обслуживания и объединениям сельхозтехники поручалось в качестве своих структурных подразделений создавать и оборудовать в межшкольных УПК цехи, участки, кабинеты и лаборатории, выделять квалифицированных специалистов для руководства профессиональной учебной и производственным трудом школьников, поставлять необходимые для работы материалы, технику, комплектующие изделия. Указывалось на возможность использования материальной базы сельских профтехучилищ, учебных пунктов райсельхозтехники и других предприятий.

Во исполнение данного постановления исполкомы районных Советов народных депутатов определили профили каждого межшкольного УПК в соответствии с потребностями района в кадрах массовых сельскохозяйственных профессий и возможностями трудоустройства выпускников. Для координации усилий разных организаций по созданию межшкольных учебно-производственных комбинатов создавались штабы во главе с секретарями районных комитетов Компартии Белоруссии.

Создание сети сельских межшкольных УПК в анализируемый период позволило кардинально изменить систему трудового обучения и воспитания подрастающего поколения. Во-первых, сельские УПК позволили целесообразно сконцентрировать в одном месте соответствующую времени базу. Во-вторых, в условиях таких комбинатов появилась возможность рационально использовать квалифицированные преподавательские кадры, и в-третьих, в них были предоставлены более широкие, чем в

школе, возможности ознакомления учащихся с научными основами сельскохозяйственного производства и его экономикой, выбора профессионального обучения. Так, до создания УПК старшеклассники сельских школ ввиду отсутствия должной базы и специалистов могли получить лишь 1–2 специальности: шофера или тракториста, а в УПК в среднем около семи.

Настоящими центрами практической и психологической подготовки сельских школьников к труду и сознательному выбору профессии стали Гадиловский УПК Рогачевского, Тучанский – Клецкого, Росский – Волковысского, Сутковский – Лоевского районов. Только за 1976–1979 гг. в Тучанском межшкольном УПК получили рабочие разряды 1056 выпускников десятых классов. За это время закрепились в сельском хозяйстве и на предприятиях Клецкого района по полученным в УПК профессиям 263 человека, в том числе стали – 208, операторами машинного доения – 15 человек, а 51 – начали работать в сфере торговли и бытового обслуживания. Кроме того, более 60 выпускников продолжили обучение по специальностям, полученным в межшкольном комбинате [3].

Эффективную работу в исследуемый период продемонстрировал Сновский межшкольный УПК, который непрерывно совершенствовал учебно-материальную базу и увеличивал профильность комбината. Если в 1976 г. подготовка старшеклассников проводилась здесь по 4, в 1977 – по 7, то в 1979–1980 гг. – уже по 14 профессиям. Соответственно профилям обучения комбинат имел 12 кабинетов, цехов и мастерских, оборудованных новейшими на то время установками, приборами и инструментами, марками тракторов, комбайнов, сельхозмашин. При этом важнейшим моментом стало создание УПК на базе колхоза им. Калинина, Сновской средней школы и Сновского межшкольного УПК. Вместе с социально-культурным комплексом хозяйства он представлял целостную систему средств, форм, методов трудового воспитания и профориентации школьников, являлся примером нового взаимодействия села и школы [4, л. 28, 32, 33].

Следует отметить, что многие сельские УПК испытывали серьезные трудности периода становления организационного, методического, материального и инфраструктурного характера. Это негативно влияло на коэффициент профориентационной отдачи и давало повод некоторым специалистам, ученым и педагогам считать, что задачи подготовки школьников механизаторским профессиям будут успешнее решаться непосредственно на базе колхозов и совхозов. Однако передовой опыт показывал, что квалифицированное изучение сельскохо-

зяйственной техники возможно только на базе межшкольных сельских УПК, а для успешной профессиональной подготовки школьников к труду необходимо органическое соединение учебы в комбинатах с работой в составе бригад в своих хозяйствах.

В 1979/1980 учебном году в республике был осуществлен переход к учебе школьников по новым программам трудового обучения, в которых была заметно усилена практическая направленность трудовой подготовки, определен примерный уровень знаний, умений и навыков учащихся в каждом классе, даны критерии их оценки. Обучение труду в 9–10 классах было увеличено с 2 до 4 ч, стало проводиться в виде трудовых практикумов и приобрело общественно полезную направленность. Сельские школьники начали производить работы и растить продукцию, необходимые школе, колхозам, совхозам. В своих организационных формах их производительный труд выступал как производственная практика учащихся в учебных мастерских и на пришкольных участках, временное трудоустройство на работу в колхозах и совхозах во время каникул, изготовление продукции старшеклассниками в межшкольных УПК и цехах предприятий. Но основным каналом включения учащихся сельских школ в общественно полезный труд и их трудового воспитания стали ученические производственные бригады и звенья, школьные лесничества, лагеря труда и отдыха.

Ученические производственные бригады впервые появились в Белорусской ССР в конце 1950-х – начале 1960-х гг. В исследуемый период принимались меры к увеличению их числа, к тому, чтобы школьные бригады действовали круглогодично на принципах самоуправления и социалистического соревнования, а их организация производства опиралась на знание агротехники, экономический расчет, последние достижения научно-технического прогресса, полную механизацию трудоемких процессов. Многие хозяйства республики выделяли ученическим бригадам и звеньям постоянные земельные участки, закрепляли технику, привлекали к руководству этими трудовыми объединениями лучших специалистов и вовлекали школьников в селекционные опыты.

Большую роль в вопросах трудового воспитания и организации практической трудовой деятельности школьников выполнял Ленинский комсомол республики. В рамках движения «комсомол – сельской школе» райкомы комсомола и комсомольские комитеты хозяйств и сельских школ обеспечивали активное участие старшеклассников в летней трудовой четверти под девизом «Мой труд вливается в труд моей

республики». Действенными формами работы комсомола по трудовому воспитанию стали районные, областные и республиканские слеты активных участников V-й трудовой четверти, проведение республиканских соревнований юных пахарей-школьников, организация в масштабах республики операции «Белорусский каравай», соревнование комсомольских организаций за право рапортовать трудовым коллективам об успехах в учебе и труде, создание в районах педагогических комсомольских отрядов, организующих эффективную учебу членов школьных производственных бригад.

Усилили внимание к вопросам развития школьных трудовых объединений редакции радио- и телепередач для сельской молодежи, редакторские коллективы молодежных газет и журналов в целом. К примеру, в 1985 г. на страницах газеты «Знамя юности» был открыт заочный семинар для членов ученических производственных бригад. В материалах семинара помещались методические рекомендации по рациональной организации бригадных работ, рассказы о передовом опыте, успехах юных животноводов и полеводов.

Целенаправленная работа по развитию самостоятельных трудовых объединений сельских школьников заметно влияла на весь процесс трудового воспитания учащихся. В 1984 г. в республике насчитывалось одних только ученических бригад 1700 и более тысячи школьных лесничеств, в которых трудилось 141 тыс. учащихся. Помимо этого, действовали лагеря труда и отдыха, ремонтные бригады, разновозрастные отряды по месту жительства. Трудовые формирования сельских школьников укрепились и организационно. За бригадами и отдельными звеньями было закреплено 30,6 тыс. га земельных угодий, около 2,5 тыс. единиц сельскохозяйственной техники. Большинство бригад начали работу на основе перспективных производственных планов, а лучшие из них вошли в состав хозяйств в качестве одного из подразделений [5, с. 17]. Наиболее заметные качественные изменения в процессах трудового воспитания школьников сельских общеобразовательных школ происходили в Гродненском, Любанском, Минском, Мозырском, Речицком, Рогачевском районах, учащиеся ряда школ которых награждались медалями и свидетельствами ВДНХ СССР.

Сформированная в республике служба профориентации Белорусской ССР уделяла достаточно много внимания информации школьников о сельскохозяйственных профессиях и их пропаганде. Профессиональная информация стала обязательной составной частью урока труда в сельских школах. Знакомство с миром

профессий тружеников деревни проводили на своих уроках также учителя-предметники. Этой целевой установке соответствовала и тематика экскурсионных занятий и лабораторных работ, подготовка документов и настенных тематических стендов в методических кабинетах по профориентационной работе. В большинстве кабинетов были представлены стенды и фотографии с отражением перспектив развития базовых хозяйств, их потребностей в кадрах, имелись профессиограммы основных специальностей сельского хозяйства, объявления о приеме в СПТУ и сельскохозяйственные техникумы. В рамках профориентационной работы были созданы систематизированные каталоги литературы по вопросам агропромышленного производства, подобраны материалы по обобщению передового опыта ориентационной работы, методические разработки по изучению личности учащихся, рекомендации по проведению бесед и других профориентационных мероприятий.

Многие хозяйства и школы накопили опыт совместной работы по пропаганде среди школьников сельскохозяйственных профессий и повышению их престижа. Так, богатый арсенал форм и методов профпропаганды использовали коллективы колхоза имени Сильницкого и Вороничской средней школы Полоцкого, колхоза имени Ворошилова и Далекской средней школы Браславского, колхоза имени Фрунзе и Забродской средней школы Шкловского, Михалевской средней школы и колхоза имени Дзержинского Бобруйского районов. Руководители этих хозяйств входили в состав педагогических советов школ, а директора школ избирались членами правления колхозов. Учащихся приглашали на отчетные собрания колхозников, на которых они выступали с приветствиями, получали благодарности и подарки за хороший труд. Большое воспитательное значение имели организуемые совместно праздники урожая и труда. Получили широкое распространение такие формы популяризации рабочих профессий, как парады сельскохозяйственной техники, праздник первой борозды, недели трудовой культуры, вечера чествования победителей социалистического соревнования и потомственных колхозных династий, тематические молодежные вечера [6, л. 57, 58].

Заключение. В 1970–1980-е гг. трудовое обучение и воспитание сельских школьников стало частью комплексной работы по совершенствованию системы подготовки и закреплению кадров массовых профессий в аграрном производстве Белорусской ССР. В общеобразовательной школе проходила перестройка всего процесса профессионального обучения таким образом, чтобы уже здесь юноши и де-

вушки вооружались основами сельскохозяйственных знаний и получали первоначальные навыки по основным рабочим специальностям агропромышленного комплекса. В рассматриваемый период решались вопросы создания новой учебно-производственной базы школ, велся поиск организационных структур и новых форм включения учеников старших классов в производительный общественно-полезный труд. Были сформированы Республиканский межведомственный совет, а также рай-

онные методические и инспекторские службы по трудовому обучению и профессиональной ориентации школьников. Они накопили значительный достаточно актуальный на сегодняшний день опыт пропаганды и консультирования учащихся сельских школ по выбору профессии, месту и перспективам работы, продолжению образования в профтехучилищах, сельхозтехникумах и вузах с учетом планов социально-экономического развития регионов.

Список литературы

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4. Оп. 74. Д. 68. Л. 18–20.
2. Сельские учебно-производственные комбинаты: из опыта работы сельских УПК БССР: пособие / сост. Д. Н. Образцова. Москва: Просвещение, 1984. 125 с.
3. Настаўніцкая газета. 1981. 12 верасня.
4. НАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 35. Л. 28–33.
5. Минкевич М. Действенность трудового обучения // Народное образование. 1982. № 12. С. 17–27.
6. НАРБ. Ф. 4. Оп. 5. Д. 45. Л. 50–59.

References

1. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 4. I. 74. F. 68. L. 18–20.
2. *Sel'skiye uchebno-proizvodstvennyye kombinaty: iz opyta raboty sel'skikh UPK BSSR* [Rural educational and industrial complexes: from the experience of the rural Criminal Procedure Code of the BSSR] / ed. D. N. Obratsova. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1984. 125 p.
3. *Nastaunitskaya gazeta* [Teachers newspaper]. 1981, September, 12.
4. NARB. Fund 4. I. 1. F. 35. L. 28–33.
5. Minkevich M. Effectiveness of labor training. *Narodnoye obrazovaniye* [Public education], 1982, no. 12, pp. 7–27 (In Russian).
6. NARB. Fund 4. I. 5. F. 45. L. 50–59.

Информация об авторе

Якуш Надежда Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: yakush@belstu.by

Information about the author

Yakush Nadzezhda Mikhailovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: iackush@yandex.ru

Поступила 10.09.2020

УДК 94(47):172.15-053.5

В. А. Острога

Белорусский государственный университет

**«РАССКАЗЫ ПО ИСТОРИИ СССР» КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ
ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ**

В статье на примере учебника для 4-го класса средних школ Советского Союза «Рассказы по истории СССР» (1978) рассматриваются особенности отражения истории белорусского народа. Анализируются учебные темы, в которых идет речь о белорусских сюжетах и исторических персоналиях. Делается вывод, что несмотря на его высокий дидактический уровень, большое количество иллюстраций, понятный для детской аудитории литературный язык, эта учебная книга не смогла выполнить свою глобальную миссию. Чрезмерно насыщенный коммунистической идеологией учебник не демонстрировал школьникам специфику исторических судеб народов Советского Союза.

Ключевые слова: история Беларуси, история СССР, Отечество, учебник, младшие школьники, идеология.

V. A. Ostroga

Belarusian State University

**“STORIES ON THE HISTORY OF THE USSR” AS A TOOL FOR FORMING
THE HISTORICAL CONSCIOUSNESS OF YOUNGER SCHOOLCHILDREN**

The article uses the example of the textbook for the 4th grade of secondary schools of the Soviet Union “Stories on the history of the USSR” (1978) to consider the features of reflecting the history of the Belarusian people. The article analyzes educational topics that deal with Belarusian stories and historical personalities. It is concluded that despite its high didactic level, a large number of illustrations, and a clear literary language for children, this educational book failed to fulfill its global mission. Overly saturated with Communist ideology, the textbook did not show students the specifics of the historical destinies of the peoples of the Soviet Union.

Key words: History of Belarus, history of the USSR, Fatherland, textbook, primary school students, ideology.

Введение. СССР, как известно, была огромной многонациональной страной, состоявшей из 15 союзных республик. Их исторический путь интеграции в это государство, занимавшее одну шестую часть земной суши, был различен. Одни из них волею исторических судеб вошли в состав Советского Союза в момент его создания в 1922 г., другие республики либо их регионы были присоединены к СССР в 1939–1940-х гг. Соответственно, перед властями Советского Союза, среди прочих, стояла сложная задача создать общность «советский народ», сформировать уникального «советского человека», независимо от национальности, обладающего неким объединяющим мировоззрением и историческим знанием. Одним из способов достижения этого стало использование возможностей школьного исторического курса. И чем раньше начиналось изучение истории советского государства, тем быстрее и проще было вложить в сознание будущих поколений советских граждан необходимую модель исторического прошлого. В данной статье рассматривается именно этот аспект школьного исторического образования, также показано, как и в каком объеме отражалась национальная история народов союзных республик на страни-

цах школьного учебника, в нашем случае – история белорусского народа.

Подобная проблема концепции обучения истории в школе не раз находилась в центре внимания специалистов, хотя в разрезе нашей темы она практически не исследована. Одним из наиболее известных исследователей был французский историк и педагог Марк Ферро, выразивший в целом общее мнение современных экспертов, что в области школьного исторического образования для СССР изначально была характерна тенденция к формированию единого взгляда на историю [1, с. 167].

Основная часть. В советской школе историю начинали изучать с 4-го класса. Этот учебный курс, исходя из детских познавательных возможностей и особенности дидактики в среде младших школьников, получил название «Рассказы по истории СССР» Его разработчиками стали Т. С. Голубева и Л. С. Геллерштейн. Первое издание учебника появилось в 1962 г. и до 1990 г. выдержало шестнадцать переизданий.

В «Рассказах по истории СССР» 1962 г. [2] уже во введении были упомянуты белорусы как народ, живущий в Белорусской ССР, входящей наряду с другими союзными республиками в

состав Советского Союза. Но в целом эта учебная книга давала младшему школьнику полное представление только об историческом прошлом России, но не об истории других союзных республик. Хотя, как указывали авторы в специальном методическом пособии к этому курсу, «Внимание детей акцентируется на фактах, которые дают возможность лучше понять и почувствовать, как шло формирование и развитие связей между народами нашей страны в прошлом ...» [3, с. 5]. В пособии для учителя также справедливо отмечалось, что «перед начальным курсом истории не может стоять задача показать исторический процесс сколь-нибудь полно и всесторонне. Поэтому даются лишь самые важные, самые существенные эпизоды отечественной истории» [3, с. 4]. Исходя из необходимости воспитания школьников в духе марксизма-ленинизма, авторы подчеркивали, что «уроки истории призваны воспитывать у четвероклассников преданность делу коммунизма ...» [3, с. 5]. Теоретически общий подход к учебному курсу был верен, но на практике, в нашем случае, белорусская история в учебнике фактически презентовалась только словами «белорусь» и «Белоруссия», а не логически изложенными историческими эпизодами. Поэтому, к примеру, российский четвероклассник, на наш взгляд, не уяснил бы для себя даже общие черты истории народов союзных республик.

Для анализа учебника этого курса мы предлагаем выбрать его медианное 8-е издание 1978 г. Как и в 1962 г., авторы оставили как основу своих рассказов историю России (РСФСР) и русского народа. История остальных союзных республик вновь была отражена лишь в отдельных словах, фразах, эпизодах-примерах либо не упоминалась вообще. Исключение составляет лишь Украина, да и то это было фактически только два фрагмента ее истории – Киевская Русь и Переяславская Рада.

Что касается белорусской истории, то обучавшиеся в школах БССР четвероклассники впервые встретились бы с родной историей только на десятом уроке по теме «Начало книгопечатания на Руси». Хотя упоминание о событиях на белорусских землях просто просится уже с первых учебных параграфов – «Древние славяне» или «Киевская Русь», где, к примеру, шла речь о Софийских соборах в Киеве и Новгороде, но почему-то не упоминался существовавший в то время третий Софийский собор в Полоцке.

Как отмечалось выше, первое упоминание Беларуси встречается в §10 «Начало книгопечатания на Руси». Речь в нем шла о первопечатнике Иване Федорове, создавшем в 1564 г. в Москве первую русскую печатную книгу. Авторы, рассказывая о его дальнейшей судьбе,

отмечали, что «Иван Федоров уехал из Москвы в Белоруссию. Вместе с ним уехал на родину и его помощник белорус Петр Мстиславец» [4, с. 36]. Это и было первое упоминание, но сразу достаточно удивительное, ведь такой страны, как Белоруссия на тот момент не существовало. Предки современных белорусов жили в крупном европейском государстве Великом княжестве Литовском. Таким образом, белорусские школьники изначально получали недостоверную информацию и отгораживались от особенностей своей национальной истории. Кроме того, в параграфе замалчивался тот факт, что ранее Ивана Федорова, в 1517 г. уроженец Полоцка Франциск Скорина впервые среди восточных славян напечатал книгу «Псалтырь». Заметим, что в последующих изданиях учебника упоминание о переезде И. Федорова в «Белоруссию», т. е. в Великое княжество Литовское, и о П. Мстиславце уже отсутствовали. Также можно отметить, что, согласно исследованию российского историка Немировского Е. Л., Иван Федоров был родом из ВКЛ, современно-го Барановичского района Брестской области, и имел фамилию Федарович. По этой причине он и вернулся из Москвы в Великое княжество. Если бы вся эта информация была на страницах учебника, то, несомненно, это бы более полно показало вклад белорусского народа в культуру народов СССР [5].

Второй раз одним словом белорусы упоминаются и в теме 12 «Навеки с русским народом» в контексте, как они «боролись против польских помещиков», хотя учебный материал был посвящен Богдану Хмельницкому и Переяславской Раде 1564 г. [4, с. 44]. Далее о белорусах говорится в §14 «Северная война», когда во время войны со Швецией «Украинские, белорусские и русские крестьяне объединялись в партизанские отряды, громили захватчиков ...» [4, с. 51]. Тут можно задаться вопросом, каким образом, проживая в ВКЛ, ее жители громили вместе с русскими войсками шведов. Белорусские земли на то время еще не были присоединены к Российской империи. Т. е. прошлое белорусской государственности на страницах учебника предстает перед взором читателя очень запутанным и недосказанным.

История белорусского народа в XIX в. и до 1917 г., не считая его упоминания в контексте партизанской войны с Наполеоном, практически укладывается в одно предложение – «Украинцы, белорусы, узбеки и другие народы по-прежнему угнетались своими и русскими богачами» [4, с. 110].

Советский период более богат на подобные упоминания. К примеру, в теме «Образование СССР» шла речь о приезде представителей

БССР и других советских республик на Первый Всесоюзный съезд Советов в Москву в 1922 г. [4, с. 133]. Последующие учебные темы, посвященные Великой Отечественной войне, имеют сравнительно больше связей с белорусской историей, чем иные. Так, целая страница учебника была посвящена описанию героической обороны Брестской крепости. Среди портретов пионеров-героев можно увидеть и фото белоруса Марата Казея. Однако на страницах оставшихся девяти тем учебника последующие три послевоенные десятилетия Белорусская ССР практически не упоминается. Таким образом, перед взором ученика 4-го класса предстает достаточно незамысловатая белорусская история, к тому же почти лишенная исторических персоналий.

Кроме того, хотелось бы обратить внимание на исторические карты анализируемой учебной книги. На них белорусские города появляются лишь в начале XX в. в рамках темы «Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война». А до этого времени ни самый древний белорусский город Полоцк, ни современная столица Минск, ни какой-либо иной город на них не были обозначены. Также анализ хронологической таблицы на форзаце учебника демонстрирует полное отсутствие дат, отражающих историю союзных республик, кроме одной, касающейся Украины (Переяславская Рада). Из учебной книги невозможно получить системное представление об истории Беларуси или иной союзной республики, кроме РСФСР. Вследствие этого учебник нельзя назвать историей народов Советского Союза. Они там фактически не представлены. Не получилось и должной синхронности изложения взаимосвязанного исторического развития истории всех союзных республик.

Показательно, но в учебнике «Рассказы по истории СССР», изданном в 1990 г., на закате «перестройки» и в целом СССР, уже в условиях формирования новой парадигмы советской исторической науки, широкого стремления ученых и педагогов к исторической правде, особых структурных и содержательных изменений не произошло. Так, школьникам даже не сообщалось о массовых политических репрессиях, они могли прочитать только о «нечеловеческих условиях труда» в СССР в 1930-х гг. и дипломатические фразы о «перегибах» [6]. Проблемы и искания историков Советского Союза второй половины 1980-х гг. практически не коснулись страниц этой учебной книги.

В итоге бывший белорусский четвероклассник, изучивший азы истории СССР, только через несколько лет (в восьмом классе) приступал к освоению истории Беларуси. Однако история БССР не являлась в советских школах самостоятельной учебной дисциплиной и была интегрирована в курс истории СССР, поэтому уроки белорусской истории лишь дополняли общий курс. Как отмечали авторы школьного учебника «История БССР», ввиду того, что история Советской Беларуси – «неотъемная часть истории СССР, то изучаться она будет не отдельно, а в рамках прохождения курса истории СССР – вначале определенная тема по истории Советского Союза, потом соответствующий параграф из учебника по истории БССР [7, с. 3]. Целесообразность этой методики доказывал в своей диссертации еще в 1970 г. и советский исследователь организации школьного исторического образования в БССР Рывкин М. С. – «знания по истории своей республики усваиваются учащимися более осознанно, если они раскрываются в органической связи с материалом общего курса истории СССР. В свою очередь знание фактов из истории республики способствует более глубокому и прочному изучению истории СССР, поскольку помогает видеть в местном, в отдельном частицу общего» [8, с. 6].

Заключение. Несомненно, учебник для учащихся 4-го класса был хорошо продуман с точки зрения общей дидактики и визуальной подачи учебного материала, написан доступным для младших школьников языком, прекрасно иллюстрирован и всегда вызывал интерес у детской аудитории. Но, несмотря на это, он отражал на своих страницах только историю России и лишь самым минимальным образом прошлое других союзных республик. В итоге он не смог выполнить глобальную задачу школьного исторического образования. Чрезмерно насыщенный коммунистической идеологией, учебник, в реальности не демонстрировал ни школьникам из России, ни из Беларуси или других союзных республик прошлое «равноправной братской семьи народов СССР», все многообразие и противоречивость советской истории, переплетение и специфику исторических судеб народов, проживавших в Советском Союзе.

Статья выполнена при поддержке БРФФИ в рамках совместного белорусско-российского проекта «Историческая культура белорусов и россиян: формирование представлений о национальном и общем прошлом».

Список литературы

1. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Высшая шк., 1992. 351 с.
2. Голубева Т. С. Рассказы по истории СССР для 4 классов. М.: Учпедгиз, 1962. 152 с.

3. Голубева Т. С. Методическое пособие к курсу «Эпизодические рассказы по истории СССР». М.: Просвещение, 1965. 247 с.
4. Голубева Т. С. Рассказы по истории СССР. М.: Просвещение, 1978. 208 с.
5. Барановичский районный исполнительный комитет. Знаменитые земляки. Режим доступа: http://baranovichi.brest-region.gov.by/index.php?option=com_content&view=article&id=26882&Itemid=2921&lang=ru. Дата доступа: 29.08.2020
6. Голубева Т. С. Рассказы по истории СССР для 5 класса. М.: Просвещение, 1990. 255 с.
7. Абецэдарскі Л. С., Баранав М. П., Паўлава Н. Г. Гісторыя БССР. Мінск: Народная асвета, 1979. 232 с.
8. Рывкин М. С. Преподавание истории союзной республики в школьном курсе истории СССР. М.: Просвещение, 1970. 26 с.

References

1. Ferro M. *Kak rasskazyvayut istoriyu detyam v raznykh stranakh mira* [How to tell a story to children in different countries of the world]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1992. 351 p.
2. Golubeva T. S. *Rasskazy po istorii SSSR dlya 4 klassov* [Stories on the history of the USSR for 4 classes]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1962. 152 p.
3. Golubeva T. S. *Metodicheskoye posobiye k kursu "Epizodicheskiye rasskazy po istorii SSSR"* [Methodological guide to the course "Episodic stories on the history of the USSR"]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1965. 247 p.
4. Golubeva T. S. *Rasskazy po istorii SSSR* [Stories about the history of the USSR]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1978. 208 p.
5. *Baranovichskiy rayonnyy ispolnitel'nyy komitet. Znamenityye zemlyaki*. Available at: http://baranovichi.brest-region.gov.by/index.php?option=com_content&view=article&id=26882&Itemid=2921&lang=ru (accessed 29.08.2020).
6. Golubeva T. S. *Rasskazy po istorii SSSR dlya 5 klassa* [Stories on the history of the USSR for the 5th grade]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1990. 255 p.
7. Abetsedarski L. S., Baranava M. P., Paulava N. G. *Gistoryya BSSR* [History of the BSSR]. Minsk, Narodnaya asveta Publ., 1979. 232 p.
8. Ryvkin M. S. *Prepodavaniye istorii soyuznoy respubliki v shkol'nom kurse istorii SSSR* [Teaching the history of the Union Republic in the school course of the history of the USSR]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1970. 26 p.

Информация об авторе

Острога Виктор Александрович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой таможенного дела. Белорусский государственный университет (220030, г. Минск, пр. Независимости, 4, Республика Беларусь). E-mail: ostroga.v@mail.ru

Information about the author

Ostroga Victor Alexandrovich – DSc (History), Professor, Head of the Department of Customs Affairs. Belarusian State University (4, Nezavisimosti Ave., 220030, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: ostroga.v@mail.ru

Поступила 10.09.2020

УДК 355.013.3

В. А. Астрога

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

**ПОГЛЯДЫ СУЧАСНЫХ РАСІЙСКИХ ВАЙСКОВЫХ ЭКСПЕРТАЎ
НА ЭКАНАМІЧНЫЯ МЕТАДЫ І СРОДКІ ВЯДЗЕННЯ ВАЙНЫ**

У артыкуле аналізуюцца даследаванні расійскіх ваенных тэарэтыкаў па праблеме выкарыстання эканамічных метадаў і сродкаў у сучасных міждзяржаўных канфліктах, размешчаныя на старонках тэарэтычнага часопіса Міністэрства абароны Расійскай Федэрацыі «Военная думка» ў 2010–2020 гг. Разгледжаны дзесяць публікацый, прысвечаных розным этапам, асаблівасцям падзей, якія адбываюцца, і будучых ваенных канфліктаў, у тым ліку тыпу «гібрыдных войнаў». Робіцца выснова, што большасць даследаванняў, нягледзячы на пэўную палітызаванасць, уяўляюць сабой каштоўныя вынікі арыгінальных і перспектыўных распрацовак, якія праводзяцца расійскімі ваеннымі экспертамі ў галіне тэорыі войнаў.

Ключавыя словы: вайна, гібрыдная вайна, эканамічныя метады вайны, ваенны эксперт, навуковае даследаванне, Расія.

V. A. Ostroga

Belarusian state university

**VIEWS OF MODERN RUSSIAN MILITARY EXPERTS
ON ECONOMIC METHODS AND MEANS OF WARFARE**

The article analyzes the research of Russian military theorists on the use of economic methods and means in modern interstate conflicts, published on the pages of the theoretical journal of the Ministry of defense of the Russian Federation “Military thought” in 2010–2020. Ten publications devoted to various stages and features of ongoing and future military conflicts, including the “hybrid wars” type, are considered. It is concluded that most of these studies, despite some politicization, represent valuable results of original and promising developments conducted by Russian military experts in the field of war theory.

Key words: War, hybrid war, economic methods of war, military expert, scientific research, Russia.

Уводзіны. Эканамічныя сродкі вядзення ваенных дзеянняў супраць ворага вядомыя вельмі даўно. Напрыклад, яшчэ ў Старажытнай Грэцыі выкарыстоўваліся метады гандлёвай блакады свайго супраціўніка, што даводзіла жыхароў варожай краіны да голаду і паражэння. Уздзеянне на эканоміку ў часы ваенных канфліктаў працягвалася і ў наступныя эпохі. На сённяшні час выкарыстанне эканамічных метадаў адной дзяржавы ў дачыненні да другой дастаткова шырока распаўсюджана, прычым іх імкнуча ўжываюць часам у першую чаргу. Гэтыя метады ўваходзяць у сучасны арсенал так званай гібрыднай вайны. Вайсковыя тэарэтыкі вывучаюць сутнасць метадаў сучаснай вайны і аналізуюць досвед іх выкарыстання. Падобныя даследаванні адбываюцца і ў Расіі. Погляды сучасных расійскіх вайсковых экспертаў аб эканамічных метадах вядзення вайны шырока адлюстраваны на старонках разнастайных вайскова-тэарэтычных перыёдыкаў Міністэрства абароны Расіі, у тым ліку «Военная мысль» («Вайсковая думка»). Гэты часопіс лічыцца найбольш аўтарытэтным і прызначаны для вышэйшага і старэйшага каманднага складу

расійскіх Узброеных Сіл, навукоўцаў, выкладчыкаў і слухачоў вайсковых навучальных устаноў. Таму ў нашым артыкуле будзе дадзены агляд найбольш цікавых матэрыялаў, надрукаваных на яго старонках за апошнія дзесяцігоддзе і прысвечаных магчымым выкарыстанням эканамічных метадаў барацьбы ў сучасных войнах.

Асноўная частка. Расійскія вайсковыя тэарэтыкі стала ажыццяўляюць даследаванні трансфармацыі феномена вайны ў сучасных умовах. Аднак можа канстатаваць, што іх інтарэс да праблемы выкарыстання эканамічных метадаў у канфлікце паміж дзяржавамі, які існаваў раней, пасля 2010 г. становіцца больш відавочным, і на старонках «Вайсковай думкі» падобны экспертны аналіз пачынае друкавацца ўсё часцей. Аналізуемая праблема разглядалася аўтарамі ў асноўным ў межах геапалітыкі, кшталтаў і спосабаў будучых ваенных канфліктаў, мадэлей гібрыдных войнаў. Тамсама адзначым, што найбольшы інтарэс вайсковых экспертаў Расіі ў разглядаемы перыяд выклікалі менавіта формы і характар узброеных канфліктаў будучыні.

Першай публікацыяй у мінулым дзесяцігоддзі ў гэтым кірунку можна лічыць артыкул С. А. Багданава «Вайскова-эканамічны складнік бяспекі дзяржавы» [1]. Аўтар аналізуе змест дзвюх расійскіх манаграфій, прысвечаных сутнасці вайскова-эканамічнай бяспекі дзяржавы і абгрунтаванню крытэрыяў адзнакі ўзроўню ў гэтай сферы бяспекі сучасных вядучых індустрыяльных дзяржаў і Расіі. Ён звяртае ўвагу на адну з асноўных форм забеспячэння вайскова-эканамічнай бяспекі – вайскова-эканамічнае супрацьборства, якое падтрымлівае бяспеку нацыянальнай гаспадаркі ў барацьбе, найперш узброенай, супрацьстаячых бакоў.

У 2011 г. быў апублікаваны артыкул А. В. Сяржантава і А. П. Мартафляка «Аналіз асаблівасцей сучасных ваенных канфліктаў». У ім аўтары, характарызуючы комплекснае выкарыстанне вайсковай сілы і сродкаў невайсковага характару, адзначылі, што ў сучасных ваенных канфліктах «часта выкарыстоўваліся і метады эканамічнай блакады дзяржавы, супраць якой ўжывалася ваенная сіла» [2, с. 42].

Праз год на старонках часопіса пабачыў свет артыкул С. Г. Чэкіна і С. А. Багданава «Пачатковыя перыяды войнаў і іх уплыў на падрыхтоўку да вайны будучага», дзе дастаткова шмат увагі надавалася эканамічным варункам вядзення сучасных узброеных канфліктаў. Так, аўтары пазначылі, што «ў сучасных умовах эканамічны фактар пераўтварыўся ў адзін са складаючых элементаў вайны. Формы і метады эканамічнай барацьбы ўсё шчыльней пераплятаюцца з узброенай барацьбой» [3, с. 20–21]. Усё гэта, на іх погляд, адбываецца на тле двух кірункаў: з аднаго боку – паглыблення міжнароднай інтэграцыі і фармавання глабальнай эканамічнай і інфармацыйнай прасторы, а з другога боку – абвастрэння канкурэнтнай барацьбы сусветных эканамічных і вайскова-палітычных цэнтраў (ЗША, Еўропа, Кітай, Індыя, Расія) за пашырэнне сфер уплыву і доступу да запасаў энергэсурсаў. Напрыклад, лічыўся верагодным патэнцыяльны канфлікт з Расіяй і «краінамі Захаду» з-за арктычных рэсурсаў [3, с. 22].

Узгаданыя даследчыкі праз пэўны час апублікавалі новы артыкул «Аб характары і змесце вайны новага пакалення». У ім абагульняюцца думкі пэўнага кола тагачасных расійскіх вайсковых экспертаў адносна асаблівасцей падрыхтоўкі і вядзення войнаў у XXI ст. Напачатку свайго даследавання яны адзначылі, што «ўзрастае роля невайсковых спосабаў ў дасягненні палітычных і стратэгічных мэтаў, якія ў шэрагу выпадкаў па сваёй эфектыўнасці значна пераўзышлі моц зброі» [4, с. 13]. Аўтары не надавалі шмат увагі непасрэдна разгляду

эканамічных сродкаў вядзення войнаў, засяроджваючы ўвагу найперш на разважаннях аб перспектывах інфармацыйна-псіхалагічнага супрацьстаяння, выкарыстання высокатэхналагічнай зброі з мінімальным удзелам чалавека і падкрэсліваюць, што «дасягненне мэты ў войнах будучага будзе не магчыма без заваявання інфармацыйнага панавання над супраціўнікам» [4, с. 14]. Але разам з тым яны падзялялі выснову расійскага вайсковага эксперта Сліпчэнкі У. І. аб войнах шостага пакалення, з гэтай жа будзе «разгром эканамічнага патэнцыялу супраціўніка» [4, с. 15].

В. А. Кісялёў падрыхтаваў вялікі канцэптуальны артыкул «Да якіх войнаў неабходна рыхтаваць Узброеныя Сілы Расіі», але эканамічныя сродкі і метады вядзення вайны чамусьці засталіся па-за аналізам. Фактычна ён толькі канстатуе, што сучасным войнам папярэднічаюць дыпламатычныя, эканамічныя і фінансавыя акцыі [5, с. 38].

Цікавае і канцэптуальнае даследаванне правялі С. Г. Чэкіна і С. А. Багданаў аб эвалюцыі сутнасці і зместу паняцця «вайна» ў XXI ст. Гэты артыкул быў першы на старонках часопіса, дзе так глыбока разглядаўся феномен і кшталты сучаснай вайны, а таксама выкарыстанне ў ёй эканамічных сродкаў. Аўтары адзначаюць, што ў войнах будучыні ўзрастае роля «неславых відаў барацьбы», напрыклад эканамічнай [6, с. 32]. Выкарыстанне «нетрадыцыйных сродкаў дзеянняў у войнах, у тым ліку эканамічных, разам з гвалтоўным вайсковым кампанетам, з'яўляецца неад'емным атрыбутам усіх войнаў апошніх дзесяцігоддзяў» [6, с. 33]. Даследчыкі лічаць, што сучасны досвед дэманструе, што усё найбольш выразна пачынае працягвацца тэндэнцыя змены прыярытэтаў розных кшталтаў моцы ў стасунках паміж дзяржавамі. На іх погляд, паступова вайсковая моц пачала выкарыстоўвацца на заключнай фазе супрацьборства, калі рэалізацыя іншых відаў моцы стварыла найбольш зручныя дзеля гэтага ўмовы альбо апынуліся неэфектыўнымі ў дасягненні пастаўленых мэтаў. А выкарыстанне эканамічных, дыпламатычных, ідэалагічных і іншых кшталтаў супрацьборства становіцца неабходнасцю і складовай часткай агульнага замыслу вайны [6, с. 34]. У сувязі з гэтым С. Г. Чэкіна і С. А. Багданаў прапануюць не блытаць тэрміны «вайна» і «ўзброеная барацьба». Можна пагадзіцца з іх меркаваннем, што зараз ва ўмовах глабалізацыі сусветных працэсаў, вялізнага эканамічнага пераўзыходжання вядучых дзяржаў свету і моцнай фінансавай залежнасці ад іх іншых дзяржаў няма аб'ектыўнай неабходнасці ўчыняць буйнамаштабныя войны. Тым больш маюцца прыклады

дасягнення мэтай міждзяржаўнага спаборніцтва без выкарыстання войска. Таму, пішуць аўтары, «у сучасных традыцыйных войнах дастаткова часта выкарыстоўваюцца метады палітычнай, эканамічнай, марской, паветранай блакады дзяржавы, супраць якой накіравана вайсковая моц» [6, с. 36].

Артыкул А. С. Фадзеева і У. І. Нічыпара «Ваенныя канфлікты сучаснасці, перспектывы развіцця сродкаў іх вядзення. Простыя і няпростыя дзеянні ва ўзброеных канфліктах XXI стагоддзя» адлюстроўвае новыя трэнды расійскіх вайсковых даследаванняў у разглядаемай сферы. Аўтары лічаць, што ў сучасным ваенным канфлікце дзяржавам, якія не дасягнулі дастаткова высокага тэхналагічнага ўзроўню сваіх узброеных сіл, неабходна выкарыстоўваць магчымасці «асіметрычных спосабаў» барацьбы с супраціўнікамі, ў тым ліку канкрэтныя эканамічныя меры, хоць яны іносяць хуткабегучы характар, бо супраціўнік мае магчымаць хутка адаптавацца да іх і здзейсніць эфектыўнае супрацьдзеянне [7, с. 41]. Але гэты артыкул, у параўнанні з іншымі, мае палітызаваны характар, што зніжае яго каштоўнасць.

Адным з самых новых укладаў ў развіццё расійскай вайскова-тэарэтычнай думкі з'яўляецца даследаванне дыскусійнага характару «Навука аб вайне: пераймальнасць і сучаснае развіццё» Л. І. Альштынскага, дзе аўтар у рамках асэнсавання даследавання расійскага філосафа Цюшкевіча С. «Аб законах вайны. Пытанні тэорыі і метадалогіі» (2018) разважае пра паняцце «вайна». Аўтар у сваёй працы ўзгадвае тэрмін «эканамічная вайна», але лічыць яго неметагодным. Гэта, на яго погляд, галіна барацьбы ў мірны час. А тэрмін «вайна» можа быць выкарыстаны толькі ў спалучэнні з узброенай барацьбой [8, с. 121].

Гібрыдныя войны таксама прыцягвалі ўвагу расійскіх вайсковых навукоўцаў, даследаванні якіх у гэтай галіне пачалі актыўна з'яўляцца на старонках часопіса з 2015 г. Аднак першай публікацыяй, дзе ў кантэксце аналізу гібрыдных аперацый узгадваюцца эканамічныя фор-

мы ўдзелу ў падобнага кшталту канфліктах, быў артыкул А. А. Барташа «Трэнне» і «знос» гібрыднай вайны», ў якім аўтар увесь час ўзгадвае эканамічную сферу як вельмі важную падчас правядзення аперацый гібрыднай вайны, формы міжнародных канфліктаў новага пакалення, дзе суадносіны ваенных і неваенных відаў барацьбы складаюць 1 : 4 на карысць неваенных [9, с. 6].

У сваім наступным артыкуле «Стратэгія і контрстратэгія гібрыднай вайны» ён адзначае, што гібрыдная вайна – гэта феномен схаванага канфлікту, які цягэ ў выглядзе інтэграванага вайскова-палітычнага, фінансава-эканамічнага, інфармацыйнага і культурна-светапогляднага супрацьстаяння, які не мае пэўнага статусу [10, с. 5]. У прыватнасці, пры мінімальным узроўні вайсковага гвалту адбываецца канцэнтраваны ціск у фінансана-эканамічнай сферы. У сучасных умовах, піша А. А. Барташ, «вайна не абавязкова павінна асацыявацца з пачаткам ваенных дзеянняў – працяг палітыкі можа ажыццяўляцца гвалтоўным шляхам не толькі вайсковымі, але і невайсковымі сродкамі» [10, с. 6]. На сённяшні дзень, як лічыць А. А. Барташ, «сярод палітыкаў і ваеначальнікаў замацоўваецца пункт погляду, што ваяваць на полі бою – справа няўдачнікаў у палітыцы і стратэгіі» [10, с. 12].

Заклучэнне. Такім чынам, расійскія вайсковыя тэарэтыкі звяртаюць усё большую ўвагу на аналіз выкарыстання эканамічных метадаў і сродкаў у сучасных і будучых ваенных канфліктах, асабліва кшталту «гібрыдных войнаў». Большасць іх даследаванняў, нягледзячы на ўзрастаючую ў пэўнай частцы з іх з 2015 г. палітызаванасць, з'яўляюцца па сваім характары экспертнымі, змяшчаюць у сабе асэнсаваны досвед тых узброеных канфліктаў, у якіх удзельнічала Расія, альбо арыгінальную кропку гледжання на ваенныя падзеі па-за яе межамі. У гэтай сувязі вайскова-тэарэтычны часопіс Міністэрства абароны Расійскай Федэрацыі «Военная мысль» адлюстроўвае на сваіх старонках вынікі найбольш цікавых і перспектыўных даследаванняў у гэтай галіне.

Спіс літаратуры

1. Богданов С. А. Военно-экономическая составляющая безопасности государства // Военная мысль. 2010. № 2. С. 3–9.
2. Сержантов А. В., Мартофляк А. П. Анализ особенностей современных военных конфликтов // Военная мысль. 2011. № 5. С. 36–44.
3. Чекинов С. Г., Богданов С. А. Начальные периоды войн и их влияние на подготовку страны к войне будущего // Военная мысль. 2012. № 11. С. 14–27.
4. Чекинов С. Г., Богданов С. А. О характере и содержании войны нового поколения // Военная мысль. 2013. № 10. С. 13–24.
5. Киселев В. А. К каким войнам необходимо готовить Вооруженные Силы России // Военная мысль. 2017. № 3. С. 37–46.

6. Чекинов С. Г., Богданов С. А. Эволюция сущности и содержания понятия «война» в XXI столетии // Военная мысль. 2017. № 1. С. 30–43.
7. Фадеев А. С., Ничипор В. И. Военные конфликты современности, перспективы развития способов их ведения. Прямые и не прямые действия в вооруженных конфликтах XXI века // Военная мысль. 2019. № 9. С. 33–41.
8. Ольштынский Л. И. Наука о войне: преемственность и современное развитие // Военная мысль. 2020. № 4. С. 115–123.
9. Бартош А. А. «Трение» и «износ» гибридной войны // Военная мысль. 2018. № 1. С. 5–13.
10. Бартош А. А. Стратегия и контрстратегия гибридной войны // Военная мысль. 2018. № 10. С. 5–20.

References

1. Bogdanov S. A. The military-economic component of state security. *Voyennaya mysl'* [Military thought], 2010, no. 2, pp. 3–9 (In Russian).
2. Serzhantov A. V., Martoflyak A. P. Analysis of the characteristics of modern military conflicts. *Voyennaya mysl'* [Military thought], 2011, no. 5, pp. 36–44 (In Russian).
3. Chekinov S. G., Bogdanov S. A. The initial periods of wars and their impact on the preparation of the country for the war of the future. *Voyennaya mysl'* [Military thought], 2012, no. 11, pp. 14–27 (In Russian).
4. Chekinov S. G., Bogdanov S. A. On the nature and content of a new generation of war. *Voyennaya mysl'* [Military thought], 2013, no. 10, pp. 13–24 (In Russian).
5. Kiselev V. A. What wars should the Armed Forces of Russia be prepared for. *Voyennaya mysl'* [Military thought], 2017, no. 3, pp. 37–46 (In Russian).
6. Chekinov S. G., Bogdanov S. A. What wars should the Armed Forces of Russia be prepared for. *Voyennaya mysl'* [Military thought], 2017, no. 1, pp. 30–43 (In Russian).
7. Fadeev A. S., Nichipor V. I. Military conflicts of our time, prospects for the development of methods of their conduct. Direct and indirect actions in armed conflicts of the XXI century. *Voyennaya mysl'* [Military thought], 2019, no. 9, pp. 33–41 (In Russian).
8. Ol'shtynskiy L. I. The Science of War: Succession and Modern Development. *Voyennaya mysl'* [Military thought], 2020, no. 4, pp. 115–123 (In Russian).
9. Bartosh A. A. "Friction" and "wear" of hybrid warfare. *Voyennaya mysl'* [Military thought], 2018, no. 1, pp. 5–13 (In Russian).
10. Bartosh A. A. Strategy and Counterstrategy Hybrid Warfare. *Voyennaya mysl'* [Military thought], 2018, no. 10, pp. 5–20 (In Russian).

Інфармацыя пра аўтара

Астрога Віктар Александравіч – доктар гістарычных навук, прафесар, загадчык кафедры мытнай справы. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (220030, г. Мінск, пр. Незалежнасці, 4, Рэспубліка Беларусь). E-mail: ostroga.v@mail.ru

Information about the author

Ostroga Victor Alexandrovich – DSc (History), Professor, Head of the Department of Customs Affairs. Belarusian State University (4, Nezavisimosti Ave., 220030, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: ostroga.v@mail.ru

Паступіў 10.09.2020

УДК 141.7

П. М. Бурак

Белорусский государственный технологический университет

КОЭВОЛЮЦИОННО-НООСФЕРНЫЙ СТИЛЬ МЫШЛЕНИЯ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ОБРАЗОВАНИЯ И ДОСТИЖЕНИИ БЕЗОПАСНОГО БУДУЩЕГО

В статье развивается представление о содержании, факторах, особенностях и необходимости формирования коэволюционно-ноосферного стиля мышления как специфического ответа на складывающиеся вызовы нестабильности в различных проявлениях социоприродного, социокультурного, технико-природного, ценностно-мировоззренческого и других «каналов» возникновения, обострения и роста масштабов стихийных процессов изменений в обществе. Коэволюционный механизм взаимозависимого существования систем различной природы отражает сложность структуры и разнообразие функций их природы, включая диалектически противоречивый характер их непроизвольной самоорганизации в единстве взаимообусловленных процессов упорядочения и разупорядочения и не является однозначно продуктивным средством, гарантирующим достижение желаемой человеком стабильности и безопасности, полной независимости от действия стихийных процессов разрушения. Коэволюция является причиной или фактором возникновения метасистемного уровня организации бытия природной и социальной реальности, важнейшей функцией которого выступает некое сохраняющее «нормативирование» внутрисистемной и межсистемной коэволюции при опоре на коэволюционную память системообразования. Ноосфера во взаимодействии общества и природы возникает и развивается в связи с необходимостью регуляции социоприродной коэволюции как механизма их сохранения. Данное представление о коэволюционном происхождении ноосферы объясняет потребность в формировании коэволюционно-ноосферного стиля мышления в системе высшего образования по принципу регулируемого соотношения различных тенденций коэволюции для достижения безопасного будущего в любой сфере профессиональной деятельности.

Ключевые слова: коэволюция, ноосфера, человек, общество, стиль мышления, образование, безопасность.

P. M. Burak

State Technological University

CO-EVOLUTIONARY NOOSPHERIC STYLE OF THINKING IN IMPROVING EDUCATION AND ACHIEVING A SECURE FUTURE

The article develops an idea of the content, factors, features and necessity of forming a co-evolutionary-noospheric style of thinking as a specific response to the emerging challenges of instability in various manifestations of socio-natural, socio-cultural, technical-natural, value-worldview and other “channels” of emergence, exacerbation and growth of the scale of natural processes of changes in society. The co-evolutionary mechanism of the interdependent existence of systems of different nature reflects the complexity of the structure and variety of functions of their nature, including the dialectically contradictory nature of their involuntary self-organization in the unity of mutually dependent processes of ordering and disordering, and is not a uniquely productive means of guaranteeing the achievement of the stability and security desired by a person, complete independence from the action of natural processes of destruction. Coevolution is the cause or factor of the emergence of a metasystem level of organization of the existence of natural and social reality, the most important function of which is a kind of preserving “normalization” within the system and intersystem coevolution with the support of the coevolutionary memory of system education. The noosphere in the interaction of society and nature arises and develops in connection with the need to regulate socio-natural co-evolution as a mechanism for their preservation. This idea of the co-evolutionary origin of the noosphere explains the need to form a co-evolutionary-noospheric style of thinking in the higher education system based on the

principle of a regulated ratio of various trends in co-evolution in order to achieve a secure future in any field of professional activity.

Key words: coevolution, noosphere, man, society, style of thinking, education, security.

Введение. Представленная статья является продолжением и развитием разрабатываемых автором теоретико-методологических вопросов коэволюционной стратегии, изложенных в ряде опубликованных работ [1, 2, 3]. Предмет анализа составляет многомерность или многоканальность коэволюции, ее неоднозначность и диалектическую противоречивость, цикличность, мемориализацию, метасистемную экспансию. Эти знания необходимы для формирования современного мировоззрения в системе образования. Важнейшими объективными обстоятельствами внешнего характера, позволяющими утвердиться в актуальности исследуемой проблематики коэволюции и побуждающими продолжить изучение сложности и неоднозначности, многомерности коэволюционных процессов в их единстве и взаимообусловленности, является растущее множество изменений в современных обществах, сопровождающихся развитием стихийных процессов нестабильности, разрушающих целостность внутрисоциальных кооперативных связей и международную систему безопасности.

Вопрос здесь не в отсутствии коэволюции. Она всегда есть и это не зависит от желаний отдельных личностей или социальных групп, иначе не существовало бы общества, которое сохраняется и воспроизводится потому, что все люди формируются как социальные существа, вступая в непосредственные или опосредованные отношения для удовлетворения своих потребностей и сохранения жизни. Их отношения имеют различное содержание и направленность, проявляются в разных сочетаниях взаимного содействия и противодействия, взаимной зависимости и взаимной независимости, взаимной выгоды и взаимных потерь или выгоды одного и ущерба другого. Существуют разнообразные формы неравных отношений, нейтралитета, доминирования и подчинения, соглашательства и скрытого попустительства и множество др. Все они выражают различные тенденции селективного механизма коэволюции, обуславливающего множество вариантов взаимозависимого существования отдельных людей и социальных групп, стран и народов. Общий результат стихийного взаимодействия различных форм и способов построения отношений в обществе вполне может быть негативным, разрушающим целостность общества, если их содержание и связи целенаправленно не нормируются и не регулируются на основе гу-

манистических традиций сплочения и самосохранения. Разобщенность, разделенное существование и индивидуализм, а также единство, кооперативность и взаимопомощь – вот те два важнейших собирательных вектора тенденций социальных отношений в современном обществе, которые образуют альтернативы содержания и направленности коэволюции. Для преодоления различного рода кризисов и явлений нестабильности, достижения стабильного развития социальная коэволюция должна быть регулируемой. Регулируемая – значит направляемая на формирование и доминирование созидательной системы взаимоотношений посредством селекции, интегрирования и проектирования комплексов или продуктивных моделей взаимозависимого развития социальных субъектов, способных к такого рода деятельности.

Важнейшей причиной, побуждающей продолжать разработку коэволюционного стиля мышления, является многомерность и неоднозначность коэволюционных процессов и во взаимодействии общества и природы, что обуславливает различные риски дестабилизации биосферы и самого общества, а также выступает объективной причиной возникновения метасистемной (ноосферной) организации регулирования их коэволюционного взаимодействия.

Основная часть. Коэволюция – это многоканальный селективный механизм сопряженных изменений взаимодействующих объектов, систем одной и той же или различной природы, проявляющейся на разных уровнях их организации и включающих процессы, тенденции и структурно-функциональные образования, формирующие единство относительно автономного и интегративного их существования и воспроизводства.

Натура человека как социального существа в диалектическом понимании является многомерно противоречивой. Личность человека есть социокультурный продукт, складывающийся, существующий и сохраняющийся в панораме большого разнообразия различных сочетаний устойчивых и изменяющихся социально-этических нормативов отношений в жизни общества, формирующих ценностные ориентации, предпочтения и идеалы мировоззренческой структуры в жизни социализирующегося индивида. В такой сложной противоречивой среде человек может существовать «как рыба в воде», т. е. успешно к ней адаптироваться и сохраняться, если внутренний духовный мир разнообразных его побуждений, поведенческих

устремлений и реализуемых действий в достижении жизненных целей будет также достаточно сложным. Социокультурная сложность личности есть сохраняющее ее адаптивное свойство, состоящее в том, чтобы находить решение своих проблем в сложной, неоднозначно изменяющейся, сохраняющейся и стабилизирующейся среде. Одновременно содержательная сложность механизма личностной адаптации является необходимым фактором детерминации различных вариантов развития социальной среды жизни. Это означает, что сложная система связей этических нормативов, ценностных ориентаций, целей, идеалов, смысложизненных идей, гуманистических и иных предпочтений, бытующих в обществе в целом и обуславливающих его перспективы, состоит в коэволюционной взаимосвязи с аналогичным содержанием духовного мира личности. Выбор личностных предпочтений и направления жизни человека в океане духовного опыта общества обуславливает его отношение к настоящему, прошлому и будущему общества. Вместе с тем и общество селективно относится к личности, аккумулирует их опыт, приоритетные стремления и выстраивает определенные нормативные требования к ним в зависимости от собственной ориентации на достижение стабильности и самосохранения.

Коэволюционное «требование» взаимной селекции доминирующих ценностей общества и приоритетного выбора личности является общей объективно действующей закономерностью их взаимозависимого существования и развития, которую никто не в состоянии отменить или заменить чем-то другим без угрозы разрушения социальной системы жизнеобеспечения и выхода на траекторию доминирования неорганизованного сосуществования автаркического характера. Такой ход развития отношений личности и общества содержит всевозможные угрозы преобладания длительного процесса взаимного накопления энтропийной энергии в их взаимодействии, что не может быть остановлено само по себе, если отсутствует противостоящее инволюции общества мощное кооперативное движение. Данный вывод подтверждается анализом соответствующих тенденций в некоторых регионах современного мироустройства. С точки зрения теоретического подхода применяемо в разрабатываемой нами проблематике о содержательных механизмах коэволюции, отмеченный ход негативных изменений в некоторых обществах является следствием превращения по разным причинам разупорядочивающей функции коэволюции в доминирующий процесс внутрисоциальных отношений включая и направленность форми-

рования связей личности и общества. Приведем теоретическое пояснение.

В мире духовной жизни человека и общества коэволюция есть селективный механизм сосуществования противоположных по своей направленности и социальной значимости ценностных ориентаций – истины и лжи, верности и предательства, любви и ненависти, трудолюбия и лености, смелости и трусости и т. д.

Существование противоположных свойств в названных структурно-содержательных и других элементах (обобщенно – между добром и злом, существующих в нерасторжимой взаимосвязи и взаимной обусловленности) духовной жизни общества в силу различия их свойств создает определенную асимметричность, неравновесность, неустойчивость внешней по отношению к человеку социальной среды. Это является условием изменений и развития данной сферы, выбора приоритетов в достижении желаемого соотношения позитивных и негативных параметров в построении духовной жизни. Подобный выбор в качестве способа социальной самоорганизации личности человека возможен если вся эта панорама соединяемых противоположных духовных качеств разнообразного характера отражается и входит в ее духовный мир в качестве общего принципа сохранения жизнеспособности и адаптивного механизма активного встраивания в социум и его изменение. Для осуществления своей социальной миссии – сохранения социума, а значит и самого себя как продукта социальных отношений и культуры общества в целом, человек должен копировать, концентрировать и интегрировать в своем бытии как можно более полный спектр скроенных по принципу единства взаимной зависимости, взаимной обусловленности, подобия и различий противоположных ориентаций в структуре социально-этических нормативов жизни общества. Таким образом, во внутренний духовный мир человека транслируется асимметричность, неравновесность и неустойчивость устойчиво существующих связей и разнообразия социально-этических нормативов отношений и организации духовной жизни общества. Соответственно, духовный мир человека воспроизводится и развивается по принципу устойчиво существующей неустойчивости, которая является основанием личностного выбора этико-социального кодекса собственной жизни и соответственно с его стороны создаются возможности воздействовать на соотношение позитивных и негативных проявлений и формирование духовных правил и нормативов жизни общества. Человек в своем духовном мире, в «малой копии» отражает большую панораму духовной жизни общества

и воздействует на ее «сюжетные» проекты. Такого рода духовная коэволюция воспроизводит социально-этическую многомерность человека и формирует из него активного многопрофильного, многофункционального субъекта социально-этического развития общества.

Внутреннюю неустойчивость и многомерность человеческих качеств, основанную на их изменчивости по отношению к различным внешним условиям и поступкам, обусловленную закономерным очертанием противоположных, асимметричных предпочтений, проявляющихся в выборе поведения различной ценностной ориентации как характерных особенностей человеческой природы, отмечал французский просветитель и философ Мишель Монтень (1533–1592) в своем основном философском произведении «Опыты».

«Если я говорю о себе по-разному, то лишь потому, – пишет М. Монтень, – что смотрю на себя с разных точек. Тут происходит какое-то чередование всех заключенных во мне противоположностей. В зависимости от того, как я смотрю на себя, я нахожу в себе и стыдливость, и наглость; и целомудрие, и распутство; и болтливость, и молчаливость; и трудолюбие, и изнеженность; и изобретательность, и тупость; и угрюмость, и добродушие; и лживость, и правдивость; и ученость, и невежество; и щедрость, и скупость, и расточительность. Все это в той или иной степени я в себе нахожу, в зависимости от угла зрения, под которым смотрю. Всякий, кто внимательно изучает себя, обнаружит в себе, и даже в своих суждениях, эту неустойчивость и противоречивость. Я ничего не могу сказать о себе простого, цельного и устойчивого, я не могу сказать о себе единым словом, без сочетания противоположностей. Я различаю – такова постоянная предпосылка моего логического мышления» [4, с. 262–263].

Фактически М. Монтень зафиксировал в противоречивости, разнообразии содержания и направленности духовных ценностей и деятельности личности, ее активного участия в формировании ценностных ориентаций общества важнейшую тенденцию процессов духовной коэволюции личности и общества – ее многоканальность и неоднозначность процессов и результатов. Эта тенденция проявляется в различных вариантах сопряжения позитивных и негативных проявлений коэволюции, что в их единстве и взаимообусловленности отражает, воспроизводит и формирует природу коэволюционирующих систем (в рассматриваемом случае – личности и общества) в их нерасторжимом существовании. Козволюция – это механизм сохранения системной организации социально-этических нормативов духовной

культуры с их противоречивым содержанием (противоположностями, их различными соотношениями) и неустойчивостью, что обуславливает различную направленность их проявлений и возможности развития. Это является устойчиво существующей тенденцией, позволяющей и личности, и обществу творчески адаптировать, изменять и развивать свой духовный потенциал, направленный на достижение безопасности в контексте растущей и неподконтрольной стихии изменений в современном мире.

Сделав ставку на выявление различий и противоречивости ценностных ориентаций человека в развертывании логического осмысления его природы, М. Монтень ограничился констатацией различий человеческих выборов.

Вместе с тем в наше время, когда в мире возникают и расширяют масштаб действия тенденции разделенности и противопоставления интересов различных социальных субъектов на основе противоположных ценностных ориентаций, особенно актуальной является проблема генерирования интегративных, объединяющих подходов формирования устойчиво позитивной направленности духовной культуры личности и общества. Антропологический кризис в современном обществе возник неслучайно. Одной из важнейших его причин выступает доминирующий принцип утверждения различий в рыночном поле мыслей, товаров, отношений, субъектов любых выборов, а также соответствующая индивидуализация, заменяющая своей якобы самодостаточной целостностью кооперативные принципы ее организации.

Содержание и результаты коэволюции могут быть различными, в том числе позитивными и негативными. Ее значение для человека и общества в стремлении к поддержанию безопасности и продуктивному решению разнообразных социальных проблем обусловлено согласованной способностью личности и общества комбинировать противоположные качества ценностных ориентаций человека, о которых повествовал М. Монтень, и социальные нормативы традиций, способствующих гармоничному сосуществованию личности и общества. Для этого необходимо задействовать социально-перспективные регулятивы продуктивной направленности человеческой личности (его идеалы, ценностные ориентации, смысловые жизненные интересы и другие параметры, имеющие продуктивную социальную значимость), выражающие позитивный для нее и общества смысл его бытия. Иными словами, необходимо учитывать то обстоятельство, что стихийно происходящая социальная коэволюция является многоканальной и многозначной, она отражает

и воспроизводит природу человека как социального существа и многосторонность содержания процессов формирования социальных отношений. Регуляция социальной коэволюции с учетом взаимосвязи различных ее каналов и возможных результатов (как позитивных, так и негативных) является, точнее должна являться, неотъемлемым требованием современной стратегии социального управления. Данное требование в качестве может быть современным категорического императива подтверждается продолжающейся социальной разобщенностью, ростом нестабильности, рисками противостояния интересов и снижения безопасности во многих регионах современного мира. Эти события и тенденции воспроизводят, обостряют личностные качества разрушительного характера. Противоположности человеческих ценностных ориентаций особенно отчетливо проявляются в наше нестабильное время, что может привести к критическому накоплению человеческой энергии разрушительной направленности. О том, что человеческая природа противоречива и бывает неустойчивой и нестабильной, высказывались многие выдающиеся мыслители и не только философы. Например, Л. Н. Толстой пришел к следующему выводу: «...Одно из важнейших заблуждений при суждениях о человеке в том, что мы называем, определяем человека умным, глупым, добрым, злым, сильным, слабым, а человек есть все: все возможности, есть текучее (изменяющееся – П. Б.) вещество...» [5, с. 185]. «...Как бы хорошо, – продолжает Л. Н. Толстой, – написать художественное произведение, в котором бы ясно высказать текучесть человека, то, что он, один и тот же, то злодей, то ангел, то мудрец, то идиот, то силач, то бессильное существо» [5, с. 187]. Подчеркнем еще раз, что коэволюция есть отражение, трансляция и воспроизводство структурных свойств и тенденций изменения, развития сопряженно существующих объектов, систем. Поэтому коэволюция не может быть представлена одним вариантом согласованного, сопряженного развития. Она проявляется в панораме диапазона явлений взаимозависимых изменений: от радикально противоположных и взаимно разрушительных до гармонично встраиваемых в механизм взаимосогласованного развития. Поскольку важнейшая функция коэволюции системообразующая, то сопряженные изменения систем ведут к формированию интегративных свойств, на основе которых возникает метасистемный уровень социальной организации. Мы полагаем, что во избежание появления и воспроизводства нестабильных систем социальная коэволюция должна быть регулируемой на основе принципов взаимосвя-

зи ее каналов или тенденций и направляться на достижение приемлемого уровня социальных рисков и безопасности системной организации в обществе, отношений в нем для их стабилизации. Объективные основания для этого имеются в самой структуре коэволюционных процессов, часть из которых направлена на рост стабильности и сохранение коэволюционирующих систем. За человеком – решение задачи обеспечения доминирования таких коэволюционных тенденций во взаимосвязи с другими ее процессами. В этом заключается один из важнейших принципов регулирования коэволюционной стратегии во взаимосвязанных процессах изменений личности и общества.

Новые опасности нестабильности в современном обществе, среди которых разрыв с традицией, состоящий в отношении молодежи к социокультурной памяти старших поколений, к ним как к чуждой этнической группе со всеми вытекающими последствиями такой разобщенности, проанализировал и обобщил в своем исследовании К. Лоренц с красноречивым названием «Восемь смертных грехов цивилизованного человечества» [6, с. 4–60]. Названная работа свидетельствует о появлении новых тенденций аккумуляции энтропийной энергии не только в жизни личности, какого-либо конкретного общества, но и в масштабе современной цивилизации в целом. К уже сложившимся в прежние эпохи контрверзам ценностных ориентаций в мире личностного бытия человека, его взаимодействия с обществом и в панораме социальных отношений должны быть добавлены упреждающие контроцепции тех социальных отношений разного уровня и обстоятельств, которые выражают явное преобладание аккумуляции энергии разобщения и разрушения. Это принципиально важное свидетельство необходимости углубления понимания сущности основных тенденций социальной коэволюции, ее стихийных проявлений, неоднозначного характера и актуализирующейся социальной потребности ее регулирования.

Память является действенным фактором, направляющим коэволюцию в живой природе (например, генетическая память), в кооперативных изменениях человека и общества (различные формы социокультурной памяти). Память включает своеобразные информационные схемы складывающихся в прошлом коэволюционных отношений в форме биологических инстинктов, этических традиций связи поколений и т. д. Отражение механизмов и результатов коэволюции в памяти биологических и социальных систем в качестве важнейшего фактора их самосохраняющихся систем мы называем мемориализацией коэволюции.

Если по каким-либо причинам разрушаются продуктивные межпоколенные связи, то вновь формирующееся общество не просто теряет память, но и надолго входит в стихийный режим развития опасной нестабильности. Подобная ситуация наблюдается в различных странах современного мира. В этой связи подчеркнем чрезвычайную актуальность оценки К. Лоренца о цивилизационном масштабе разрыва молодыми поколениями с продуктивными традициями старших поколений, поскольку без понимания прошлого нет понимания и будущего, и неизвестно для чего жить. В условиях такой растерянности возникает ложное понимание негодности существующего мироустройства, которое необходимо разрушить, но остается неизвестным чем его заменить. Кто отринул продуктивные традиции и память прошлых поколений, тот не может понять и решать проблемы настоящего. Подобная оторванность мысли от действительности вызвана дефицитом или отсутствием целостного понимания динамики современного мира, которое выражает цикличность развития всех сфер жизни, социальных отношений, ценностных ориентаций и т. д. и т. п. в их связи и взаимозависимости. Если абстрагироваться от конкретных названий систем, процессов, то спектр их циклического взаимодействия в повторяющемся воспроизводстве можно представить как некое множество направлений взаимозависимых изменений диалектически противоположных объектов, тенденций развития. Например, с точки зрения их оценки для благополучия – как добро и зло в разнообразных вариантах и сочетаниях. Добро существует во взаимосвязи со злом и самоопределяется как его относительная противоположность, направлено на его ограничение и подчинение. Взаимопревращения добра и зла также существуют в жизни общества. Палитра циклических взаимосвязей между ними гораздо разнообразнее, чем можно оценить на первый взгляд, когда критерии их различий «размыты», особенно в переломные периоды социальной нестабильности. Человеческие искания жизненных смыслов в циклических движениях к добру, а от него ко злу и обратно всегда опосредуются различными событиями, другими людьми, обществом, государством, вплоть до человечества. Поэтому в козволюционирующей паре «добро – зло», как и в динамическом сопряжении биологических, социальных структур или систем всегда актуализируется как участник козволюции третья величина – среда. Она есть опосредствующий фактор взаимного отделения и кооперирования различных систем, проводник, соучастник, условие, интегратор, буфер, ограничитель, пространство и изменя-

ющееся поле козволюции. Это означает, что среда одновременно выполняет роль мезо- и метаструктуры в регулировании козволюции. Социальная среда во многом формирует принципы отношения личности к добру и злу. Она же обуславливает и воспроизводит разнообразие вариантов их связей и взаимной зависимости, создает панорамное поле памяти о способах разрешения противоречий между добром и злом в социокультурном опыте предыдущих поколений, представленном, например, в детских сказках, пословицах, крылатых выражениях и множестве других форм феноменов культуры. Некоторые из них констатируют два основных результата противоборства добра и зла, которые имеют место в реальной действительности и ориентируют на мудрое, целостное, объективное ее понимание – например, «Бабушка надвое сказала». Другие выполняют функцию предупреждающего сигнала о циклической форме, включая последствия совершенного выбора – «Что посеешь – то пожнешь». Циклический характер транслирования и возвратного действия плохого совета по принципу увеличения негативных последствий для его автора отмечал древнеримский писатель Авл Геллий: «Дурной совет больше всего вредит советчику». В третьих фиксируется зависимость направленности личности в формировании взаимосвязей в обществе и ее собственном поведении от характера социализирующего влияния других субъектов – «С кем поведешься, от того и наберешься». Все многообразие процессов и связей добра и зла в обществе фиксируется в его культуре как специфической мезо- метасистеме, выполняющей регулируемую роль и транслирующей в построение социальных отношений конструктивные этические образцы и требования достижения безопасности и сохранения бытия общества. Не только манифестация зла может явиться побудительной причиной экспансии добра, но и чрезмерное добро может трансформироваться во зло. Не случайно история зафиксировала предупредительный вердикт осененного истиной мудреца, состоящего в том, что дорога в ад вымощена благими намерениями.

В современных философских трудах циклы рассматриваются в качестве основы мироздания. Суть же соответствующей теории заключается в утверждении, что циклическая структура взаимодействия в природе и обществе возникает в результате функционирования и развития универсального механизма движения диалектического противоречия [7].

Б. Ф. Чадов подчеркивает, что «...циклическость не является отличительным свойством живого, а есть свойство всего сущего» [8, с. 153].

Повторяющиеся циклы в живой природе и обществе, на наш взгляд, являются устойчивой формой коэволюции, которая представляет собой важнейший механизм сохранения взаимозависимо изменяющихся объектов, что отражает всеобщий принцип бытия системной организованности и целостности мира, в котором все существует во взаимосвязи сохранения и изменения. Коэволюционный цикл сопряженно существующих систем имеет в своем основании их взаимозависимую экспансию и генерирование вещественных, энергетических и информационных ресурсов, что и обуславливает устойчиво сохраняющуюся цикличность множественности коэволюционных процессов в их взаимосвязи.

Например, коэволюционный поведенческий цикл сопряженного существования хищника и жертвы (не отвлекаясь на конкретизирующие пояснения) можно рассматривать в единстве связующих и разделяющих их процессов взаимной зависимости и взаимной независимости, взаимного содействия и противодействия, взаимной элиминации и сохранения, взаимного различия и идентификации, взаимного отражения, распознавания и скрытности, взаимной необходимости и отделенности, относительной автаркичности образа жизнедеятельности. Все эти и другие коэволюционные процессы при опосредующей, связующей, буферной и регулирующей роли среды образуют единую самоорганизующуюся систему, в которой особи хищника и жертвы по отношению к более общему целому – экосистеме являются временно существующими частями, учитывая популяционную организацию и воспроизводство биологических видов. Все уровни биологической организации жизни вплоть до биоты в целом и биосферы в той или иной степени воздействуют на формирование и устойчивое воспроизводство коэволюционных циклов различных биологических систем. Это заключение имеет принципиальную важность для понимания происхождения и роли ноосферы в связи с ростом масштабов интенсивности, а также необходимостью коэволюции общества и природы и ее регулирования на всех уровнях социоприродного взаимодействия вплоть до глобального.

Цикличность коэволюции является атрибутивным механизмом взаимовыгодного сотрудничества социальных субъектов, которые решают таким образом проблемы собственного автономного развития при взаимном соучастии партнеров и посредством формирования общих направлений, разработки проектов, программ, механизмов, единых надсубъектных (метасистемных) структур, координирующих и кооперирующих деятельность по достижению целей

сотрудничества. Отметим главное. Цикличность проявляется в регулируемом, повторяющемся движении информационного, вещественного, энергетического продукта, организационных компетенций, ценностных ориентаций, воспроизводящей системе отношений и интегрированных управленческих решений от их создания до использования. При этом для сохранения цикличности коэволюции сотрудничающих субъектов как устойчивой формы развития взаимовыгодного сотрудничества требуется воспроизводить и развивать единую, общую систему (метасистему) регуляции, контроля и стимулирования достижения целей каждого субъекта, а также выполнения общих проектов посредством гармонизации взаимоотношений. Соответственно, данную логику организации взаимовыгодного сотрудничества, в которой его коэволюционная цикличность завершается в формировании общей для его субъектов системы координации, регуляции, развития и контроля, а также вновь и вновь инициируется ею мы называем метасистемной экспансией коэволюции. Это означает, что метасистемное регулирование коэволюционных процессов вызвано необходимостью сохранения цикличности коэволюции как основного механизма или схемы деятельности по успешной реализации отношений и достижения целей взаимовыгодного сотрудничества.

Аналогичной логики мы придерживаемся в объяснении исторического возникновения, развития и функционирования ноосферы как метасистемы, формирующейся в процессе взаимодействия общества и природы. Становление ноосферы обусловлено объективной необходимостью регулирования множественных и неоднозначных процессов стихийной социоприродной коэволюции и выведение ее на траекторию динамически устойчивого, циклического взаимодействия общества и природы на основе приостановления и предотвращения опасных цивилизационных разрушений, создания условий и сохранения социоприродного бытия. Возникновение и становление ноосферы есть продолжение развития коэволюционной стратегии на метасистемном уровне самоорганизации бытия природы и общества в их единстве и взаимообусловленном развитии. Поскольку возникновение метасистем есть объективная закономерность взаимодействия и взаимозависимого развития системно организованных объектов в природе и обществе (например, биосфера, само общество и др.), то ноосфера в ее реальном существовании как становящаяся метасистема не может быть неким продуктом чистого, непогрешимого разума, странствующего по консервативному миру сугубо абстрактных

определений в поисках утешающей, страдающего в реальности человека, привлекательной утопии. Ноосфера – это тяжеленный труд для человеческого ума, нравственного созревания, практической деятельности и опасный для множества людей переход от потребительского комфорта к социоприродному смыслу цивилизационно-планетарного предназначения на путях сохранения человека как биосоциального существа и социальной организованности его жизни. Для этого и требуется развитие козволюционно-ноосферного стиля мышления в системе высшего образования как актуального регулятивного принципа современного мировоззрения, соответствующего вызовам существующей цивилизации, от степени адекватности ответов на которые зависит ее будущее.

Необходимость регулирования социальной и социоприродной козволюции, обусловленного потребностями обеспечения доминирования позитивных процессов в сопряженном развитии различных систем над связанными с ними процессами противоположного характера в современном обществе подтверждается объективно закономерным единством подобного рода процессов и результатов четвертой промышленной революции. Характеризуя особенности, содержания, направления, препятствия и ограничения на путях развертывания, результаты и последствия формирования индустрии 4.0 президент Всемирного экономического форума в Давосе Клаус Шваб отмечает, что эта революция несет с собой и великие возможности, и потенциальные опасности, возникает углубляющееся социальное неравенство как системный вызов в глобализирующемся мире [9, с. 12, 14]. В задачи статьи не входит разносторонний анализ несомненно новой и весьма нужной работы для понимания современных трендов технико-технологического прогресса и его результатов. Подчеркнем лишь некоторые методологические трансляции, которые скрыты (вероятно непредумышленно) в книге К. Шваба о четвертой промышленной революции, но вызывают интерес для развития нашей темы. При чтении работы К. Шваба возникает и не покидает мысль о присутствии направляющей идеи некоего отождествления понимания новых направлений развития техники и технологии и общих (глобальных) направлений прогресса общества как саморазвивающейся системы. В соответствии с данной логикой читатель должен воспринимать и понимать прогресс общества как некий атрибут технико-технологического прогресса, который, ни много ни мало, формирует и стандартизирует общие закономерности развития социума в целом. Новейшие достижения техники «рулят» обще-

ством, организация, культура, мировоззрение, ценностные ориентации и всякая деятельность которого должны согласовываться с направлениями и возможностями технического прогресса, чтобы обеспечить его уверенный ход. Подобная идейная матрица приоритетов техносоциального отнюдь не нова. Мало указать на феноменальные достижения и негативные социальные тенденции, порождаемые техническим прогрессом, как это делает К. Шваб. Все более обостряется проблема формирования достоверного и действенного практически знания об общих закономерностях развития общества в его взаимодействии с природой и о человеке как специфическом продукте технопрогресса. Технопрогресс (точнее, его хозяева) заинтересован в подчинении жизни человека его (такого прогресса) воспроизводству, привлекая идеей облегчения труда во всевозможных сферах. Сохранение общества требует воспроизводства человека как социального существа с качествами, обеспечивающими гуманистический прогресс социальной жизни и полноценного биосоциального бытия человека. Между двумя этими тенденциями существует и даже интенсифицируется разрыв, обусловленный приоритетным развитием технического сознания по отношению к социальному сознанию не только отдельных личностей, но и больших социальных групп, особенно поколений молодежи. Мы не имеем возможности охарактеризовать различные явления этого плана. Остановимся кратко лишь на некоторых опасных потерях. Социальная сущность разрушения в сфере формирования продуктивных, творческих свойств интеллекта многих молодых людей заключается в возникновении и устойчивом доминировании негативных, деструктивных тенденций в сознании. Регулируемая козволюция, в которой ведущую роль выполняют позитивные процессы сопряженного развития, заменяются ведущей ролью коинволюции, разрушающей более высокий и совершенный уровень взаимозависимых изменений систем, обладающих большим потенциалом. Один пример. Общество, множество поколений людей трудились тысячи лет, создавая условия и блага жизни посредством развития мышления и пальцев рук, все более совершенствуя навыки овладения силами природы. В результате возникла козволюционная зависимость между сложностью движений пальцев рук и сложностью головного мозга, его мыследеятельностью. Сложилось логическое мышление, представляющее в связанном состоянии множество разнообразных явлений действительности и способное проникать в их сущность, что не дано чувственному мировосприятию. Технический прогресс с его

привлекательной установкой облегчения труда и созданием различного рода гаджетов, задающих новые стандарты отношения к труду, привели к разрыву с традицией взаимной зависимости сложной системы движений пальцев рук и сложностью логической мыслительности как истинного достижения человеческой цивилизации. Результат: упрощенные, тычковые движения пальцев рук теперь обучают мозг мыслить упрощенно и наоборот – деятельность мозга, не получая тренировки развитого логического мышления, впадает в состояние, подобное физической гиподинамии. «Экономия мышления» становится реальностью, вытесняя всякое требование большей сложности работы. Устное, логически связанное изложение прочитанного становится для большинства учащихся запредельным, ненужным испытанием. Кто не владеет развитым логическим мышлением – не в состоянии самостоятельно давать причинные объяснения различных явлений, а это как раз то, что лежит в основе научного познания. Упрощенная репродуктивная работа становится массовым стандартом, творческие личности в такой среде испытывают психологическое давление и дискомфорт. Интеллектуальный потенциал как стратегический ресурс развития общества свертывается, а в некоторых социальных группах начинает доминировать тенденция роста требований благ без соответствующих трудовых затрат их получения нетрадиционными, негуманистическими способами. Это и есть деградиционный, коинволюционный путь взаимозависимого упрощения способности логического мышления, примитивизации трудового поведения и нравственности. Суть конфликта во внутреннем духовном мире части молодых людей заключается в том, что современная социокультурная реальность предъявляет к ним требования творчески участвовать в решении сложных проблем, которых не знала история, а стимулируемое техническим прогрессом упрощение их мышления в единстве с установками на облегченный труд и малозатратное получение благ воспроизводят массовый стандарт репродуктивного мышления. Это также означает, что в идеологии индустрии 4.0 отсутствует установка на достижение состояния продуктивной деятельности как массового стандарта молодежи, являющегося важнейшим фактором развития культуры без разрыва с продуктивными традициями поколений и способности решать актуальные проблемы в целях достижения социальной безопасности. Скорее всего, складывающаяся ситуация внутреннего разлада личности будет вызывать у части молодежи чувство отверженности от мира сего, непонятное им самим и вселяющее тревогу за свое бу-

дущее. Не техника должна толкать и тянуть человека и общество в будущее. При таком распределении приоритетов человек не будет понимать своего места в обществе и неизбежно будет интуитивно чувствовать потерянность смысла своего бытия. О человеке может заботиться не техника, а только общество. Человек же как социальное существо может реализовываться только сохраняя общество. Общество не должно тащиться за техникой. Оно должно знать и понимать закономерности своего развития и своего будущего, а технику создавать и использовать для самосохранения во взаимосвязи с природой. То, что техника упрощает интеллектуальные способности множества представителей поколений, которым принадлежит будущее, указывает на неспособность позаботиться о предотвращении дистрофии логического локуса интеллекта, приобретаемого слабоумия и зависимости от технических «извещателей» в молодежной среде, гонящихся за коммерческой, рыночной выгодой социальных субъектов, постоянно обновляющих парки популярных гаджетов. Все эти явления еще раз убеждают в необходимости регулирования коэволюционных процессов формирования интеллекта, для чего и требуется знание коэволюционных механизмов и овладение соответствующим стилем мышления.

Слишком заразительным в борьбе за человека – потребителя становится стремление создавать технику, многократно превосходящую разнообразные возможности самого человека. Качества человека оттачиваются как высокодоходный инструмент потребления все новой техники. Эта тема требует глубокого и разностороннего раскрытия в целях достижения безопасности человека и общества. В новой работе «Человечество и Технос: философия коэволюции» ее авторы Кутырев В. А., Слюсарев В. В., Хусяинов Т. М. анализируют основные факторы четвертой промышленной революции и, отмечая опасные тенденции трансформации общества в техносистему, обосновывают необходимость коэволюции естественного и искусственного миров для гуманизации технических достижений и сохранения идентичности человека [10].

Заключение. Выявлены неоднозначность и многоканальность коэволюционных процессов, которые обусловлены сложностью и многомерностью сопряженно существующих систем. Обоснованы объективная необходимость и роль метасистемной экспансии коэволюции, обуславливающей становление ноосферы как глобальной организационной структуры, генерирующей и направляющей общие тенденции социотехноприродного взаимодействия и изменения,

способствуя сохранению общества, техносферы и биосферы как относительно автономных и взаимозависимо существующих систем. Раскрыта циклическая форма коэволюционной экспансии в генерировании вещественных, энергетических, информационных и других ресурсов сопряженно существующих систем. Отмечена роль мемориализации коэволюции в стабильном соразвитии биологических и социальных систем. Раскрыто содержание коинволюционных процессов упрощения человеческого интеллекта в результате массового исполь-

зования гаджетов и отмечена ограниченность рациональности установочного принципа облегчения умственного труда с помощью цифровой техники.

Актуален вывод о необходимости формирования коэволюционно-ноосферного стиля мышления и овладения знаниями о коэволюционных закономерностях как регулятивными идеями в мировоззренческой подготовке будущих специалистов с высшим образованием в целях достижения необходимой безопасности общества в их профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Бурак П. М. Козволюционный стиль мышления в формировании ноосферного единства науки // Труды БГТУ. Сер. V, Вып. XV: Политология, философия, история, филология. 2007. С. 31–35.
2. Бурак П. М. Инварианты коэволюции и их взаимосвязь в природе и социокультурной реальности // Труды БГТУ, 2017. Сер. 6, № 2: История, философия. С. 51–56.
3. Бурак П. М. Козволюционная стратегия в совершенствовании образования и формировании социокультурных условий безопасного будущего // Труды БГТУ. 2020. Сер. 6, № 1: История, филология. С. 97–106.
4. Монтень М. Опыты // Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир – Эпоха Просвещения. М.: Политиздат, 1991. 464 с.
5. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1928–1958. Т. 53. Дневники и записные книжки. 1895–1899. 563 с.
6. Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества // Обратная сторона зеркала. М.: Республика, 1998. 393 с.
7. Соколов Ю. Н. Цикл как основа мироздания. Ставрополь: Изд-во Северо-Кавказского гос. технического ун-та, 2006. 172 с.
8. Чадов Б. Ф. Цикличность живого и сущего // Философия науки. 2008. № 2. С. 134–161.
9. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 208 с.
10. Человечество и Технос: философия коэволюции / В. А. Кутырев [и др.]. М.: Алетейя, 2020. 330 с.

References

1. Burak P. M. Coevolutionary style of thinking in the formation of the noospheric unity of science // *Trudy BGTU* [Proceedings of BSTU], series V, Political Science, Philosophy, History, Philology, 2007, issue XV, pp. 31–35 (In Russian).
2. Burak P. M. Invariants of co-evolution and their relationship to nature and the socio-cultural reality. *Trudy BGTU* [Proceedings of BSTU], series 6, History, Philosophy, 2017, no. 2, pp. 51–56 (In Russian).
3. Burak P. M. Co-evolutionary strategy for improving education and creating socio-cultural conditions for a secure future. *Trudy BGTU* [Proceedings of BSTU], series 6, History, Philosophy, 2020, no. 1, pp. 96–107 (In Russian).
4. Monten' M. Experiences. *Chelovek: Mysliteli proshlogo i nastoyashchego o ego zhizni, smerti i bessmertii. Drevniy mir – Epokha Prosveshcheniya* [Man: Thinkers of the past and present about his life, death, and immortality. The ancient world-the age of Enlightenment]. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 464 p.
5. Tolstoy L. N. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 90 t. T. 53. Dnevnik i zapisnyye knizhki 1895–1899*. [Full composition of writings, Diaries and notebooks]. Leningrad, Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1928–1958. 563 p.
6. Lorents K. The eight deadly sins of civilized humanity. *Obrotnaya storona zerkala* [Principles of the system organization of functions]. Moscow, Respublika Publ., 1998. 393p.
7. Sokolov Yu. N. *Tsikl kak osnova mirozdaniya* [Cycle as the basis of the universe]. Stavropol', Izd-vo Severo-Kavkazskogo gos. tekhnicheskogo un-ta Publ., 2006. 172 p.

8. Chadov B. F. The cyclical nature of living and sentient being. *Filosofiya nauki* [Philosophy of science], 2008, no. 2, pp. 134–161 (In Russian).

9. Shvab K. *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The fourth industrial revolution]. Moscow, Eksmo Publ., 2016. 208 p.

10. Kutyrev V. A., Slyusarev V. V., Khusyanov T. M. *Chelovechestvo i tekhnos: filosofiya koevolyutsii* [Humanity and Technos: the philosophy of coevolution]. Moscow, Aleteyya Publ., 2020. 330 p.

Информация об авторе

Бурак Петр Михайлович – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: burak1949@tut.by

Information about the author

Burak Petr Mikhailovich – PhD (Philosophy), Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: burak1949@tut.by

Поступила 20.11.2020

УДК 355.01

В. А. Ксенофонтов

Военная академия Республики Беларусь

**УПРАВЛЕНИЕ ВОЛЕЙ ЧЕЛОВЕКА КАК ЦЕЛЬ
И ВАЖНЕЙШИЙ ПРИНЦИП ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ**

Военное насилие – спутник человеческого бытия, а его крайняя форма – война, ведущаяся с комплексом целей: политических, экономических, социальных, духовных, военных и других, среди которых выделяется ключевая цель. Показаны основные цели войны в различные исторические эпохи. Цель современной (будущей) войны – полное подчинение противника своей воле. Цели военных конфликтов состоят из публично артикулируемых для населения и скрытых от общественности интересов властных элит. Они зарождаются в проводимой политике. Западные теоретики категорию «войны» определяют через волю. Современная война – это ожесточенная борьба между противоположными и враждебными волями. Принимая во внимание учение Клаузевица и понимая роль моральных и духовных величин в военном конфликте, определяем основной принцип ведения войны – антропоцентричность или волеуправление. Уточняем сущность перспективной войны, включив в нее, кроме политики и вооруженной борьбы, еще важнейшую компоненту – волю человека. Современное противоборство показывает, что физическое уничтожение противника в качестве цели военных действий явно уступает место воздействию на его волю. Сегодня цель войны (по А. И. Владимирову) – не уничтожение противника, а силовое перераспределение ролевых функций субъектов социума в пользу сильного и завоевание будущего, а объект воздействия – национальные ценности и психология противника. Сфера национального сознания – новый театр войны. Важнейшая цель военного насилия – открытое (скрытое) управление волей противоположной стороны посредством информации. Философия и психология насилия являются духовным оружием.

Ключевые слова: политика, военное насилие, цели войны, сущность войны, воля, управление волей, национальное сознание, война смыслов, информационное насилие, театры войны, философия и психология войны.

V. A. Ksenofontov

Military academy of the Republic of Belarus

**MANAGING THE WILL OF MAN AS A GOAL
AND AN IMPORTANT PRINCIPLE OF WARFARE**

Military violence is a companion of human life, its extreme form is a war waged with a set of goals: political, economic, social, spiritual, military, etc., among which the key goal stands out. The main goals of the war in various historical eras are described. The goal of modern (future) war is complete submission to one's will. The goals of military conflicts consist of interests of the power elites publicly articulated for the population and hidden from the public. They arise in the policy pursued. Western theorists define the category of “war” through will. Modern warfare is a bitter struggle between opposing and hostile wills. Taking into account the teachings of Clausewitz and understanding the role of moral and spiritual values in a military conflict, we define the basic principle of warfare – anthropocentricity or volitional control. We clarify the essence of a prospective war, including in it, in addition to politics and armed struggle, an even more important component – human will. Modern confrontation shows that the physical destruction of the enemy as the goal of military operations is clearly giving way to influencing his will. Today, the goal of the war (according to A. I. Vladimirov) is not the destruction of the enemy, but the power redistribution of the role functions of the subjects of society in favour of the strong and the conquest of the future, and the object of influence is the national values and psychology of the enemy. The sphere of national consciousness is a new theatre of war. The most important goal of military violence is the open (hidden) control of the will of the opposite side through information. The philosophy and psychology of violence is a spiritual weapon.

Key words: politics, military violence, goals of war, essence of war, will, control of will, national consciousness, war of meanings, informational violence, theatres of war, philosophy and psychology of war.

Введение. Военное насилие и его радикальная форма – война являются не только спутниками бытия человечества, но и формами его существования. Анализ количественно-качественных

характеристик военного насилия свидетельствует о том, что по мере развития цивилизации количественные параметры его проявления только возрастают. Что касается каче-

ственной стороны, то военное насилие постоянно совершенствуется, обретая новейшие средства и различные технологии его ведения. Насилие, и в том числе военное, конкретно исторически детерминировано состоянием социума в целом и развивающимися противоречиями, возникает на основе комплекса мотивов и имеет вполне определенные цели.

Постараемся определить основную цель военного насилия в контексте его трансформации («гибридизации») от традиционного к нетрадиционному.

Основная часть. Военное насилие всегда осуществлялось с четко обозначенными целями. Так будет и впредь. Цели военного насилия могут быть как скрытыми, так и явными. Среди комплекса целей могут быть экономические, политические, социальные, духовные, военные и др. Как правило, цели военного насилия определяются исходя из наличия комплекса противоречий, которые отражаются и на целеполагании.

Убеждены, что среди системы целей военного конфликта все-таки существует определяющая (главная) цель начала противоборства исходя из мотивов участвующих сторон. Ведь мобилизация и задействие материальных и духовных сил государства, общества и армии, необходимых для ведения военных действий без цели, – это не рационально и лишено всякой логики.

Ключевой вопрос: во имя чего начинаются военные действия? Только целевая установка позволяет обосновать экономические, людские, духовные и военные приготовления субъектов военного противоборства для осуществления крайней формы насилия – войны. В этой связи прусский военный теоретик Клаузевиц К. необходимость целеполагания на войне показывал следующим образом: «Война не начинается, – или, во всяком случае, не следует, действуя разумно, начинать войну, – пока не будет установлено, чего мы хотим достигнуть посредством войны и в течение ее. В первом заключается смысл войны, второе является ее целью» [1, с. 177].

Список возможных целей войны многогранен; охватывает спектр разнообразных намерений от материальных до духовных. В истории военного насилия найдется широкий набор случаев с разнообразным целеполаганием. Уточним, не вдаваясь в детали прошедших войн, сущностные и наиболее значимые цели военного насилия разных исторических эпох и на разных ступенях развития человеческого общества.

Так, в *допромышленную* эпоху цель войны – захват территории и порабощение населения.

В *промышленную* эпоху целью войны становится захват территории и материальных богатств противника.

В *современной войне* основной целью войны является захват материальных богатств, различных ресурсов и навязывание противнику своей воли.

В *будущей войне* целью становится полное подчинение противника своей воле [1, с. 178].

Представленная эволюция целей войн в разные эпохи носит достаточно условный характер, но показывает принципиальные тенденции эволюции целей войны.

Мы понимаем, что цели проводимых войн в конкретно-исторических условиях – это всевозможный спектр различных вариантов. Отдельно в этом смысле стоит проблема лишения жизни людей на войне. Безусловно, в любую эпоху в ходе войн шло физическое уничтожение живой силы и населения противника. Однако преднамеренное и целенаправленное физическое уничтожение людей, как правило, не было заявленной целью войн. Массовое уничтожение противоположной стороны, как правило, не выдвигалось в качестве политической цели войны в целом. В современном мире подобно рода явления квалифицируются как военные преступления, как нарушение законов и обычаев войны. Именно поэтому в представленной эволюции целей войн в разные эпохи военные аналитики осознанно не включили в качестве цели физическое уничтожение людей, что было, по их мнению, одним из средств или механизмов достижения политических целей войн [1, с. 179].

Итак, наличие цели является непременным атрибутом войны. Цели могут корректироваться или даже коренным образом изменяться исходя из развития военно-политической обстановки. Они могут, в свою очередь, делиться на стратегические и частные составляющие, находящиеся в диалектическом единстве. Цели конкретных военных конфликтов – это сложная конструкция, состоящая из публично артикулируемых для населения лозунгов и истинных, скрытых от общественности интересов властных элит.

Для населения цели должны быть ясными, понятными и высокими, чтобы обеспечить мобилизацию многомиллионных масс людей на неизбежные жертвы, лишения и трудности. Благородство целей очевидно в войнах справедливых, освободительных, когда народ поднимается на защиту своего Отечества в борьбе с агрессором. Однако в реальности любая, даже самая коварная война после нехитрых манипуляций с общественным мнением приобретает в сознании народа справедливый характер.

Истинные цели войны, которые формулируются политическим руководством государств для «собственного пользования», всегда будут

не абстрактными, а конкретными. При этом им нет необходимости прикрывать благородными лозунгами реальные цели, которые могут быть откровенно агрессивными. Таким образом, военное насилие обязательно имеет вполне конкретные цели, характеризующие тот *результат*, который хотят достичь. Заметим, что при этом истинные цели военного конфликта (даже агрессии) обычно прикрываются благородными лозунгами, ориентированными на поддержание высокого морального духа народа и армии.

Еще раз обратимся к К. Клаузевицу: «Война – это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю» [2, с. 35], – таково одно из его определений войны. Размышляя о природе войны, он подчеркивает: «... война является актом насилия, и применению его нет предела; ...» [2, с. 37]. Он также подчеркивает, что война – «подлинное орудие политики» [2, с. 55]. Как отмечают российские военные аналитики: «Идея прусского военного гения об увязке войны с политикой традиционно превалирует в советской и современной российской военной науке и политологии. Такой подход позволяет увязать воедино проблемы войны и мира в глобальном развитии человеческой цивилизации. Определение же войны через категорию воли выглядит в этом контексте слишком мелко и несерьезно. Слишком ненаучно!» [1, с. 181].

Вместе с тем на Западе именно данная формула К. Клаузевица оказалась наиболее востребованной. Определение понятия войны через категорию воли содержится во многих официальных концептуальных документах Пентагона. В частности, официальный документ Пентагона от 10 сентября 2012 г. *Capstone Concept For Joint Operations: Joint Force 2020* («Основополагающая концепция ведения объединенных операций: объединенные силы 2020») определяет понятие войны через категорию «воли»: «Война остается столкновением между враждующими, независимыми и непримиримыми волями, каждая из которых стремится достичь доминирования над другой посредством насилия. Противники будут продолжать свои стремления найти и использовать уязвимости США. Даже если конфликт будет вестись с использованием самых современных технологий, ведение военных операций остается, по большому счету делом человека» [1, с. 182].

Опираясь на мощную и современную военную силу, американские военные специалисты делают существенную ставку в достижении целей военного противоборства посредством воздействия на волю и духовные силы противоположной стороны.

К. Клаузевиц пишет: «... военные действия насквозь пронизаны духовными силами воздействия» [2, с. 126], а «военная деятельность никогда не бывает направлена против лишь одной материи, а всегда в то же время и против моральных сил, одухотворяющих эту материю; отделить их друг от друга невозможно» [2, с. 127].

Таким образом, война является ожесточенной борьбой между противоположными и враждебными волями, каждая из которых стремится навязать себя другой стороне. Как утверждал К. Клаузевиц, «моральные величины на войне занимают самое важное место. Эти моральные силы насквозь пропитывают всю военную стихию; у них величайшее средство с волей, ибо воля есть величина моральная, и они заранее смыкаются с ней, сливаются с ней воедино, а воля – это то, что приводит в движение и руководит всей массой материальных сил» [2, с. 199].

Несмотря на то, что эти умозаключения были сформулированы почти два столетия назад, именно это понимание сути войны содержится в официальных документах Пентагона начала XXI в., когда развитие вооружений и военной техники, военных технологий в целом достигло таких высот, что на повестку дня встал вопрос об уходе человека с реального поля боя. Но и в этих условиях руководство военного ведомства США считает оправданным выводить понятие войны через нематериальную категорию воли [1, с. 182].

Как отмечает К. Клаузевиц: «цель военных действий должна заключаться в том, чтобы обезоружить противника, лишить его возможности продолжать борьбу, т. е. сокрушить его» [2, с. 38]. Говоря о выдвижении политической цели войны на первый план, он делает вывод, что политическая цель «являющаяся первоначальным мотивом войны, служит мерилем как для цели, которая должна быть достигнута при помощи военных действий, так и для определения объема необходимых усилий» [2, с. 44].

Учет К. Клаузевицем и современными теоретиками моральных величин в военном конфликте, позволяет нам сформулировать **основной принцип ведения современной войны** как *антропоцентричность* (в широком смысле) или *волеуправление* или управление волей человека (в узком смысле). Этот подход пока не нашел достаточного отражения в военно-философской науке, традиционно ориентирующейся на концепцию взаимосвязи войны и политики (что не вызывает сомнений). Однако, как нам представляется, категория воли в диалектической связи с политикой в наиболее адекватном виде передает сегодня важнейшую характеристику сущностного содержания войны. Напомним, что *воля*, по определению

А. Г. Маклакова, – «это сознательное регулирование человеком своего поведения и деятельности, выраженное в умении преодолевать внутренние и внешние трудности при совершении целенаправленных действий и поступков» [3, с. 374]. Главная функция воли заключается в сознательной регуляции активности человека в затрудненных условиях жизнедеятельности.

Энциклопедические словари, характеризуя *сущность войны*, определяют ее двухкомпонентной: *политика* плюс *вооруженная борьба*. «Война – социально-политическое явление, представляющее собой крайнюю форму разрешения социально-политических, экономических, идеологических, а также национальных, религиозных, территориальных и других противоречий между государствами, народами, нациями, классами и социальными группами средствами военного насилия. ... Сущностью войны является продолжение внутренней и внешней политики воюющих сторон средствами вооруженного насилия. Политика составляет основной элемент сущности войны. ... Другую специфическую сторону сущности войны составляет вооруженная борьба, которая имеет способность обратного воздействия на политику» [4, с. 206].

Полагаем, что исходя из обязательного наличия и участия в военном конфликте человека, а также определения им политико-стратегических целей войны, возможно уточнить сущность современной и перспективной войны, включив в нее, кроме двух обозначенных (политика, вооруженная борьба), еще важнейшую компоненту – волю человека. К. Клаузевиц подчеркивает, что «война есть деятельность воли против одухотворенного реагирующего объекта» [2, с. 148].

Такой подход с военно-философской точки зрения показывает уже четко сформировавшуюся тенденцию современной войны, направленной на управление волей противоборствующей стороны и поражение психики человека посредством различных видов воздействия, в первую очередь информационно-психологического или когнитивного. Кроме того, ни один из сущностных элементов войны (политика и вооруженная борьба) не обходится без воли человека, именно благодаря его воле и сформировались такие феномены, как политика и вооруженная борьба в целях реализации интересов личности, отдельного социума и государства, основываясь на волевых актах человеческой деятельности.

Анализ военных конфликтов современности показывает, что физическое (материальное) уничтожение противника в качестве цели военных действий все более явно уступает место

воздействию на его волю, подчинению противника своей воле и управлению его волей. При этом до применения военной силы дело иногда не доходит, а стороны ограничиваются лишь демонстрацией военной силы и своей воли (решимости применить военную силу).

Какую роль в такой войне или скрытой войне (нетрадиционной) призваны играть танки и бронемашин, артиллерия и самолеты – вопрос остается открытым.

Вместе с тем в сознании ряда специалистов все еще доминируют традиционные взгляды на войну. Потребности в инновациях сводятся к увеличению и совершенствованию военной силы, созданию новых более разрушительных и эффективных средств поражения живой силы и техники противника. Это было явно характерно для второй половины XX в., но в современную эпоху глобального геополитического и информационного противостояния такой подход к развитию вооружений и военной техники не является определяющим. Безусловно, политическая воля опирается при достижении военно-политических целей, в том числе и на военную силу, но в современных условиях такой односторонний подход выглядит уязвимым.

Сегодня цель войны – «не уничтожение противника, а силовое перераспределение ролей функций субъектов социума (например, государств) в пользу сильного, способного сформировать собственную модель послевоенного управления социумом, а также полномасштабно пользоваться стратегическими эффектами своей победы. Главная цель войны – завоевание (захват) будущего» [5, с. 258].

Убеждены в правильности слов А. И. Владимиров, что в современной войне ее «объектом становится не столько собственно вооруженная или экономическая составляющие государства, сколько его национальные ценности, так как только они и делают нацию и государство тем, что они есть в истории человечества. Их изменение и есть главная задача войны» [5, с. 259].

Исходя из нашего положения о приоритетности человека в военном противоборстве, сфера национального сознания становится новым театром войны [5, с. 295]. Мы абсолютно убеждены, что контуры новой войны не только просматриваются, а уже четко обозначены в рамках глобализации. Речь идет о войне смыслов национального бытия. Военный ученый Владимиров А. И. данное явление определяет так: «Война смыслов – это процесс стирания и удаления исторических аутентичных национальных ценностей и смыслов из образа жизни нации, из лона ее национальной культуры и замена их другими – чуждыми ценностями и смыслами, что ведет к смене

образа существования нации и смене ее исторического генетического кода» [5, с. 485].

Ведущие государства Запада огромные средства военного бюджета вкладывают в развитие информационных и цифровых технологий, робототехнику, системы разведки, навигации, связи и управления, в новые военные проекты и системы небоевого назначения.

Конечно, никто не отрицает важности традиционных военных технологий, но нельзя недооценивать и множество других невоенных средств противоборства, которые влияют на характер и содержание современных и будущих военных конфликтов [6].

В перспективе, если мы овладеем технологией управления воли противоположной стороны, навязыванием своей воли противнику, сможем заставить его «добровольно» поступать в соответствии с нашими интересами, то и цели войны могут быть достигнуты без единого выстрела.

В будущих конфликтах военные (силовые) действия могут не вестись вообще либо они не будут иметь определяющего значения в условиях достижения политико-стратегических целей посредством управления волей вероятного противника. Функционирующие системы стратегического сдерживания, по нашему убеждению, кроме военно-стратегической составляющей, имеют значительную психологическую (волевою) компоненту. Следовательно, представление о войне как о противоборстве военных сил – достаточно упрощенная точка зрения. Будущая война, основываясь на новейших технологиях философской, психологической, военной и технической наук, может оказаться невидимой.

В нашем сознании при упоминании войны актуализируется каноническая формула К. Клаузевица о том, что «война есть не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, проведение их другими средствами» [2, с. 56]. Война представляет собой странную троицу: насилие; ненависть и вражда; игра вероятностей и случая [2, с. 58]. Но ведь наследие К. Клаузевица более фундаментально с точки зрения осмысления войны. Военные аналитики Попов И. М. и Хамзатов М. М. убедительно доказали это, вычленив более двух десятков дефиниций понятия «война», сформулированных К. Клаузевицем в его труде «О войне» [1, с. 161–165].

Поэтому классика военно-теоретической мысли в догматизме упрекнуть никак нельзя. Скорее, мы можем поставить вопрос перед собой о знании его теории применительно к реалиям современности. Его заслуга в том, что в конкретных условиях начала XIX в. он смог создать целостное учение о сущности и содер-

жании войны в контексте политики государства. Ввиду своей универсальности его идеи в целом не утратили своей актуальности и сегодня [1, с. 184]. В современных условиях сущность войны как социально-политического явления по-прежнему укладывается в рамки предложенных К. Клаузевицем подходов.

Стоит учитывать, что насилие (и военное тоже) постоянно совершенствуется, а знанием сущностных особенностей его обладают только специалисты.

Вполне закономерно, что известный военный аналитик Владимир А. И. пишет, что «война может быть определена не просто как акт насилия, а как процесс целенаправленного организованного насилия, осуществляемого одними субъектами социума относительно других субъектов социума, в целях изменения в свою пользу основ собственного существования за счет ресурсов и возможностей противной стороны» [5, с. 179].

Сегодня активно используется экономическое, политическое, духовное, социальное, культурное, идеологическое, психологическое насилие в целях побуждения человека и социальных образований к тем или иным действиям со стороны субъекта насилия. Особое значение в современных условиях приобретает информационное насилие [7, 8], под которым, по мнению И. Н. Сидоренко, «понимается бессознательное подчинение власти посредством информационных технологий и иерархии ценностей, приобретающих само собой разумеющийся характер... Власть информационного насилия навязывает значения, заставляя признать их легитимными и одновременно скрывая силовые отношения, лежащие в ее основе» [9, с. 148].

Стоит постоянно помнить, что архитекторы Нового мирового порядка ведут сегодня глобальную духовную экспансию. Война имеет, как отмечает аналитик Грачева Т. В., три театра действий: традиционный *физический* (материальный, территориальный, экономический), *психологический* (где объектом воздействия оказывается сознание) и *духовный*. Причем первые два уровня ограничены. Физический совпадает с границами государства или их союзов, а действия охватывают геополитическое и экономическое пространство. Психологический (ментальный) театр имеет относительно размытые границы в рамках сознания общества и политической элиты. Действия осуществляются преимущественно в информационном пространстве. Духовный театр не имеет границ [10, с. 333].

Для геополитического контроля планеты необходима глобальная духовная война, создающая новую духовную реальность: ненациональную (оторвав ее от национальных тради-

ций и корней), затем антинациональную (формируя ненависть ко всему национальному), далее транснациональную (насаждая духовный полицентризм) и, наконец глобальную, универсализированную (внедрив особый духовный стандарт, создав новую духовность, обеспечивающую тотальное и безусловное подчинение и лежащую в основе нового мирового порядка, построенную на отношениях рабовладения и духовного рабства) [10, с. 340].

Заключение. Таким образом, основные воздействия противника в современном противоборстве направлены на психологическую и духовную компоненту, на открытое и скрытое управление волей противоположной стороны, что, по нашему убеждению, является не только явно обозначившимся важнейшим принципом военного насилия, но и его основной целью.

Убеждены, что, помимо совершенствования материальной компоненты военной силы, на первый план выходит проблема глубокого знания (познания) философии и психологии современной войны.

Как отмечает в монографии А. И. Владимиров: «Психология войны есть состояние духовных и моральных сил нации, отражающее настроения и предпочтения населения страны

как его готовность вести войну и победить в ней» [5, с. 660]. Данные направления актуализируют необходимость глубокого понимания не только военного дела, но и философии, и психологии для уяснения сущности нетрадиционного военного противоборства, свидетельствуют о необходимости дальнейшего научного развития военно-философской и военно-психологической проблематики в интересах обеспечения национальной безопасности государства.

Сегодня можно утверждать, что собственно философские идеи и психологический инструментарий становятся серьезным средством воздействия и манипулирования противоборствующей стороной. Можно говорить, что философия и психология в руках профессионалов являются духовным оружием.

Полагаем, что в интересах обеспечения национальной безопасности белорусского государства при подготовке управленцев в рамках образовательного процесса важнейшими составляющими могут стать новые или уточненные дисциплины, или спецкурсы: «Философия насилия», «Философия войны», «Философия национальной безопасности», а также «Психология социального насилия» и др.

Список литературы

1. Попов И. М., Хамзатов М. М. Война будущего: концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли. М.: Кучково поле, 2016. 832 с.
2. Клаузевиц К. О войне: пер. с нем. М.: ИК «Логос: Междунар. академ. издат. компания «Наука». 448 с.
3. Маклаков А. Г. Общая психология. СПб.: Питер, 2001. 592 с.
4. Военный энциклопедический словарь. М.: Эксмо, 2007. 1024 с.
5. Владимиров А. И. Основы общей теории войны: монография: в 2 ч. Часть 1: Основы теории войны. М.: Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2013. 832 с.
6. Ксенофонтов В. А. Трансформация философии войны // Научная мысль. 2020. № 1-1 (35). С. 36–46.
7. Ксенофонтов В. А., Верлуп С. В., Тицкий А. Г. Информация как средство насилия // Вестник Военной академии Республики Беларусь. 2018. № 1(58). С. 108–120.
8. Ксенофонтов В. А. Информационное противоборство и проблема управления военной организацией государства // Гуманитарные проблемы военного дела. 2019. № 1 (18). С. 77–88.
9. Сидоренко И. Н. Философия насилия: от метафоры к концепту. Минск: БГУ, 2017. 175 с.
10. Грачева Т. В. Глобальная война США за «Новый мир» // Военная безопасность Российской Федерации в XXI веке: сб. науч. ст.; под ред. ген. полковника Балувеского Ю. Н. М.: ЦВСИ, 2004. 447 с.

References

1. Popov I. M., Khamzatov M. M. *Voyna budushchego: Kontseptual'nyye osnovy i prakticheskiye vyvody. Oчерki strategicheskoy mysli* [War of the future: Conceptual foundations and practical conclusions. Essays on strategic thinking]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2016, 832 p.
2. Clausewitz K. *O voyne* [About war]. Moscow, IK "Logos": Mezhdunar. akadem. izdat. kompaniya "Nauka" Publ., 448 p.
3. Maklakov A. G. *Obshchaya psikhologiya* [General psychology]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2001, 592 p.
4. *Voyennyy entsiklopedicheskiy slovar'* [Military encyclopedic dictionary]. Moscow, Eksmo, Publ., 2007. 1024 p.
5. Vladimirov A. I. *Osnovy obshchey teorii voyny: v 2 ch. Chast' I: Osnovy teorii voyny* [Fundamentals of the General theory of war: in 2 ch. Part I: Fundamentals of the theory of war]. Moscow, Moskovskiy finansovo-promyshlenny universitet "Sinergiya" Publ., 2013. 832 p.

6. Ksenofontov V. A. Transformation of the philosophy of war. *Nauchnaya mysl'* [Scientific thought], 2020, no. 1 (35), pp. 36–46 (In Russian).
7. Ksenofontov V. A., Verlup S. V., Titskiy A. G. Information as a means of violence. *Vestnik voyennoy akademii Respubliki Belarus'* [Bulletin of the Military Academy of the Republic of Belarus], 2018, vol. 1(58), pp. 108–120 (In Russian).
8. Ksenofontov V. A. Information confrontation and the problem of managing the military organization of the state. *Gumanitarnyye problemy voyennogo dela* [Humanitarian problems of military Affairs], 2019, no. 1 (18), pp. 77–88 (In Russian).
9. Sidorenko I. N. *Filosofiya nasiliya: ot metafory k kontseptu* [The philosophy of violence: from metaphor to concept]. Minsk, BGU Publ., 2017, 175 p.
10. Gracheva T. V. The global war for the “New world”. *Voyennaya bezopasnost' Rossiyskoy Federatsii v XXI veke* [Military security of the Russian Federation in the XXI century]. Moscow, TsVSI Publ., 2004. 447 p. (In Russian).

Информация об авторе

Ксенофонт Влaдислав Анaтольевич – кандидат философских наук, доцент, начальник кафедры социальных наук. Военная академия Республики Беларусь (220057, г. Минск, пр. Независимости, 220). E-mail: nksena777@gmail.com

Information about the author

Ksenofontov Vladislav Anatol'yevich – PhD (Philosophy), Associate Professor, Head of the Department of Social Sciences. Military Academy of the Republic of Belarus (220, Nezavisimosti Ave., 220057, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: nksena777@gmail.com

Поступила 08.09.2020

УДК 165.6:167

И. Н. Кандричина, Н. В. Зайцева

Белорусский национальный технический университет

**ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ И ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ
В КОНТЕКСТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ, ПЛЮРИДИСЦИПЛИНАРНОСТИ
И ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

В настоящее время термин «парадигма» порождает ряд дискуссионных философских, онтологических, эпистемологических и исторических вопросов. Семантические двусмысленности порождают терминологические дебаты и отражаются на качестве научных исследований, в то время как операционализация понятий и обоснование подхода и метода исследования должны быть отправной точкой планирования, реализации и оценки научной работы. Данная статья направлена на уточнение термина «парадигма». В ней акцентируется внимание на существенных компонентах, помещающих его в проблемную область эпистемологии.

Ключевые слова: эпистемология, научная парадигма, плюридисциплинарность, междисциплинарность, трансдисциплинарность.

I. N. Kandrichina, N. V. Zaytseva

Belarusian National Technical University

**EPISTEMOLOGICAL AND PARADIGMATIC ISSUES
IN THE CONTEXT OF INTERDISCIPLINARITY, PLURIDISCIPLINARITY
AND TRANS-DISCIPLINARITY OF SCIENTIFIC RESEARCH**

Currently, the term “paradigm” generates a number of debatable philosophical, ontological, epistemological and historical questions. Semantic ambiguities generate terminological debates and affect the quality of scientific research. The clarification of this term has become particularly relevant with the introduction of the scientific discourse orientation to interdisciplinarity, pluridisciplinarity, multidisciplinary, interdisciplinarity and transdisciplinarity of scientific research. This article is aimed at clarifying the term “paradigm”, focusing on the essential components that place it in the problem area of epistemology.

Key words: epistemology; scientific paradigm; pluridisciplinarity, interdisciplinarity, transdisciplinarity.

Введение. Конечной целью любого научно-исследования является получение нового знания, поэтому до сих пор остаются актуальными такие вопросы, как «Что такое знание?», «Как устроено знание?», «Каковы механизмы объективации и реализации знания?», «Каковы общие законы функционирования, изменения и развития знаний?», «Как вырабатывается знание?», «Какова ценность знания?». Эти вопросы входят в проблемное поле эпистемологии.

Термин «эпистемология» появился в начале XX в. для обозначения отрасли философии, специализирующейся на изучении теорий познания. Сегодня он стал синонимом философии науки. Эпистемология – это философско-методологическая дисциплина, объектом изучения которой является научное знание, его строение, структура, функционирование и развитие. Иными словами, исключительной проблемной областью анализа эпистемологии является сама наука, изучение формирования и структуры научных понятий и теорий.

Основная часть. Эпистемология по своей сути является аналитической и рефлексивной дисциплиной, в рамках которой можно выделить четыре области анализа [1, с. 41]:

- 1) синтаксис теорий – сущность и структура научных понятий и теорий;
- 2) семантика теорий – объект, предмет, область применения и смысл понятий и теорий;
- 3) научный метод;
- 4) ограничения и полезность научных трудов.

В сущности, можно утверждать, что эпистемология стремится критически осмыслить принципы, методы и результаты различных наук, чтобы определить их происхождение, ценность и предметную область. Исходя из вышеупомянутых четырех областей анализа и рефлексии, получается, что эпистемология охватывает четыре типа проблем [2, с. 248]:

- 1) проблемы обоснованности – логика науки или выявление и анализ логических проблем и закономерностей науки, и структуры научных теорий;
- 2) проблемы значимости и истинности – семантика науки или анализ и оценка понятий репрезентации, референции и интерпретации применительно к научному инструментарию;
- 3) проблемы метода – методология науки, изучение научного метода и вопроса о существовании специфических методов отдельных наук;

4) проблемы ограниченности и ценности научного подхода – теория научного познания, анализ состояния различных видов познания и проблемы разграничения науки и псевдонауки.

Термин «парадигма» вошел в научный дискурс в 1962 г. благодаря работе Т. С. Куна, посвященной теории парадигмы современной науки. Он концептуализировал парадигму, отталкиваясь от двух ее значений [3]:

1) толкование парадигмы как целостной совокупности убеждений, признанных ценностей, техник и приемов, характерных для определенного научного сообщества;

2) ограничение содержания термина «парадигма» одним элементом, изолированным от этой целостности: решениями конкретных проблем, которые, будучи использованы в качестве моделей или примеров, могут заменить явные правила в качестве фундамента решения проблем, относящихся к нормальной науке.

По мнению Т. С. Куна, функционирование современной науки опирается на исследовательские традиции, основанные на относительно прочном консенсусе между практическими приемами проведения научных исследований и решениями конкретных исследуемых проблем, который устанавливается двумя способами:

1) практические специалисты соглашались с тем, что конкретная ситуация, сформулированная определенным образом, представляет собой конкретную проблему;

2) практические специалисты согласны с тем, что точный метод, используемый для решения соответствующей проблемы, представляет собой приемлемое научное решение, поэтому конкретные решения конкретных проблем принимаются не только за то, что они есть, но и потому, что они представляют собой конкретные исследовательские и практические руководства.

Центральная роль парадигмы в теории Т. С. Куна состоит в становлении системы взаимосвязей подобий и различий, а также традиционных моделей решения прагматической проблемы, построенных на основе определенных парадигм.

Идеи Т. С. Куна не раз подвергались критическому анализу. Так, например, М. Мастерман [4] считает, что существует социологическое, а не философское видение парадигмы. Исследование Т. С. Куна опирается прежде всего на глобальный процесс, ведущий к построению научного объяснения, не обращаясь к гипотезам. Здесь парадигма – это то, что функционирует даже тогда, когда отсутствуют теоретические положения. М. Мастерман рассмотрела 21 вариацию определения парадигмы Т. С. Куна, впоследствии выделив на их основе три вида парадигм:

1) «метафизическая парадигма, или метапарадигма», – отождествление парадигмы с набором верований, мифом, метафизическими умозаключениями, стандартом, способом мировоззрения, организующим принципом, определяющим восприятие или представление реальности;

2) «социологическая парадигма» – парадигма выступает аналогией или эквивалентом конкретного научного открытия, комплекса социальных институтов, концепции, предназначенной для организации и проведения исследований в конкретных или четко определенных условиях;

3) «артефактная парадигма» – использование термина «парадигма», имея в виду научный учебник или классический научный текст как источник исследовательских правил, установок, методов, технологий и техник проведения научных исследований.

Ж. Виллетт [4] сформулировал основные положения концепции парадигмы Т. С. Куна следующим образом:

1) наука основана на явном или скрытом, абсолютном или относительно устойчивом консенсусе между специалистами конкретной области исследований;

2) во всех науках можно выделить три периода – допарадигматический, парадигматический и постпарадигматический, характеризующие эволюцию научного мышления и парадигматические кризисы;

3) понятия, концептуальные модели, дефиниции, определение характеристик квазитеретических терминов, законов, теорий, перспектив, правил, постулатов, принципов, обобщений, рационализаций, абстрактных признаков присоединяются к конкретным решениям, предлагаемым парадигмой;

4) парадигма – достигнутый консенсус между специалистами в отношении объекта и предмета исследования, конкретной проблематики, используемой методологии и методов исследования. Основными преимуществами парадигмы как определяющего компонента проблемного поля эпистемологии являются:

– парадигма формируется на основе группового обсуждения экспертов и представляет собой общую для данной группы специалистов нормативную совокупность убеждений, методик, техник и методов исследования;

– парадигма позволяет разработать и использовать специализированный язык, т. е. метаязык, предназначенный для описания объекта и предмета изучения, задач и исследовательского процесса, построения теории, интерпретации эмпирических данных и результатов;

– парадигма определяет основы валидации, верификации и разработки научного подхода;

– парадигма определяет процессы анализа, обобщения и интерпретации эмпирических данных и результатов исследования;

– парадигма устанавливает рамки исследования и ограничивает исследовательское поле, тем самым препятствуя повторному изучению одних и тех же проблем с другого дискурса;

5) парадигма является одновременно источником стабильности научного сообщества, надежности и обоснованности научного знания и общей нормативной совокупностью теоретико-методологических установок, позволяющим специалистам координировать свои усилия и проводить научный поиск в соответствии с требованием плюридисциплинарности или трансдисциплинарности.

6) теоретические положения, преобразованные в парадигму, могут быть отклонены в пользу другой, более обоснованной и утилитарной, парадигмы. Трансформация парадигмы происходит, когда принятая научным сообществом модель рациональной научной деятельности не способна репрезентировать результаты исследования.

Однако существуют и альтернативные трактовки термина «парадигма». Рассмотрим две наиболее значимые. Так, Р. Будон [5] считает, что парадигма представляет собой язык формулирования теорий или отдельных теоретических, методологических и методических положений, изучаемых в рамках определенной научной дисциплины, и выделяет многочисленные типы и подтипы парадигм, например детерминистские, интеракционистские, функционалистские. Дж. Ритцер [6, с. 26–27] постулирует, что парадигма – это фундаментальный имидж предмета и объекта науки, который необходим для определения того, что следует изучать, какие вопросы следует задавать и каким правилам следует следовать при интерпретации полученных данных. Она служит для дифференциации одного научного сообщества

от другого. Дж. Ритцер подчеркивает, что парадигма имеет четыре основных элемента: модель анализа проблемного поля, служащая руководством для других исследователей; представление об области исследования, гипотезы и научные учения, совокупность технологий, техник, методик и методов исследований. Он предложил собирательно-имиджевую парадигму, многопарадигматическую модель социологии и деление социологических парадигм на социально-факторные и несоциально-факторные.

В XX в. появляются новые философско-методологические направления и подходы, развиваются аналитические, операциональные, нормативные, структурно-функциональные методы исследования. Со второй половины XX в. темпы значимости научных разработок и научного производства возрастают, появляются новые учебные дисциплины, и, как следствие, возникает необходимость в развитии связей между различными научными дисциплинами. Под парадигмой сейчас понимается определённый набор концепций и шаблонов мышления, моделей и методов исследования, постулатов и стандартов, в соответствии с которыми осуществляются исследовательский процесс и интерпретация данных. В контексте современных научных исследований проблема состоит уже не в накоплении фрагментированных знаний, а в использовании самых разнообразных сведений для построения реактивного и практико-ориентированного научного знания.

Заключение. Таким образом, многие теоретики, занимающиеся академическими научными исследованиями, рассматривают трансдисциплинарность, плюридисциплинарность и междисциплинарность как необходимость современных исследований, обусловленную эволюцией содержания и усложнением знания, а также стремлением к синтезу знания различных научных дисциплин.

Список литературы

1. Simard J., Rimouski C. *Epistemology*. Cambridge University Press, 2011. P. 38–43.
2. Iacob S., Popescu C., Ristea A. L. The Role of Epistemological Paradigms in Research in Social Sciences and Humanities // *Theoretical and Applied Economics*. 2015. Vol. XXII. No. 4 (605). P. 247–252.
3. Kuhn T. S. *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago: University of Chicago Press, 1962.
4. Mastermann M. *The nature of paradigm* // *Growth of Knowledge*. Cambridge. 1970.
5. Boudon R. *Perverse effects and social order*. Paris: Quadrige Presses Universitaires de France, 1989.
6. Ритцер Дж. *Современные социологические теории*. СПб.: Питер, 2002. 688 с.

References

1. Simard J., Rimouski C. *Epistemology*. Cambridge University Press, 2011, pp. 38–43.
2. Iacob S., Popescu C., Ristea A. L. *The Role of Epistemological Paradigms in Research in Social Sciences and Humanities. Theoretical and Applied Economics*. 2015. Vol. XXII, no. 4 (605), pp. 247–252.
3. Kuhn T.S. *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago, University of Chicago Press Publ., 1962.

4. Mastermann M. The nature of paradigm. *Criticism and Growth of Knowledge*. Cambridge, 1970.
5. Boudon R. *Perverse effects and social order*. Paris, Quadrige Presses Universitaires de France Publ., 1989.
6. Ritzer J. *Sovremennyy sociologicheskiye teorii*. St. Petersburg, Piter Publ., 2002. 688 p.

Информация об авторах

Кандричина Ирина Николаевна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры «Менеджмент». Белорусский национальный технический университет (220013, Минск, пр-т Независимости, 65, Республика Беларусь). E-mail: nadezhda_zaytseva_1972@mail.ru

Зайцева Надежда Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Экономика и право». Белорусский национальный технический университет (220013, Минск, пр-т Независимости, 65, Республика Беларусь). E-mail: nadezhda_zaytseva_1972@mail.ru

Information about the authors

Kandrichina Irina Nikolayevna – PhD (Sociology), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of “Management”. Belarusian National Technical University (65, Nezavisimosti Ave., 220013, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: nadezhda_zaytseva_1972@mail.ru

Zaytseva Nadezhda Viktorovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of “Economics and Law”. Belarusian National Technical University (65, Nezavisimosti Ave., 220013, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: nadezhda_zaytseva_1972@mail.ru

Поступила 05.09.2020

УДК 32.019.5

М. В. Подручный

Белорусский государственный технологический университет

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

В статье анализируются методологические подходы к изучению структуры и функций общественного мнения как когнитивного феномена и как социального института. Историческая реконструкция форм, типов коллективных представлений, характерных для различных исторических типов обществ, позволяет выявить принципы функционирования общественного мнения в условиях эгалитарных, простых (традиционных) социальных систем и в условиях социальной модернизации. Делается вывод о том, что сформированное общественное мнение является необходимым условием эволюции вертикальных социальных структур обществ механической солидарности к построению горизонтальных отношений, основанных на юридическом равенстве и договорных началах свободных людей, отношений, составляющих суть гражданского общества. Формирование общественного мнения как автономного социального института, предполагающего наличие инструментов легитимации коллективной воли и социального контроля ее исполнения, имело существенное социальное значение в том смысле, что впервые в многовековой истории человечества все люди независимо от их социального происхождения и положения были признаны равными участниками общественной жизни. Анализ структурно-функциональных параметров общественного мнения как социального института позволяет обосновать принцип свободы публичного высказывания как фундаментальный императив социальной модернизации.

Ключевые слова: общественное мнение, социальный институт, институционализация, гражданское общество, публика, масса.

M. V. Podruchny

Belarusian State Technological University

PUBLIC OPINION AS SOCIAL INSTITUTE

The article analyzes methodological approaches to studying the structure and functions of public opinion as a cognitive phenomenon and as a social institution. The historical reconstruction of the forms, types of collective representations characteristic of various historical types of societies makes it possible to identify the principles of the functioning of public opinion in conditions of egalitarian, simple (traditional) social systems and in conditions of social modernization. It is concluded that the formed public opinion is a necessary condition for the evolution of the vertical social structures of mechanical solidarity societies to the construction of horizontal relations based on legal equality and contractual principles of free people, relations that constitute the essence of civil society. The formation of public opinion as an autonomous social institution, which presupposes the presence of tools to legitimize collective will and social control of its implementation, had significant social significance in the sense that for the first time in the centuries-old history of mankind, all people, regardless of their social origin and position, were recognized as equal participants in social life. Analysis of the structural and functional parameters of public opinion as a social institution makes it possible to substantiate the principle of freedom of public expression as a fundamental imperative of social modernization.

Key words: public opinion, social institution, institutionalization, civil society, public, mass.

Введение. Транзит обществ в направлении постиндустриального качества является господствующей тенденцией как локально-национальной, так и глобально-цивилизационной социальной динамики. Одним из существенных признаков социальной модернизации является изменение духовной жизни общества, которое заключается в трансформации общественного сознания.

Первичные стадии формирования индустриального общества характеризовались стремлением к демистификации и десакрализации сил социальной динамики как на уровне мас-

совой психологии, так и на уровне идеологии. Исчерпание модели индустриального экономического роста и переход к обществу, основанному на производстве информации, а не капитала, привел к частичной реабилитации иррационального в структуре общественного сознания. Одним из ключевых процессов, характеризующих изменения структурно-функциональных характеристик общественного сознания в условиях социальной модернизации, является институционализация общественного мнения.

Основная часть. Общественное мнение представляет собой многомерный духовно-практический феномен функционирования социальной системы.

Общественное мнение может проявляться во всех сферах общественной жизни: экономика, политика, нравственность, культура, наука, образование, религия, право. Все они коррелируют между собой. Например, с политическими оценками связаны и правовые оценки действий людей. Моральные оценки соизмеряют поведение людей с общепринятыми нормами.

Общественное мнение является предметом анализа практически во всех областях общественного сознания; оно используется представителями журналистики и политтехнологами, руководителями различного уровня и активистами социальных движений. Общественное мнение не только активно изучается, но и искусственно формируется, оно воспринимается большинством населения как прогнозируемое явление, а профессионалами – как социальная технология, широко применяемая в современном управлении социальными процессами [1]. **Общественное мнение** – это специфическое проявление общественного сознания, сложное духовное образование, выражающее оценочное отношение (вербальное или невербальное) больших социальных групп, классов, народа в целом к актуальным проблемам действительности, представляющим общественный интерес.

Из определения следует, что только те вопросы развития общества или его отдельной сферы, которые находятся в настоящее время в фокусе общественных интересов, могут стать базой для формирования общественного мнения.

Хотя общественное мнение существует во все исторические эпохи, сам термин, его обозначающий, появился в Англии в XII в. и представляет буквальный перевод сочетания двух слов «public opinion». Впервые его употребил Дж. Солсбери в книге «Поликратик» для обозначения моральной поддержки парламента со стороны населения. Из Англии это выражение проникло в другие страны и с конца XVIII в. стало общепринятым.

Начало теоретических исследований общественного мнения связывают с именем французского социолога Тарда Г. В работе «Мнение и толпа» (1902) Г. Тард глубоко анализировал особенности психологических процессов в больших группах. В частности он обосновывал возникновение и распространение общественного мнения действием механизма подражания. «И я утверждаю, что... присутствие в данный момент во всех умах и волях одного и того же общества... множества одинаковых идей, целей и средств есть результат внушения-подра-

жания» [2], а также такому фактору его формирования и функционирования, как «разговоры» (общение – коммуникация, в том числе массовая – пресса), которые являются важнейшими детерминантами мнения.

Одной из главных идей Тарда является разделение массы (общества) на два типа больших социальных групп: толпы и публики. В первой люди физически сплочены, во второй – рассеяны, первая «гораздо более нетерпима», вторая – более пассивна. Публика – это более развитая психологически и интеллектуально группа, объединенная общим источником информации. Именно публика, по мнению Тарда, порождает общественное мнение.

Важный вклад в понимание политической роли общественного мнения внесли книги А. Л. Лоуэлла «Общественное мнение и народное правительство» (1926) и У. Липпмана «Общественное мнение» (1922). Лоуэлл провел углубленный теоретический анализ проблемы компетентности общественного мнения, в частности в управленческой и государственно-правовой сферах и пришел к выводу об ограниченности области влияния общественного мнения на процесс государственного управления. Он считал, что существуют политические проблемы, которые недопустимо решать посредством апелляции к общественному мнению. Данный тезис далее был развит У. Липпманом, который потратил немало сил, чтобы развеять миф «о всеведущем и всемогущем гражданине» [3]. Липпман последовательно аргументирует тезис об ограниченности общественного мнения, которая вытекает из неспособности «среднего обывателя» критически воспринимать и оценивать информацию, его склонности мыслить стереотипами и т. п. В итоге как Лоуэлл, так и Липпман, не подвергая сомнению необходимость включения рассматриваемого феномена в процессы выработки и реализации политики, подводят к мысли о том, что компетенция последнего должна быть ограничена. В этой связи нельзя не упомянуть знаменитой полемической статьи П. Бурдьё «Общественного мнения не существует», в которой он также предостерегает от неправильного и некритического включения массовых оценок в процессы государственного управления. Хотя следует заметить, что основная критика статьи направлена не против самого феномена общественного мнения, а против приемов его измерения и интерпретации [4].

Новый этап в изучении общественного мнения начался в связи с установлением в 1940 г. «двухступенчатого порога коммуникации». П. Лазарсфельд, Б. Берельсон и Г. Годэ установили, что распространение информации и ее влияние на общественное мнение происходит

как бы в два этапа: сначала от средств массовой информации к «лидерам мнений», главным образом неформальным, потом – от этих лидеров к их последователям. Таким образом, было выявлено существование определенных инновационных групп, которые продуцируют или первыми усваивают новые ориентиры, новую информацию.

Среди современных трактовок общественного мнения выделяются три наиболее влиятельные концепции: морализующе-нормативная (Ю. Хабермас); социально-имажинативная (Н. Лумана); демоскопическая (Э. Ноэль-Нойман).

Хабермас в своих работах указывает, что публика – это не народ, не масса, не большинство населения, не «все», а специфический агент социальной медиации, который «законным образом» устраняет противоречия в интересах существующего государства и буржуазного общества. Луман рассматривает общественное мнение как абсолютно бессубъектное образование, как набор тем, организующих драматургию публичного социального действия.

Историческую реконструкцию первоначального типа общественного мнения следует соотнести с первыми объединениями коллективов людей, которые в истории называются праобщинами. Ведущей характеристикой этого периода является установление социального (над биологическим, животным эгоизмом) приоритета в человеке, в общественных отношениях. Для продолжения рода нужны были организованность, дисциплина, справедливое распределение общинного труда. Все, что этому мешало, подавлялось силой такого регулятора социальной жизни, как общественное мнение. Сущность данного явления следует определить как стихийное проявление коллективной психологии в сфере материальных потребностей с дальнейшим разделением труда, с осознанием своих интересов, поступков. Общественное мнение выступает как способ самоуправления общин.

Появление родовых общин (первобытнообщинный строй), крупные сдвиги в развитии производительных сил и, как следствие, изменение в организации общества ведет к тому, общественное мнение начинает приобретать относительную самостоятельность как социальный феномен, включающий уже в себя интеллектуальную, эмоциональную и волевою стороны общественного сознания. Предельно простая иерархия управления родовыми отношениями выражалась в простом и демократическом самоуправлении, на вершине которого находилось общественное мнение. Общественное мнение формирует и утверждает традиции, нормы, обычаи, формы поощрения и наказания. Общественное мнение в этот период носит оценочный характер.

И если аграрная модификация традиционного общества не приносит существенных изменений в структуру и функциональную динамику общественного мнения, то социальная модернизация и связанные с ней секуляризация и укоренение плебисцитарных форм гражданского самоуправления приводят к кодификации и регламентированию способов публичного выражения своих интересов различными социальными группами

Буржуазия, до этого активно использовавшая мнение большинства в борьбе с остатками феодальных отношений, укрепляет свои позиции и направляет все усилия на разработку идеологической системы, которая обеспечила бы ее власть и господство. Появляется идеология, мораль, в которой частный интерес (как основа предпринимательской деятельности) провозглашается как высшая цель и главный мотив человеческой жизни. Социальное неравенство закрепляется не только в идеологии, но и в праве. Наступает период манипулятивной пропаганды с использованием социально-психологических, пропагандистских и коммуникативных механизмов. Через профсоюзы, политические партии, через активные действия субъектов общественного мнения масс народа становится все более весомым и значимым. Общественное мнение в процессе социальной модернизации обретает все признаки социального института.

Становление общественного мнения как социального института тесно связано со становлением гражданского общества и национальных государств. Гражданское общество возникает в процессе и в результате отделения государства от социальных структур, обособления его как относительно самостоятельной сферы общественной жизни и одновременно разгосударствления ряда общественных отношений. Категория «гражданское общество», отличная от понятий государства, семьи, племени, нации, религиозной и других общностей, стала предметом изучения в XVIII–XIX вв. и обстоятельно разработана в «Философии права» Гегеля, определившего гражданское общество как связь (общение) лиц через систему потребностей и разделение труда, правосудие (правовые учреждения и правопорядок), внешний порядок (полицию и корпорации) [5].

В «Философии права» отмечено, что правовыми основами гражданского общества являются равенство людей как субъектов права, их юридическая свобода, индивидуальная частная собственность, незыблемость договоров, охрана права от нарушений, а также упорядоченное законодательство и авторитетный суд.

Как социальный институт общественное мнение является особым механизмом реагирования

на социально значимые вопросы путем высказывания по ним суждений заинтересованными членами общества, что носит не случайный, спорадический характер, а является постоянно действующим социальным фактором. Функционирование общественного мнения как социального института означает, что оно действует в качестве своего рода «социальной власти», т. е. власти, наделенной волей и способной подчинять себе поведение субъектов социального взаимодействия.

Чтобы общественное мнение получило статус социального института, оно должно обладать следующими свойствами: выражаться всегда публично; заключаться в одобрении или осуждении определенных социальных фактов; на обсуждение народа должна ставиться важная практическая проблема, затрагивающая существенные интересы людей; у народа должен иметься постоянный доступ к информации по проблеме; оно оказывает влияние на функционирование общества и его институтов, особенно политической структуры общества.

Условием существования общественного мнения как социального института выступает обеспечение полноты и свободы его открытого выражения, что возможно только в развитом гражданском обществе. Для социального института общественного мнения необходимы институциональные структуры, узаконенные каналы выражения общественного мнения и внимание власти к позиции общества.

Заключение. Таким образом, структурно-функциональная реконструкция формирования общественного мнения как специфического феномена коллективных представлений позволяют утверждать, что институционализация общественного мнения является существенным признаком социальной модернизации. Институциональные механизмы, регламентирующие становление публик как групп интересов, защита свободы конкуренции в публичном высказывании создают условия для формирования социальной базы общества индустриального и постиндустриального типа.

Список литературы

1. Титаренко Л. Г. Социология общественного мнения. Минск: Асар, 2013. 43 с.
2. Тард Г. Общественное мнение и толпа. М.: КСП+, 1999. С. 45–47.
3. Lipman W. *Public Opinion*. New York: Harcourt, Brace & Co., 2000. P. 87
4. Бурдьё П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С. 28–34.
5. Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. М.: Мысль, 1990. 52 с.

References

1. Titarenko L. *Sotsiologiya obschestvennogo mneniya* [Sociology of public opinion]. Minsk, Asar Publ., 2013. 43 p.
2. Tard G. *Obshchestvennoye mneniye i tolpa* [Public opinion and crowd]. Moscow, KSP+ Publ., 1999, P. 45–47.
3. Lipman W. *Public Opinion*. New York, Harcourt, Brace & Co., 2000. P. 87.
4. Burdie P. *Sotsiologiya politiki* [Sociology of politics]. Moscow, Socio-Logos Publ., 1993, pp. 23–34.
5. Gegel G. V. F. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Moscow, Mysl' Publ., 1990. 52 p.

Информация об авторе

Подручный Михаил Викторович – старший преподаватель кафедры философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: in_litteras@tut.by

Information about the author

Podruchny Mikhail Viktorovich – Senior Lecturer, the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: in_litteras@tut.by

Поступила 12.09.2020

УДК 34. 343.1

И. И. Шишковец

Международный университет «МИТСО»

**О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРИМЕНЕНИЯ
ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЙ МЕДИАЦИИ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

В статье раскрывается содержание восстановительной медиации, уникальные свойства которой, связанные с технологичностью и профессиональной компетентностью медиатора, способствуют эффективному урегулированию конфликтов, примирению сторон.

Автор анализирует международный опыт применения восстановительной медиации в уголовном судопроизводстве в рамках восстановительного правосудия для возмещения и компенсации ущерба от преступлений, примирения сторон, исследует его особенности.

В статье обосновывается необходимость законодательного регулирования восстановительной медиации, применение которой в уголовном судопроизводстве Республики Беларусь будет способствовать урегулированию конфликта между потерпевшим и правонарушителем, их примирению, возмещению причиненного вреда (ущерба).

Результаты исследования позволяют обосновать предложения по совершенствованию положений Закона Республики Беларусь «О медиации», Уголовного кодекса Республики Беларусь и Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь.

Ключевые слова: медиация, восстановительная медиация, восстановительное правосудие, ювенальная юстиция, уголовное судопроизводство, уголовный процесс.

I. I. Shishkovets

International University “MITSO”

**ON LEGAL REGULATION OF THE USE
OF RESTORATIVE MEDIATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS
OF THE REPUBLIC OF BELARUS**

The article reveals the content of restorative mediation, the unique properties of which, associated with the technology and professional competence of the mediator, contribute to the effective settlement of conflicts, reconciliation of the parties.

The author analyzes the international experience of using restorative mediation in criminal proceedings in the framework of restorative justice for compensation and compensation for damage from crimes, reconciliation of the parties, and explores its features.

The article substantiates the need for legislative regulation of restorative mediation, the use of which in criminal proceedings of the Republic of Belarus will contribute to the settlement of the conflict between the victim and the offender, their reconciliation, compensation for harm (damage).

The results of the research allow us to substantiate proposals for improving the provisions of the law of the Republic of Belarus “On mediation”, the Criminal code of the Republic of Belarus and the Criminal procedure code of the Republic of Belarus.

Key words: mediation, restorative mediation, restorative justice, juvenile justice, criminal proceedings, criminal procedure.

Введение. Споры и конфликты сопровождают человечество в течение его эволюционного развития, приводят к обострению противоречий между людьми, разрушению социального порядка, причинению существенного материального ущерба общественным интересам, правам, свободам граждан, что актуализировало необходимость использования не только государственных способов их урегулирования, но и альтернативных, прежде всего медиации.

Медиация (от лат. *mediare* – посредничество) – примирительная процедура, в основе которой лежат переговоры конфликтующих сторон с участием медиатора (посредника) с

целью выработки взаимовыгодного соглашения сторон по спорным вопросам [1]. В законодательстве нашей страны медиация определена как «переговоры сторон с участием медиатора в целях урегулирования спора (споров) сторон путем выработки ими взаимоприемлемого соглашения» [2]. В этих определениях отражаются такие ее структурные элементы, как посредничество и переговоры.

Посредничество и переговоры сторон как предтечи зарождения медиации имеют архаичное происхождение. Необходимость привлечения третьей нейтральной стороны для урегулирования спора (конфликта) в древности обуславливалось

прежде всего желанием выжить, сохранить свое потомство. Однако институт медиации в современном виде был теоретически обоснован и использован в США в середине XX в. Предпосылками ее возникновения послужили новые формы конфликтов, возникающих между профсоюзами и работодателями за условия труда и размер заработной платы, урегулирование которых требовало технологичности процесса медиации, соответствующих профессиональных компетенций посредника, способствующих эффективному примирению сторон. В 70-х гг. прошлого века медиация получила распространение в странах Западной Европы, Австралии, Канаде и других, а в начале 2000-х гг. и в Республике Беларусь.

Медиацию справедливо относят к неюрисдикционным способам, основу которых составляют примирительные (консенсуальные, согласительные) процедуры [3, с. 43]. Необходимо отметить специфическую роль медиатора, отвечающего лишь за процесс медиации, а не за ее результат. Л. Паркинсон справедливо указывает на то, что клиенты, обратившиеся к медиации, вправе не получать консультаций и советов, о которых не просили и в которых не нуждаются [4, с. 28]. Основными задачами медиатора являются обеспечение возможности сторонам самостоятельно урегулировать возникший между ними спор (конфликт), создание для этого благоприятных условий, а также сохранение между ними хороших межличностных отношений. Его функциональное назначение состоит в том, чтобы «формулировать, уточнять, прояснять, разъяснять высказывания сторон в процедуре медиации, содействовать им в анализе выгод, последствий и возможностей, организовать процесс взаимодействия, поиск совместных решений и т. д.» [5].

Основная часть. Современный зарубежный опыт борьбы с преступностью свидетельствует о широком применении медиации для урегулирования уголовно-правовых конфликтов, получившей название восстановительной медиации, заключающейся в «создании медиатором условий для восстановления способности людей понимать друг друга и договариваться о приемлемых для них вариантах разрешения проблем, возникающих в результате криминальных ситуаций [3, с. 395]. Восстановительная медиация направлена на примирение участников конфликта и выработку соглашения о способах заглаживания вреда, причиненного противоправными действиями одной стороны против другой. Это направление медиации развивается в рамках общей концепции восстановительного правосудия, отвечающего требованиям современного гражданского общества,

противопоставляющего себя традиционному уголовному правосудию.

Всемирное движение за восстановительное правосудие зародилось в конце 1970-х гг. прошлого столетия. 24 июля 2002 г. Экономический и Социальный Совет ООН принял Декларацию «Основные принципы использования программ восстановительного правосудия в уголовных делах», в которой были отражены цели и методы восстановительного процесса при производстве уголовных дел [6]. По своей сути восстановительное правосудие – это новый подход мировой общественности к совершенным преступлениям и уголовному наказанию, основанный на гуманистических и нравственных началах, реализация которого способствует совершенствованию системы уголовного правосудия, делает борьбу с преступностью более гуманной и действенной как в отношении преступника, так и его жертвы.

В процессе восстановительной медиации сторонам обеспечивается возможность для обсуждения и урегулирования конфликта, пострадавший получает извинения от обидчика, с которым согласуются условия заглаживания причиненного правонарушителем вреда и др., тем самым задействуется внутренняя духовно-нравственная составляющая сторон, выполняющая превентивную функцию, способствующая включению нарушителя закона обратно в общество.

Возмещение ущерба и компенсация – это в первую очередь понимание и признание обидчиком нанесенного вреда, готовность заглаживать вред, отвечать за свои действия, в чем и заключается основной смысл теории восстановительного правосудия.

Результаты анализа подходов ученых дают основание определить восстановительную медиацию, применяемую в уголовном судопроизводстве, как переговоры конфликтующих сторон для разрешения проблем, возникающих в результате криминальных ситуаций, с участием медиатора в целях возмещения и компенсации ущерба от преступления, а также примирения сторон.

Восстановительная медиация активно используется субъектами правоохранительной деятельности многих зарубежных стран для урегулирования уголовно-правовых конфликтов в уголовном судопроизводстве на стадиях возбуждения расследования, рассмотрения и разрешения уголовных дел, а также исполнения приговоров.

На актуальность ее применения в разрешении уголовно-правовых конфликтов в уголовном судопроизводстве указывает международное законодательство, а также зарубежный

опыт. Так, в преамбуле Рекомендаций Комитета министров Совета Европы (СЕ) от 15.09.1999 г. «О посредничестве по уголовным делам» подчеркивается возможность и преимущества применения медиации по уголовным делам на любой стадии уголовного судопроизводства. Странам СЕ рекомендуется рассматривать медиацию как дополнение к традиционному уголовному процессу или в качестве альтернативы к нему, что будет способствовать уменьшению числа приговоров к лишению свободы, сокращению расходов на тюремную систему. В Рекомендациях закреплены концептуальные положения о смене традиционных действующих лиц уголовного процесса (государство и правонарушитель) на пострадавшего и правонарушителя, характерных для восстановительного правосудия [7].

В настоящее время восстановительную медиацию в отношении несовершеннолетних лиц достаточно широко используют некоторые страны, в законодательстве которых закреплено применение медиации. Так, «в Финляндии более 60% уголовных дел рассматриваются в порядке медиации без привлечения подростков к уголовной ответственности. В Грузии этот показатель с 31% в 2014 г. (начало реформы) вырос до 59% к 2018 г.» [8, с. 80]. Применение восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних лиц способствует переходу от карательной направленности воздействия к ресоциализации и реадaptации несовершеннолетних правонарушителей.

Восстановительная медиация расширяет сферу применения в уголовном судопроизводстве многих зарубежных стран, выступает эффективным средством примирения сторон, обеспечения компенсации ущерба от преступления, имеет определенные особенности.

Так, в Норвегии с 80-х гг. XX в. медиация применяется по уголовным делам с участием несовершеннолетних лиц, в Греции с 2006 г. – по уголовным преступлениям, связанным с домашним насилием, в Испании – в сфере ювиальной юстиции, в Польше ее применение регламентируется Уголовно-процессуальным кодексом в отношении совершеннолетних (с 1997 г.) и несовершеннолетних (с 2000 г.) правонарушителей [9, с. 92].

Необходимо отметить, что успешная реализация задач восстановительного правосудия в уголовном судопроизводстве различных стран посредством восстановительной медиации обусловило его законодательное закрепление, постепенное внедрение новелл по системе «от несовершеннолетних к взрослым, от нетяжких преступлений к тяжким», регулирующих ресоциализацию и реадaptацию правонарушителей.

Может представлять интерес законодательное регулирование медиации в Республике Казахстан. В соответствии со ст. 1 Закона Республики Казахстан «О медиации», сферой применения медиации являются споры либо конфликты, возникающие из гражданских, трудовых, семейных и иных правоотношений с участием физических и (или) юридических лиц, а также рассматриваемые в ходе уголовного судопроизводства по делам об уголовных проступках, преступлениях небольшой и средней тяжести, а также тяжких преступлениях в случаях, предусмотренных ч. 2 ст. 68 Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее – УК), если иное не установлено законами Республики Казахстан [10].

В этой стране нормы о медиации имеются в УК, а также в Уголовно-процессуальном кодексе (далее – УПК). В соответствии с пунктом 1 ст. 68 УК, лицо, совершившее уголовный проступок или преступление небольшой или средней тяжести, не связанное с причинением смерти, подлежит освобождению от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим, заявителем, в том числе в порядке медиации, и загладило причиненный вред [11].

Несовершеннолетние, беременные женщины, женщины, имеющие малолетних детей, мужчины, воспитывающие в одиночку малолетних детей, женщины в возрасте пятидесяти восьми и свыше лет, мужчины в возрасте шестидесяти трех и свыше лет, впервые совершившие тяжкое преступление, не связанное с причинением смерти или тяжкого вреда здоровью человека, могут быть освобождены от уголовной ответственности, если они примирились с потерпевшим, заявителем, в том числе в порядке медиации, и загладили причиненный вред. При освобождении от уголовной ответственности к несовершеннолетнему применяются принудительные меры воспитательного воздействия (п. 2 ст. 68 УК).

Кроме того, в ст. 421 УК Республики Казахстан исключена уголовная ответственность медиатора за отказ от дачи показаний против лиц и об обстоятельствах, ставших им известными в процессе медиации. В ст. 23 УПК Республики Казахстан закреплено проведение медиации на основе состязательности и равноправия сторон. При этом подозреваемому, обвиняемому, подсудимому предоставлены права на примирение с потерпевшим, заключение процессуального соглашения, соглашения о достижении примирения в порядке медиации. Медиатор отнесен к иным лицам, участвующим в уголовном процессе (глава 10 УПК), наряду со свидетелем, экспертом, специалистом, переводчиком, понятым, секретарем судебного заседания и судебным приставом. Он не подлежит допросу в

качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших известными ему в связи с проведением медиации, за исключением случаев, предусмотренных законом (ст. 78 УПК) [12].

В настоящее время в Республике Беларусь проблемы применения медиации в уголовном процессе рассматриваются исключительно на теоретическом уровне, так как законодательно они не урегулированы. Согласно ст. 2 Закона Республики Беларусь «О медиации», ее сферой являются только частно-правовые споры (конфликты), возникающие из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности, а также споры, возникающие из трудовых и семейных правоотношений [2].

Необходимо отметить, что в УК и УПК Республики Беларусь содержатся нормы о примирении сторон. В частности, в соответствии со ст. 89 УК Республики Беларусь, «лицо, совершившее преступление, не представляющее большой общественной опасности, или впервые совершившее менее тяжкое преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный преступлением вред» [13].

В УПК Республики Беларусь содержатся следующие нормы о примирении сторон:

«Часть 2 ст. 28 УПК Республики Беларусь предусматривает возможность прекращения производства по делам частного обвинения в связи с примирением лица, пострадавшего от преступления с обвиняемым;

Ст. 29 УПК Республики Беларусь предусматривает, что уголовное дело не может быть возбуждено, а по возбужденному делу производство подлежит прекращению, в том числе за примирением лица, пострадавшего от преступления, с обвиняемым по уголовным делам частного обвинения (п. 5 ч. 1);

Ст. 30 УПК Республики Беларусь – суду, прокурору или следователю с согласия прокурора предоставлено право прекратить производство по уголовному делу и освободить лицо от уголовной ответственности, в том числе в связи с примирением с потерпевшим (п. 4 ч. 1);

В п. 24 ч. 2 ст. 43 УПК Республики Беларусь предусмотрено право обвиняемого примириться с потерпевшим по делам частного обвинения;

право примириться с обвиняемым по делам частного обвинения предоставлено и потерпевшему (п. 17 ч. 1 ст. 50 УПК)» [14].

Изложенные положения УК и УПК были разъяснены Верховным Судом Республики Беларусь в постановлении Пленума Верховного

Суда Республики Беларусь от 29 марта 2012 г. № 1 «О практике применения судами ст. 86, 88, 89 УК Республики Беларусь, предусматривающих возможность освобождения лица от уголовной ответственности. В соответствии с п. 5 данного постановления, «Под примирением лица, совершившего преступление, с потерпевшим применительно к положениям ст. 89 УК судам следует понимать свободное и добровольное урегулирование возникшего в связи с совершенным преступлением конфликта между обвиняемым и потерпевшим с их последующим обращением к суду с заявлением о примирении с просьбой освободить обвиняемого от уголовной ответственности. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением лица, совершившего преступление с потерпевшим, может иметь место по уголовным делам как публичного, так и частного публичного обвинения» [15].

Таким образом, в УК и УПК Республики Беларусь лишь констатируется примирение с потерпевшим и его последствия, но не отражен механизм примирительной процедуры, реализуемый в рамках восстановительной медиации.

Необходимо отметить, что в законодательстве Республики Беларусь ранее отмечалась необходимость введения медиации в уголовный процесс. В частности, п. 16.14 п. 16 Указа Президента Республики Беларусь № 672 от 23 декабря 2010 г. «Об утверждении Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения» предусматривает «необходимость в принятии мер по введению в уголовный процесс института медиации (посредничества) для внесудебного урегулирования конфликтов» [16].

Современные реалии белорусского общества и международная практика свидетельствуют о целесообразности применения медиации в уголовном судопроизводстве Республики Беларусь, на что указывают в своих работах такие исследователи, как Шилин Д. В. [17], Каменков В. С. [18], Симахин Ю. М. [19] и Мелешко В. В. [20]. Они справедливо отмечают, что внедрение медиации в уголовное судопроизводство Республики Беларусь будет способствовать полному урегулированию конфликта, возникшему между потерпевшим и правонарушителем, возмещению причиненного вреда (ущерба) или его заглаживанию, применению более мягких видов наказания к правонарушителю, снятию социальной напряженности между обвиняемым и потерпевшим, экономии процессуальных средств разрешения уголовно-правового конфликта.

Таким образом, применение медиации в уголовном судопроизводстве Республики Бела-

речь отвечает современным реалиям белорусского общества, будет способствовать урегулированию конфликта между потерпевшим и правонарушителем, возмещению причиненного вреда (ущерба) или его заглаживанию, экономии процессуальных средств, используемых для примирения с потерпевшим, а также гуманизации уголовной политики.

Заключение. 1. Восстановительная медиация в уголовном судопроизводстве – это переговоры конфликтующих сторон для разрешения проблем, возникших в результате криминальной ситуации, с участием медиатора в целях возмещения и компенсации ущерба от преступления, а также примирения сторон.

2. Результаты анализа зарубежного опыта указывают на необходимость разработки и совершенствования следующих нормативных правовых актов Республики Беларусь, регулирующих применение медиации в уголовном судопроизводстве:

– дополнить ст. 2 Закона Республики Беларусь «О медиации» положением о применении медиации в целях урегулирования уголовно-

правовых споров (конфликтов) в уголовном судопроизводстве;

– в гл. 7 УПК Республики Беларусь отразить положения об отнесении медиатора к иным участникам уголовного процесса, его правовом статусе, предъявляемых к нему требованиях, порядке привлечения к участию в деле, а также обеспечении выполнения медиативных соглашений;

– ст. 89 УК Республики Беларусь изложить в следующей редакции: «лицо, совершившее преступление, не представляющее большой общественной опасности, или впервые совершившее менее тяжкое преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим, в том числе с использованием медиации, и заглавило причиненный преступлением вред».

В заключение необходимо отметить, что для Республики Беларусь восстановительная медиация представляет собой относительно новое явление, использование которого поднимет уголовное судопроизводство на новый качественный уровень.

Список литературы

1. История возникновения и развития медиация. URL: <https://megaobuchalka.ru/5/23089.htm> (дата обращения: 14.02.2020).
2. О медиации: Закон Республики Беларусь от 2 июля 2013 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2019. № 58-3.2/2715.
3. Здрок О. Н. Медиация: пособие. Минск: Четыре четверти, 2018. 518 с.
4. Паркинсон Л. Семейная медиация. Москва: Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования, 2010. 400 с.
5. Профессиональный стандарт «Специалист в области медиации (медиатор)»: утв. приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 15 дек. 2014 г. № 1041н. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70743342/#ixzz4WD7Hn1Ww>. Дата обращения: 14.02.2020.
6. Правосудие восстановительное. URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/ekonomika_i_pravo. Дата обращения: 14.02.2020.
7. Рекомендация № R (99) 19 Комитета министров государствам-членам Совета Европы, посвященная медиации в уголовных делах: принята Комитетом министров 15 сент. 1999 г. на 679-й встрече представителей Комитета Министров СЕ. URL: https://nadejdaarh.ru/images/dokuments/norm_prav. Дата обращения: 14.02.2020.
8. Поплавский С. М. Международный опыт осуществления восстановительного правосудия и перспективы его использования в уголовном процессе Республики Беларусь // Предварительное расследование. 2019. № 3 (53). С. 80–83.
9. Халецкая Т. М. О применении медиации в уголовном судопроизводстве // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, научно-практ. журнал Право. by. 2018. № 3 (53). С. 92–96.
10. О медиации: Закон Республики Казахстан от 28 янв. 2011 г. № 401-IV // Юрист. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30927376#pos=3;-155. Дата обращения: 14.02.2020.
11. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 № 226 – V ЗПК // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2014. № 13 – II. Ст. 83.
12. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231 // Казахстанская правда. 2014. № 133 (27754).
13. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 (в ред. от 11.11.2019) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2020.
14. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3 (в ред. от 17.07.2018) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2020.

15. О практике применения судами статей 86, 88, 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь: пост. Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29 марта 2012 г. № 1. URL: <https://bii.by>tx.dll?d=235663>. Дата обращения: 14.02.2020.

16. Об утверждении концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения: Указ Президента Респ. Беларусь, 23.12.2010, № 672: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 30.12.2011 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2020.

17. Шилин Д. В. Перспективы введения медиации в уголовный процесс // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2020.

18. Каменков В. С., Коваль А. В. Медиация и примирение – законные альтернативы уголовному преследованию // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2020.

19. Симахин Ю. М., Дубовик Э. Г., Рабчевская А. А. Медиация в уголовном судопроизводстве: перспективы развития в Республике Беларусь // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2020.

20. Мелешко В. В. Медиация в уголовном процессе Республики // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2020.

References

1. *Istoriya vozniknoveniya i razvitiya mediatsii* [History of the origin and development of mediation]. Available at: <https://megaobuchalka.ru/5/23089.htm> (accessed 14.02.2020).

2. About mediation: Law of the Republic of Belarus, July 12, 2013. *Nats. reestr pravovyykh aktov Resp. Belarus'* [National register of legal acts of the Republic of Belarus], 2019, no. 58-Z.2/2715 (In Russian).

3. Zdrok O. N. *Mediatsiya* [Mediation]. Minsk, Chetyre chetverti Publ., 2018. 518 p.

4. Parkinson L. *Semeynaya mediatsiya* [Family mediation]. Moscow, Mezhhregional'nyy tsentr upravlencheskogo i politicheskogo konsul'tirovaniya Publ., 2010. 400 p.

5. *Professional'nyj standart "Spetsialist v oblasti mediatsii (mediator)": utv. prikazom Ministerstva truda i sotsial'noy zashchity Rossiyskoy Federacii ot 15 dekabrya 2014. No. 1041n.* [Professional standart "Specialist in the field of mediation (mediator)": approved by the order of the Ministry of labor and social protection of the Russian Federation from December 15, 2014, no. 1041n.]. Available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70743342/#ixzz4WD7Hn1Ww> (accessed 14.02.2020).

6. *Pravosudiye vosstanovitel'noye* [Restorative justice]. Available at: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/ekonomika_i_pravo (accessed 14.02.2020).

7. *Rekomendatsiya № R (99) 19 Komiteta ministrov gosudarstvam-chlenam Soveta Evropy, posvyashchennaya mediatsii v ugolovnykh delakh: prinyata Komitetom ministrov 15 sentyabrya 1999 g. na 679-y vstreche predstaviteley Komiteta Ministrov SE* [Recommendation no. R (99) 19 of the Committee of Ministers to the member States of the Council of Europe in mediation in criminal cases: adopted by the Committee of Ministers on September 15, 1999 at the 679th meeting of representatives of the Committee of Ministers of the Council of Europe]. Available at: https://nadejdaarh.ru/images/dokuments/norm_prav (accessed 14.02.2020).

8. Poplavskiy S. M. International experience in the implementation of restorative justice and protects for its use in the criminal process of the Republic of Belarus. *Predvaritel'noe rassledovaniye* [Preliminary investigation], 2019, no. 3 (53), pp. 80–83 (In Russian).

9. Haletskaaya T. M. On the application of mediation in criminal proceedings. *Nats. tsentr pravovoy inform. Resp. Belarus', nauchno-prakt. zhurnal Pravo. by* [National Center for Legal Information of the Republic of Belarus. Scientific and practical journal Pravo by], 2018, no. 3 (53), pp. 92–96 (In Russian).

10. About mediation: Law of the Republic of Kazakhstan, Jan 28, 2011. No. 401-IV. *Yurist* [Lawyer]. Available at: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30927376#pos=3;-155 (accessed 14.02.2020).

11. Criminal code of the Republic of Kazakhstan from 03.07.2014 No 226 - V ZRK. *Vedomosti Parlamenta Respubliki Kazahstan* [Bulletin of the Parliament of the Republic of Kazakhstan], 2017, no. 13–11, art. 83 (In Russian).

12. Criminal procedure code of the Republic of Kazakhstan. 04.07.2014. No. 231. *Kazahstanskaya pravda* [Kazakhstan truth], 2014, no. 133 (27754) (In Russian).

13. Criminal code of the Republic of Belarus 9.07.1999. No. 275-Z (v red. 11.11.2019). *Konsul'tant Plyus* [Consultante Plus]. Minsk, 2020.

14. Code of Criminal Procedure of the Republic of Belarus. 16.07.1999. No. 295-Z (v red. 17.07.2018). *Konsul'tant Plyus* [Consultante Plus]. Minsk, 2020.

15. *O praktike primeneniya sudami statey 86, 88, 89 Ugolovnogo kodeksa Respubliki Belarus': post. Plenuma Verkhovnogo Suda Respubliki Belarus' 29.03.2012. No. 1* [On the practice of application by the courts of art. 86,88,89 of the Criminal Code of the Republic of Belarus]. Available at: <https://bii.by>tx.dll?d=235663> (accessed 14.02.2020).

16. About the approval of the concept of improving the system of measures of criminal responsibility and the order of heir execution. *Konsul'tant Plyus* [Consultante Plus]. Minsk, 2020.

17. Shilin D. V. Prospects for introducing mediation in criminal proceedings. *Konsul'tant Plyus* [Consultante Plus]. Minsk, 2020.

18. Kamenkov V. S., Koval' A. V. Mediation and reconciliation-legal alternatives to criminal prosecution. *Konsul'tant Plyus* [Consultante Plus]. Minsk, 2020.

19. Simahin Yu. M., Dubovik E. G., Rabchevskaya A. A. Mediation in the criminal proceedings: prospects for development in the Republic of Belarus. *Konsul'tant Plyus* [Consultante Plus]. Minsk, 2020.

20. Meleshko V. V. Mediation in the criminal process of the Republic of Belarus. *Konsul'tant Plyus* [Consultante Plus]. Minsk, 2020.

Информация об авторе

Шишковец Иван Иванович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин. Международный университет «МИТСО» (220099, г. Минск, ул. Казинца, 23, Республика Беларусь). E-mail: clamrb@yandex.by

Information about the author

Shishkovets Ivan Ivanovich – PhD (Law), Assistant Professor, the Department of Advocacy and Notary. International University “MITSO” (2, Kazintsa str., 220099, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: clamrb@yandex.by

Поступила 12.05.20

УДК 347.78

Л. А. Кулис

Белорусский государственный технологический университет

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННОЙ РАБОТЫ

Активное развитие цифровых технологий и усиление роли интернет-пространства оказывает значительное влияние на развитие общественных отношений и обуславливает совершенствование их правового регулирования. Одним из проявлений совершенствования трудовых правоотношений в условиях стремительно меняющейся действительности стало законодательное закрепление дистанционной работы.

Ключевые слова: дистанционная работа, удаленная работа, работа на дому, трудовой договор, наниматель, работник.

L. A. Kulis

Belarusian State Technological University

LEGAL REGULATION OF REMOTE WORK

The active development of digital technologies and the strengthening of the role of the Internet space has a significant impact on the development of public relations and determines the improvement of their legal regulation. One of the manifestations of the improvement of labor relations in the conditions of a rapidly changing reality was the legislative consolidation of remote work.

Key words: distance work, remote work, work at home, labor contract, employer, employee.

Введение. Современный уровень общественных отношений отмечается усилением роли интернет-пространства и развитием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Эта прогрессивная тенденция затронула и трудовые отношения, что стимулировало появление новой для нашей страны нестандартной формы трудовых правоотношений – дистанционной работы.

Основная часть. В отношении большого числа работников, трудовые функции которых не связаны с материальным производством: дизайнеров, программистов, журналистов и многих других профессий с высокой долей самостоятельной и творческой составляющей – для нанимателя становится важным контроль за результатом работы, а не за временем, которое работник тратит на ее выполнение. С точки зрения интересов нанимателя и работника, выполняющего трудовые функции с высокой долей самостоятельности, выбор места выполнения трудовых функций, а также времени суток, в котором работник будет их выполнять, не предполагает какого-либо вмешательства или одобрения нанимателя. В этой связи в привычную для понимания и классическую в правовом регулировании систему отношений между работником и нанимателем внесено новшество в виде законодательного закрепления дистанционной работы.

Необходимость законодательного закрепления специфики дистанционных отношений обусловлена их разграничением, во-первых, с гражданско-правовыми отношениями между

заказчиком и исполнителем и, во-вторых, со схожими разновидностями удаленного выполнения трудовых функций. Актуальность применения удаленного выполнения трудовых функций обострилась с таким чрезвычайным для всего человеческого сообщества обстоятельством, как пандемия коронавируса.

Ценность дистанционной занятости как одной из разновидностей удаленной формы выполнения трудовых функций обнаружилась давно и успешно применяется во многих странах. В соседней Российской Федерации правовое закрепление труда дистанционных работников нашло отражение в Федеральном законе от 05.04.2013 года № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в соответствии с которым Трудовой кодекс Российской Федерации был дополнен отдельной главой 49-1, посвященной дистанционной работе.

Исходя из определения дистанционной работы, закрепленного в статье 307-1 Трудового кодекса Республики Беларусь, можно выделить три исходных положения: во-первых, дистанционная работа является разновидностью трудовых правоотношений с сохранением классических элементов в нетипичном правоотношении: правовое положение работника определяется трудовым договором, в соответствии с которым работник исполняет возложенные на него трудовые обязанности и взаимодействует с нанимателем. На такого работника распространяется действие законодательства о труде и иных актов законодательства с учетом особенностей,

установленных главой 25-1 Трудового кодекса Республики Беларусь.

Во-вторых, особенностью данной разновидности труда является то, что работник выполняет свою работу вне места нахождения нанимателя. Наниматель не имеет возможности влиять на выбор работником места выполнения им своих трудовых функций.

Из буквального прочтения правового определения дистанционной работы следует, что у работника не имеется рабочего места как такового. Это позволяет нанимателю экономить значительные средства, необходимые для организации рабочего места, которое должно соответствовать установленным законодательством санитарно-эпидемиологическим требованиям.

В-третьих, для взаимодействия между работником и нанимателем, а также для самого процесса исполнения трудовых функций используются ИКТ. Характер выполняемых трудовых функций характеризуется отсутствием использования ошестественных материалов, инструментов, приспособлений нанимателя, за исключением оборудования, являющегося носителем программного обеспечения информационно-коммуникационных технологий. На практике чаще всего таким оборудованием является личный компьютер работника.

Способы и периодичность рабочих контактов между работником и нанимателем определяются соглашением сторон. При этом законодатель не исключает личное взаимодействие с работником на условиях и в порядке, также предусмотренных соглашением сторон.

Взаимодействие между работником и нанимателем в рамках выполнения дистанционной работы осуществляется путем обмена электронными документами и сообщениями в электронном виде, которые содержат задания, уведомления, приказы и другие документы нанимателя, а также заявления, объяснения работника, результаты выполненной им работы. Для совершения некоторых действий законодатель закрепил необходимость личного присутствия работника либо предоставления ему копии документа на бумажном носителе. Так, личное присутствие работника требуется для заключения с ним трудового договора на выполнение дистанционной работы.

Соглашение об изменении такого вида трудового договора возможно путем обмена электронными документами, но с обязательным направлением в течение двух рабочих дней экземпляра данного соглашения на бумажном носителе почтовым отправлением с уведомлением о его вручении. При этом местом заключения трудового договора и дополнительных соглашений к нему считается место

нахождения нанимателя. Такой же порядок направления документов на бумажном носителе наниматель обязан соблюдать в отношении документов, для которых законодательством установлено ознакомление с ними работника под роспись, например ознакомление работника с приказом о применении дисциплинарного взыскания.

С учетом специфики дистанционной работы на работника может быть возложена обязанность использовать определенное, указанное или рекомендованное нанимателем оборудование, программно-технические средства, средства защиты информации и иные средства. Полагаем, что для обеспечения коммерческой тайны, а также для защиты конфиденциальных сведений наниматель вправе разработать и применять целый комплекс правовых, организационных, технических и иных мер, направленных на достижение этой цели, в том числе ограничить работника в использовании определенных электронных ресурсов и систем защиты. Обязательным условием эффективности таких мер является то, что работник должен быть надлежащим образом уведомлен о характере принятых нанимателем мер и об ответственности за их несоблюдение.

На работников, выполняющих дистанционную работу, распространяются нормы продолжительности рабочего времени и времени отдыха, установленные трудовым законодательством. Что касается режима рабочего времени и времени отдыха работника, то данные условия определяются по согласованию с нанимателем либо работником самостоятельно. Полагаем, что зависит это от специфики работы. Например, время дистанционного проведения учебных либо обучающих занятий определяется нанимателем и должно строго соблюдаться работником. А время разработки программного продукта может быть определено только сроком предоставления результата.

При соблюдении условий взаимодействия, режима работы и отсутствия установленных нанимателем ограничений в использовании электронных ресурсов место выполнения работы определяется работником самостоятельно. При отсутствии ограничений в договоре нанимателю не предоставлено право и, соответственно, на него не возложена обязанность контролировать определение места выполнения дистанционной работы самим работником.

Трудовой договор на выполнение дистанционной работы, как правило, заключается при принятии работника на работу. Однако необходимость удаленной работы может возникнуть и для тех работников, которые уже работают на

основании трудового договора или контракта. Законодатель не устанавливает каких-либо особенностей перехода на дистанционную работу для работающих сотрудников. Отсутствие законодательно закрепленных особенностей оставляет нанимателю возможность применения существующих в трудовом законодательстве правил изменения трудового соглашения. В первую очередь, это изменение условий трудового договора по соглашению сторон в соответствии со статьей 19 Трудового кодекса Республики Беларусь. При невозможности достижения согласия по каким-либо причинам наниматель может воспользоваться односторонним изменением существенных условий труда в рамках статьи 32 Трудового кодекса Республики Беларусь. Установленный данной статьей порядок предполагает необходимость обоснования таких изменений производственными, организационными или экономическими причинами, а также письменное предупреждение работника о предстоящих изменениях не менее, чем за один месяц. Месячный срок предупреждения может быть сокращен только с согласия работника. Еще одной возможностью перехода на дистанционную работу может быть перевод при возникновении необходимости дистанционной работы в комплексе с изменением специальности или должности (за исключением изменения их наименования), нанимателя или местности (за исключением служебной командировки) с обязательным соблюдением условий и порядка, предусмотренных соответственно статьями 30, 33 и 34 Трудового кодекса Республики Беларусь.

Как было отмечено выше, дистанционная работа является одной из разновидностей удаленной формы занятости, предполагающей выполнение трудовых функций вне места нахождения нанимателя. В трудовом законодательстве Республики Беларусь предусмотрена еще одна разновидность удаленной работы – работа на дому, которая имеет четко выраженную социальную направленность. Преимущественное право на заключение трудового договора о выполнении работы на дому предоставляется лицам, которые по объективным причинам не могут быть заняты непосредственно на производстве в данной местности. Законодатель относит к таким лицам инвалидов, пенсионеров, лиц с пониженной трудоспособностью, одиноких родителей, воспитывающих ребенка до 16 лет, и других лиц, перечисленных в статье 305 Трудового кодекса Республики Беларусь. В трудовом договоре эти лица именуется работниками-надомниками, так как выполняют работу на дому, под которой понимается работа по ме-

сту жительства работника или в других помещениях по его выбору вне помещений нанимателя.

Наниматель предоставляет в бесплатное пользование работников-надомников инструменты, оборудование, механизмы и приспособления, своевременно осуществляет их ремонт, осуществляет вывоз готовой продукции, а также возмещает работнику-надомнику его расходы, связанные с выполнением работы в размере и порядке, установленном соглашением сторон.

Таким образом, кроме социальной направленности правоотношений с работниками-надомниками, труд на дому отличается от дистанционной работы характером трудовых функций и порядком взаимодействия между работником и нанимателем.

Практикующим специалистам, работа которых связана с применением трудового законодательства, необходимо учитывать терминологическое и содержательное различие между «работниками-надомниками» и «домашними работниками». К домашним работникам законодатель относит лиц, выполняющих по трудовому договору работу в домашнем хозяйстве граждан, оказывающие им техническую помощь в литературной, иной творческой деятельности и другие виды услуг.

Заключение. Дистанционная работа является одной из разновидностей удаленной работы. Ее применение обусловливается особым характером трудовых функций работника и способом взаимодействия между работником и нанимателем.

За пределами законодательного регулирования остались имеющие широкое распространение на практике случаи внезапно возникшей в результате чрезвычайных обстоятельств потребности временного перехода всех или части работников на удаленную форму выполнения трудовых обязанностей. Нанимателю приходится в таких случаях самому определять порядок действий и закреплять алгоритм действий в локальных правовых актах. Отсутствие законодательного решения данного вопроса усложняет документальное оформление, формирует противоречивую практику и может порождать возникновение трудовых споров.

Для обеспечения терминологической согласованности и четкого разграничения трудовых и гражданско-правовых отношений более подходящим представляется термин «дистанционный труд» как форма выполнения работником трудовых обязанностей.

Понятия «выполнение работ», «результат выполненной работы», «оказание услуг» имеют выраженную гражданско-правовую направленность.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь. Минск: НЦПИ Респ. Беларусь, 2013. 656 с.
2. Трудовой кодекс Республики Беларусь. Офиц. издание. Минск: НЦПИ Респ. Беларусь, 2019. 193 с.

References

1. *Crazhdanskiy kodeks Respubliki Belarus'* [Civil Code of the Republic of Belarus]. Minsk, NTsPI Respubliki Belarus' Publ., 2013. 656 p.
2. *Trudovoy kodeks Respubliki Belarus'. Oficial'noye izdaniye* [Labor Code of the Republic of Belarus. Official edition]. Minsk, NTsPI Respubliki Belarus' Publ., 2019. 193 p.

Информация об авторе

Кулис Лидия Андреевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: lidia.kylis@gmail.com

Information about the author

Kulis Lidziya Andreevna – PhD (Law), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: lidia.kylis@gmail.com

Поступила 10.09.2020

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ	5
Крючек П. С. Проблема этногенеза белорусов в великорусской и отечественной историографии XIX – начала XX в.	5
Райченок А. А. Отражение исторической памяти в историографии белорусской государственности XX в.	10
Мазарчук Д. В. Принципы или приоритеты: к вопросу об основаниях внешней политики первых Тюдоров.	14
Космач П. Г. Развитие государственно-конфессиональных отношений в США второй половины XIX в.	19
Острога В. М. Обеспечение учебно-воспитательного процесса в начальной школе Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. (педагогическая литература)	24
Семенчик Н. Е. Сельское хозяйство и промышленность Беларуси на изломе Первой мировой войны.	28
Ляховский В. В. Геополитические концепции белорусских национальных деятелей накануне и после первой мировой войны.	37
Коваль В. У. Культурная і нацыянальная ідэнтычнасць беларусаў Латвіі ў міжваенны перыяд	44
Мосейчук Л. И. Специфика преподавания гуманитарных дисциплин на медицинском факультете Белорусского государственного университета в 1920-е гг.	50
Дубовик Е. А. Деятельность истпрофов в советской Беларуси в 1920-е гг.	54
Шанец И. Л. Особенности материально-технического обустройства государственной границы в БССР в 1921–1931 гг.	59
Зайцев А. А., Зайцева Н. В. Странная Зимняя война	64
Опиок Т. В. Восстановление социальной сферы в освобожденных осенью 1943 – весной 1944 г. районах БССР	68
Андарала І. А. Агульная канцэпцыя і асноўныя метады даследавання дзяржаўнай палітыкі па развіцці агульнай сярэдняй адукацыі Беларусі ў 1943–1980-я гг.	75
Якуш Н. М. Трудовое воспитание и профориентация учащихся в сельской общеобразовательной школе БССР (1970–1980-е гг.)	80
Острога В. А. «Рассказы по истории СССР» как инструмент формирования исторического сознания младших школьников.	85
Астрога В. А. Погляды сучасных расійскіх вайсковых экспертаў на эканамічныя метады і сродкі вядзення вайны.	89
ФИЛОСОФИЯ	93
Бурак П. М. Козволюцыйно-ноасферны стиль мышлення в совершенствовании образования и достижении безопасного будущего	93
Ксенофонтов В. А. Управление волей человека как цель и важный принцип ведения войны	104
Кандричина И. Н., Зайцева Н. В. Эпистемологические и парадигматические вопросы в контексте междисциплинарности, плюридисциплинарности и трансдисциплинарности научных исследований	111
Подручный М. В. Общественное мнение как социальный институт	115
Шишковец И. И. О правовом регулировании применения восстановительной медиации в уголовном судопроизводстве Республики Беларусь	119
Кулис Л. А. Правовое регулирование дистанционной работы	126

CONTENT

HISTORY	5
Kruchek P. S. The problem of ethnogenesis of Belarusians in the Great Russian and domestic historiography of the XIX – beginning of the XX century	5
Raichonak A. A. Reflection of historical memory in the historiography of the Belarusian statehood of the XX century.....	10
Mazarchuk D. V. Principles or priorities: early Tudor’s foreign policy foundations reconsidered	14
Kosmach P. G. The development of church-state relations in the USA during the second half of the XIX century	19
Ostroga V. M. Providing the educational process in the elementary school of Belarus in the second half of the XIX – beginning of the XX century (pedagogical literature).....	24
Semenchyk N. E. Agriculture and industry of Belarus at the changing point of World War I.....	28
Lakhouski U. V. Geopolitical concepts of Belarusian national leaders before and after the First world war.....	37
Koval V. U. The cultural and national identity of Belarusians in Latvia during the interwar period.....	44
Maseichuk L. I. Teaching humanities disciplines at the medical faculty of the Belarusian State University in the 1920s.	50
Dubovik A. A. Activity of the istprofs in the Soviet Belarus in the 1920s	54
Shanets L. I. Peculiarities of the material and technical arrangement of the state border in BSSR in 1922–1931 th	59
Zaytsev A. A., Zaytseva N. V. Strange Winter War	64
Opiok T. V. Social reconstruction in the districts of the BSSR liberated in autumn 1943–spring 1944.....	68
Andarala I. A. General concept and basic reserch methods of state policy for the development of general secondary education in Belarus in the 1943–1980s.....	75
Yakush N. M. Labor education and proforientation of students in the rural secondary school of the BSSR (1970s–1980s).....	80
Ostroga V. A. “Stories on the history of the USSR” as a tool for forming the historical consciousness of younger schoolchildren	85
Ostroga V. A. Views of modern Russian military experts on economic methods and means of warfare.....	89
PHILOSOPHY	93
Burak P. M. Co-evolutionary noospheric style of thinking in improving education and achieving a secure future	93
Ksenofontov V. A. Managing the will of man as a goal and an important principle of warfare	104
Kandrichina I. N., Zaytseva N. V. Epistemological and paradigmatic issues in the context of interdisciplinarity, pluridisciplinarity and trans-disciplinarity of scientific research	111
Podruchny M. V. Public opinion as social institute	115
Shishkovets I. I. On legal regulation of the use of restorative mediation in criminal proceedings of the Republic of Belarus	119
Kulis L. A. Legal regulation of remote work	126

Редактор *Е. И. Гоман*
Компьютерная верстка *А. А. Селиванова*
Корректор *Е. И. Гоман*

Подписано в печать 11.12.2020. Формат 60×84¹/₈.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать ризографическая.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 16,5.
Тираж 100 экз. Заказ 408.

Издатель и полиграфическое исполнение:
УО «Белорусский государственный технологический университет».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/227 от 20.03.2014.
Ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск.